

10.335
1966

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

8

1966

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

На писательском форуме	3
✓ ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Завет. Реминисценции. Со- ловьиная крепость. Стихи. Перевод с грузин- ского Евг. Евтушенко	5
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Кто живет на звездах? Повесть. Перевод с грузинского А. Беставашвили	7
ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ. Вариант Фауста. Стихи	47
СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ. Вечный город. Заповедь. Мы жители равнины, и потому... Не то, чтобы жизнь надоела... Стихи	49
БОРИС ШАТБЕРАШВИЛИ. Эхо войны. Рассказ	50
АМИРАН АБШИЛАВА. Из лирической тетради. Стихи. Переводы с грузинского Ю. Ряшен- цева и Евг. Евтушенко	56
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ. Дождь. Море. Стихи. Перевод с грузинского А. Флешина	57

КРИТИКА

КОБА ИМЕДАШВИЛИ. Размышления о прозе Но- дара Думбадзе	58
✓ АЛЕКСАНДР КРОН. Виктор Гольцев	67
Л. ДОЛИДЗЕ. Пафос жизнеутверждения	71

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Путь к изобилию. Беседа с Председателем Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахи- швили	74
--	----

См. на обороте

79.490

8

АВГУСТ
1966

800 ЛЕТ РУСТАВЕЛИ

НОДАР НАТАДЗЕ. Персонажи «Витязя в тигровой шкуре»	84
✓ П. Н. БЕРКОВ. «Бог», «мир» и «люди» в поэме Руставели	89
Страница прошлого	96
Хроника	46, 55, 70, 83, 88

На 2-й стр. обложки — «Шота Руставели». Работа чеканщика К. Гурули.

На 3-й стр. — иллюстрация к поэме «Витязь в тигровой шкуре». Худ. С. Коява.

Главный редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

И. АБАШИДЗЕ, **Б. ГАСС** (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель главного редактора), **М. ЗЛАТКИН**,
А. КУЗЬМИЧЕВ, **В. МАЧАВАРИАНИ**, **Р. ТВАРАДЗЕ**, **Э. ФЕЙГИН**,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, **Д. ШЕНГЕЛАЯ**.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5, телефон 9-06-59.

VI съезду писателей Грузии

Центральный Комитет Компартии Грузии горячо приветствует делегатов VI съезда писателей Грузии и в их лице весь славный отряд художников слова республики, желает им новых творческих побед на благо нашей великой социалистической Родины!

Ваш съезд собрался в знаменательное время, когда наша страна вступает в борьбу за осуществление плана новой пятилетки, когда советский народ, вдохновленный решениями XXIII съезда партии, выходит на новые, решающие рубежи коммунистического строительства.

Успешное решение поставленных партией задач во многом зависит от высокой сознательности трудящихся нашей страны, от воспитания их в духе идеалов коммунизма. Важную роль в воспитании нового человека партия отводит советской литературе. Нашему народу нужно больше произведений, в которых была бы выражена романтика подвига советских людей, воссозданы замечательные героические характеры современников, способные увлечь молодежь, содействовать ее патриотическому воспитанию.

Для деятелей литературы Грузии, как и для всех советских писателей, верным компасом является метод социалистического реализма — самый передовой, самый революционный метод художественного отображения действительности.

Высокий долг советского писателя — идти в первых рядах строителей коммунизма, служить своим талантом народу, делу нашей ленинской партии. Только тот писатель, который стоит на позициях коммунистической партийности и живет интересами народа, способен создать реалистические произведения, правдиво отображать жизнь.

В ленинской политике партии, в партийном руководстве искусством деятеля советской литературы видят могучий идейный источник творческого труда.

Союз писателей Грузии призван бороться за коммунистическую идейность грузинской литературы, сплачивать и объединять деятелей литературы на принципиальных позициях партийности и народности. Важной его задачей является забота об идейной вооруженности, моральном облике и профессиональном мастерстве творческой молодежи.

Дорогие товарищи!

В ваших руках — сильное и прекрасное оружие, оружие художественного слова, и оно должно всегда действовать в интересах народа, для его блага. Это в традициях грузинской литературы, осененной гением Шота Руставели, 800-летие со дня рождения которого отмечается в этом году во всем мире.

Центральный Комитет Компартии Грузии призывает вас к новым художественным свершениям, к достижению новых высот в борьбе за идейность и мастерство, к дальнейшему расширению и упрочению тесных связей литературы с жизнью народа. Нет сомнения, что две знаменательные даты — 50-летие победы Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина грузинские писатели ознаменуют новыми замечательными произведениями.

Центральный Комитет Компартии Грузии выражает твердую уверенность в том, что писатели республики отдадут все силы созданию произведений, правдиво, вдохновенно и ярко отражающих величие и красоту нашего времени, внесут достойный вклад в общенародное дело коммунистического строительства!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОМПАРТИИ ГРУЗИИ

— VI съезд писателей Грузии — это ворота в руставелевский юбилей. Сегодня мы открываем эти ворота в великое национальное торжество грузинского народа, — сказал председатель правления Союза писателей Грузии Ираклий Абашидзе в своем вступительном слове на съезде. И потом в отчетном докладе и почти во всех выступлениях делегатов и гостей съезда не переставала звучать «руставелевская тема». Можно даже с уверенностью сказать, что VI съезд писателей Грузии прошел под знаком приближающегося 800-летия со дня рождения Шота Руставели.

— Славные творческие традиции нашей национальной литературы, — говорится в докладе первого секретаря правления Союза писателей Грузии Серги Чилая, — ведут свое начало из глубины веков. Свое наиболее яркое выражение они получили в творчестве бессмертного поэтического гения грузинского народа — Шота Руставели. Эти традиции — при правильном их понимании — вовсе не идут вразрез с нашими задачами в области художественного творчества; напротив, они способствуют поискам и совершенствованию наиболее соответствующей, высокохудожественной национальной формы для грузинской социалистической культуры.

Однако так высоко поднятое на съезде знамя Руставели не заслонило основных, насущных вопросов литературной жизни республики. Нынешний съезд отделяют от предыдущего семь лет. Это немалый срок, и он дает возможность говорить о тех или иных тенденциях и явлениях, которые наметились за эти годы.

Подробную характеристику развития грузинской литературы за отчетный период дал в своем докладе С. Чилая. Об этом говорили в своих выступлениях также поэт Аλιο Мирцхулава, председатель правления Союза писателей Абхазии Иван Тарба, редактор журнала «Мнатоби» Григол Абашидзе, редактор журнала «Литературная Грузия» Михаил Мрвлишвили, ответственный секретарь Аджарского отделения Союза писателей Грузии Фридон Халваши, драматург Иона Вакели, ответственный секретарь Юго-Осетинского отделения Союза писателей республики Федор Гаглоев, поэт Шалва Амисулашвили, ответственный секретарь Кутаисского отделения Союза писателей Грузии Давид Квициридзе и другие.

Но, естественно, что на съезде говорилось также и о некоторых общих вопросах литературного процесса нашего времени, об отдельных принципиальных положениях, и это придавало его работе значительно больший удельный вес, чем если бы он ограничил себя обсуждением лишь чисто местных, конкретных вопросов, хотя, конечно, и они не были выпущены из поля зрения.

На актуальных вопросах развития многонациональной советской литературы, на традициях и новаторстве, на проблемах национальной формы языка подробно остановились Ираклий Абашидзе, лауреат премии имени Руставели Константин Гамсахурдия, писатели Демна Шенгелая, Александр Гомиашвили и Реваз Джпаридзе...

Прежде всего, прослеживая путь развития грузинской советской литературы, отмечая ее успехи и творческие достижения отдельных ее представителей, съезд выявил такое важное положение, как обращение грузинских писателей к современности, которая стала ведущей темой их творчества за эти годы. Названные на съезде произведения ведущих грузинских писателей (перечисление их займет много места, к тому же они уже хорошо известны нашим читателям) убедительно свидетельствуют об этом.

Далее. За последние годы в грузинскую литературу влилось новое молодое пополнение, которое во многом определило ее сегодняшнее направление. Молодые писатели принесли с собой новые темы, интонации, новое восприятие жизни. И это, по словам Б. Жгенти, Х. Бериулава и других, нельзя не отметить, как явление положительное.

Всемирное признание грузинской поэзии — факт общеизвестный. Что «Грузия — страна поэтов» — стало легкой фразой. Многие годы речь шла о том, что грузинская поэзия преобладает над грузинской прозой, что грузинская проза заметно отстает от поэзии. Ныне это положение следует считать устаревшим. Удельный вес грузинской прозы растет с каждым днем. Эта мысль звучала как в докладе, так и во многих выступлениях.

Одними из важных вопросов повестки дня съезда явились конкретные дела жизни писательской организации республики, издательств, печатных органов Союза писателей Грузии и т. д. Им посвятил свой доклад председатель Ревизионной комиссии Борис Чхеидзе и некоторые участники прений.

Форум писателей Грузии превратился в демонстрацию дружбы братских литератур. В его работе приняли участие писатели Москвы и союзных республик: А. Сурков, Б. Полевой, А. Салынский, Б. Рюриков, В. Солоухин, А. Вознесенский, А. Хижняк, Р. Эсенюв, А. Сирак, М. Лобан, А. Бабаев, И. Берсон, С. Бакберганов, Р. Фаиз, И. Туулик, И. Микелинцас, Э. Лотяну, а также заведующий сектором литературы отдела пропаганды ЦК КПСС А. Беляев.

Приветствие ЦК КП Грузии VI съезду огласил секретарь Центрального Комитета Д. Г. Стураа.

В заключение съезда с большой речью, посвященной задачам писателей Грузии, выступил кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе.

ЗАВЕТ

И я отверг
персидскую зурну,
отверг бесплотность всех воздушных
замков.

В поэзию —
бескрайнюю страну —
я внес
патардзеульской мяты запах.

Быть может,
этот запах слишком прян?
Ну что же —
на крови всходила мята.
И стих мой
силой варварскою пьян,
и слово соколиное крылато.

Нет,
у французов не был в рабстве я,
и носом я не рылся
в книжной пыли,
но горные потоки бытия,
кипя,
вот эти жилы затопили!

Негоден стих,
когда он только стон,
а не призыв
сражаться за свободу.
Бесплоден стих,
когда бессмыслен он,
как поиск перстня,
что уронен в воду.

Что начертало ты,
крыло орла?
О чем грома гремят
и утки кричат?
Что в том за важность!
Важность есть одна —
о чем народ
почти бесслезно плачет.

Корнями из народа я расту,
в народ ветвями
я расту, как в небо,
и по гудящей плоти
в высоту
восходят соки
мудрости и гнева.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Ускользнула ты,
юность,
а старость вскользнула,
змея...
Где ты,
прежняя буйность?
Что осталось во мне от меня?

Пусть мой стих мне ответит —
есть ли все-таки в нем
прежний натиск и ветер,
прежних гроз перегром?

Я хотел нецасытно,
чтоб мои —
на века —
были меч Ниоцминды¹
или клич кипчака.

Я любил беззаветно,
сам себя загоня.

Я приказывал ветру:
«Эй,
скорее коня!»

Где вы,
прежние кони?
Где буланый,
гнедой?
Кто вас кормит с ладони?
Кто вас поит водой?

Реки речи грузинской,
кто измерит вас,
кто?
Воевал я красиво,
но зачем?
и за что?
Ивы милой Иори, —
что мне слава,
чины! —
я сугулей Иова,
я седее,
чем вы.

¹ Ниоцминда — Нина, просветительница Грузии, причисленная к лику святых.

Как ты плакало,
олэ!¹
Ты, безгрешно,
светло,
всех спасало от боли,
а меня —
не спасло.

Дрожь трясла от азарта
и плечо,
и ружье,
но вспорхнула цесарка —
не попал я в нее.

Что же в жизни осталось?
Кто друзья?
Кто враги?
Будь же юностью,
старость!
Седина,
помоги!

Ну-ка,
прежние весны,
снова молнией — ввысь!
Поределое войско
моих песен —
сомкнись!

СОЛОВЬИНАЯ КРЕПОСТЬ

В Булбулис-цихе
я введен судьбой.
Я в крепости —
как странно! —
соловьиной,
и тишина грохочущей лавиной
летит
и погребает под собой.

Зачем —
скажите —
крепость соловью?
Зачем ему
замки,
бойницы,
стены?

Ведь соловей — он тот,
кто для вселенной —
а не для стен
слагает песнь свою.

Нам нужен мрак,
когда душой мелки,
когда мы человечиски —
не люди.
А соловей луну и звезды любит —
не закрывайте небо на замки!

Да,
соловей на то и соловей,
чтобы свободно петь —
не скрежет слушать!
Он хрупким своим голосом разрушит

не то, что крепость, —
сотни крепостей.

Зачем, —
скажите, —
крепость соловью,
зачем ему давящих сводов мрачность?
Вы дайте ему горную прозрачность,
вы дайте ему листья,
синеву!

Взгляни на крепость,
если есть глаза.
Смотри, что с нею песня сотворила:
все стены к черту песня развалила
и все замки и двери разнесла!

Кто справится на белом свете с ней,
хоть целый мир вы превратите в крепость!
Любая крепость
это же нелепость,
когда в ней все же свищет соловей.

Он, обдираясь о шипы, поет,
и перышки ему топорщит гордость,
и золотыми волнами плывет
из горлышка тонюсенького голоса.

Кто может строить крепость соловью?
Кто может быть глухим к свободной песне,
как не гордец у бездны на краю,
бессильный в неразумии и спеси?!

¹ Олэ — одинокое дерево (груз).

Кто живет на звездах?

ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского А. Беставашвили

1

До сих пор Элисо сидела молча, перечитывая отпечатанные страницы, теперь она положила бумаги на колени и взглянула на Левана.

— Я так больше не могу, — сказала она натянутым, дрожащим голосом, словно только и ждала ответной реакции, чтобы сразу вспыхнуть.

Но Леван молчал.

— Ты что, не слышишь? — тихо спросила Элисо.

Леван перестал печатать и закурил сигарету.

— Понял?

— Понял, — ответил Леван. — Все понял.

— Что все? Ты думаешь, я ничего не вижу?

— А что ты видишь?

— Все!

— Вот и прекрасно.

— Ты думаешь, я слепая? Опять Мари! Боже мой, опять эта Мари!

— Почему ты кричишь? — Леван будто только сейчас услышал голос Элисо.

— Ты слеп и глух! — проговорила Элисо. И некоторое время спустя повторила: — Слеп и глух!

— Да, — вяло согласился Леван, не особенно вникая в смысл сказанного.

— Ты никогда не наберешься ума!

— Не наберусь...

— До тебя еще не дошло, что ты уже не ребенок?

— Нет!

Леван ответил искренне. Интересно, почему так получается — все, что нравится ему, считают ребячеством?

— Элисо, ты ведь моя жена!

— Ну и что? Что с того, что я твоя жена?

— Ничего...

— Может, ты думаешь, поскольку я твоя жена, так должна молчать? Может быть, я не имею права высказывать своих мнений?

Элисо стукнула по столу ножичком, которым разрезают бумагу.

— Замолчать? Ладно, я замолчу. И тогда я тоже, между прочим, молчала!

Она встала.

— Хватит ссориться, нас ждут!

— А я и не ссорюсь! — сказал Леван.

Элисо положила стопку бумаг на стол, вышла в другую комнату, вынесла Левану сорочку и галстук, повесила на стул и сказала:

— Одевайся... опаздываем!

2

Из гостей Мзии Леван был знаком почти со всеми. Здесь были архитектор Мика, художник Гоги, музыкант Гоча, жена Мики — Тина. Но кроме них были еще три девушки, с которыми Леван не был знаком.

Девушки сидели в углу комнаты — и держали себя вызывающе, перебрасываясь короткими фразами, почти не глядя друг на друга; зато с присутствующих они не сводили глаз. Можно было подумать, будто они всем перемывают косточки, так по крайней мере показалось Левану. Он сначала улыбнулся им, но потом застеснялся, смущенно съежился, почувствовав себя под пристальным взглядом девушек манекеном в витрине.

Мзия взяла Левана за руку и подвела к девушкам.

— Познакомьтесь, девочки, это Леван Сихарулидзе.

Те кивнули. Леван опять улыбнулся им, даже попытался пошутить, но никто его не поддержал. И Левану ничего не оставалось, как закурить.

Молчание становилось неловким, Леван поймал ободряющий взгляд Элисо.

«Смелее, — призывал этот взгляд, — смелее!»

«Славы не добьешься одним творчеством, — в шутку любила повторять Элисо, — добрая половина зависит от женщин».

«Лена, Нана, Лола», — Леван повторил про себя имена девушек.

— Лола! — произнес он вслух... Это имя показалось ему необычным.

— Да? — отозвалась светловолосая веснушчатая девушка.

— Ничего, я так... — Леван снова улыбнулся.

Девушки переглянулись.

«Ты дикарь, — говорила Элисо, — настоящий дикарь. Совершенно не знаешь, с кем и как надо разговаривать».

Леван поискал взглядом Элисо, она сидела между Никой и Гоги и хохотала.

— Ты была у Верико? — спросила Лола у Наны, не сводя глаз с Левана, как бы боясь пропустить его очередную выходку.

— Нет, — ответила Нана.

— Я встретила ее на улице, — отозвалась Лена.

За этим снова последовало молчание.

Девушки сидели настороженно и не сводили с него глаз. Левану почему-то вспомнились зайцы, белые, пушистые, с наостренными ушами.

— Ну и что она сказала? — спросила Лола у Лены.

— Кто?

— Верико.

«Ты настоящий медведь, — говорила Элисо, — неповоротливый, неуклюжий. Хоть бы ты был из воска, чтоб тебя можно было вылепить заново!»

«Кем бы она меня вылепила? Вероятно, зайцем».

Леван улыбнулся.

— Где вы учитесь? — обратился он к девушкам.

— Что вы?

— Где учитесь, я спрашиваю?

Наконец-то он оправился от смущения!

— Я на театральном, — сказала Лола.

— А вы? — спросил Леван у Наны.

— Я? — удивилась Нана и взглянула на подруг, всем своим видом выражая недоумение.

— Да, вы.

— Разве вы не знаете? Нана киноактриса, — ответила Лена.

— Нигде не учитесь?

— Нет, — Лена опять ответила вместо Наны.

— Вы пишете только рассказы? — спросила Лола Левана.

— Только.

— А стихов не писали?

«Пошли на приступ!»

— Нет.

— Ясно!

Леван присмотрелся к Лоле. Ее верхняя губа выдавалась вперед, большие синие глаза так блестели, будто были освещены изнутри, веснушки ей даже шли.

— Хотите, я прочту стихотворение? — вдруг предложила Лена. — Но только по-немецки.

Лена начала читать, не спуская глаз с Левана.

Читала она с чувством.

Закончив, Лена обратилась к Левану:

— Чьи это стихи?

Леван развел руками.

— Я не знаю немецкого.

— Это Рильке, — сказала Лена.

— К сожалению, не знаю немецкого, — повторил Леван. Тут как раз к ним подошла Мзия.

— Ну, доконали парня? — спросила она с улыбкой, положив руки Левану на плечо.

— В этом году у тебя совсем другая выставка, — с улыбкой проговорила Лена.

— Ты о чем?

— В прошлом у тебя были физики и футболисты, а в этом — архитекторы, художники и писатели.

— Что поделаеть, мода.

Мзия как будто пошутила, но на самом деле, наверно, была рада, что в ее доме друг друга сменяли футболисты, физики и писатели — в зависимости от моды.

— Так и будем сидеть? — спросила Лола у Мзии.

— С Леваном было скучно?

— Я этого не говорила.

— Хочешь танцевать?

— Пожалуй!

— Сейчас Зурико притащит магнитофон и потанцуем.

— А когда он придет?

— Да скоро, уже час, как ушел.

— А вы танцуете? — спросила Лола Левана.

— Нет.

— Я вас научу, — внезапно оживилась Нана. Ну вылитая заговорившая статуя!

— Неужели Элисо до сих пор не просветила вас? — спросила Лолла с крайне наивным выражением.

— Не сумела.

— Почему же это?

— Труд не из легких!

— Ну, будет вам! — сказала Мзия таким тоном, будто была старше всех лет на двадцать.

В это время в комнату вошел маленький мальчик и втащил большущий ящик.

— Я же сказала тебе, чтобы ты не входил, — топнула ногой о паркет Мзия. — Я же тебе сказала!

Мальчик не обратил на нее никакого внимания.

— Гиги!

Он спокойно выложил из ящика разобранныю игрушечную железную дорогу, маленькие вагончики, электровоз.

— Это мой брат, — сказала Мзия Левану. — Полюбуйтесь, какой у меня братец!

Леван встал. Гиги словно только затем и появился, чтоб спасти его.

— Хороший парень, — сказал Леван. Он подошел к Гиги и присел на корточки:

— Тебе помочь?

Тот молча кивнул. Леван сел на пол рядом с Гиги и взял в руки маленький вагончик.

— Пока это оставь, — сказал ему мальчуган. — Вначале уложим рельсы.

— Я просто так, поглядеть, — проговорил Леван.

— Игрушка как игрушка, — пренебрежительно бросил мальчик.

Он передал Левану рельсы.

— Свяжи их друг с другом.

— Хорошо.

Некоторое время оба молчали, занятые делом. Затем Леван спросил:

— Да, но где же электричество?

— У них своя батарейка, — успокоил его мальчуган.

Спокойно, неторопливо уложив рельсы, они поставили на них вагоны. Затем Гиги подключил батарею. Леван оказался посреди круга, и маленький голубой поезд бегал вокруг него.

Поезд!

«Когда же это было? — думал Леван. — В прошлом году... осенью».

Левана послали в маленький приморский городок писать очерк о рыбаках.

В городке был рыбзавод.

Дом, в котором жил Леван, стоял вблизи от железной дороги, почти у самой железнодорожной насыпи.

В соседней комнате жила Мари — фельдшерница поселковой больницы. Когда проходил поезд, дом наполнялся гулом, начинал содрогаться, словно тоже собирался двинуться в путь. Сколько раз в полночь Леван просыпался: ему казалось, что он лежит в вагоне и едет, сам не зная куда.

Мари и Леван подружились с первого же дня. Если Мари не дежурила в больнице, они прогуливались вдоль железной дороги. За железной дорогой начиналось море, у моря громоздились огромные валуны.

— Ты не знаешь всего, — говорила ему Мари, — как бы тебе
сказать...

— Говори!

— До сих пор я жила словно в кувшине... да, в темном, душном
кувшине.

Мари была высокая и стройная. Ходила она гордо выпрямившись,
тоненькая, независимая. Когда разговаривала с тобой, казалось, будто
она обращается еще к кому-то, кто стоит позади тебя.

— С кем ты говоришь?

— Ни с кем, — улыбалась Мари.

ЛЕС

На опушке трава уже начала желтеть. Было здесь и солнце. Оно
робко проникало в глубину распластанного по земле леса и войти в
него не решалось.

В лесу стояла тишина. Только неведомая птица самозабвенно щел-
кала и свистела где-то среди молчаливых вершин. И пение это прида-
вало разлитой кругом тишине какую-то особую глубину и таин-
ственность.

Мари вдруг остановилась и взглянула вверх. У нее были странные
глаза, как будто в них таял сверкающий на солнце лед.

— Что там такое? — спросил ее Леван.

Мари рукой показала ему, чтобы он замолчал. Леван приблизился,
Мари продолжала глядеть вверх. У нее было такое лицо, будто она
что-то припоминала, позабывшийся мотив, имя...

— Неба не видно, — произнесла, наконец, Мари. — Совсем не
видно неба...

— Да вот же оно! — Леван взглянул вверх в полной уверенности,
что сейчас увидит его; но неба и в самом деле не было видно!

— Побежали! — Мари схватила Левана за руку, — и не разнимая
рук, они сбежали с пригорка.

— Сядем здесь, — сказала Мари, — на солнышке!

Они сели на траву, трава была теплой, будто с нее только что вста-
ло само солнце.

Леван лег на спину и закрыл глаза. Откуда-то доносились ребячьи
голоса. Наверное, школьники играли в мяч.

Птица всё заливалась. Словно из всех пернатых она одна умела
петь!

— Ты спишь? — спросила Мари Левана. — Сейчас на земле
лежать нельзя!

Леван отрицательно качнул головой. Пальцы его вдруг коснулись
руки Мари. Рука была прохладная.

— Поет, — проговорила Мари.

«Напишу редактору, попрошу продлить командировку, — думал
Леван. — Да, и Элисо надо написать!»

Задумавшись, они долго молчали.

— Неужели так никто и не живет на звездах? — неожиданно спро-
сила Мари.

— Я думаю, что никто, а почему ты спрашиваешь?

— Никто! — повторила Мари. — Значит, только на земле живут
люди?

— Наверно.

— Я хочу жить на какой-нибудь звезде, — говорила Мари, — и

чтоб было светло... и чтоб никто обо мне ничего не говорил... ты же знаешь...

Леван понял, о чем говорит Мари.

— Знаю.

— Нет! Этого никто не знает! Скажи, что мне делать? Ведь не могу же я быть все время одна! Пусть оставят меня в покое, что им от меня нужно?

— Кому?

— Всем, всем, всем! Я представляю, чего только о нас с тобой не говорят!

— А что о нас могут сказать?

— Эх!

«Что могут говорить о нас, что? Неужели о нас можно подумать дурное? Ведь мы никого не обманываем и ни от кого не прячемся...»

— Ты ведь красавица, Мари, и было бы удивительно, если б о тебе не говорили, — попробовал отшутиться Леван.

— Не хочу, нет! Не хочу! Не хочу всего этого слышать!

Немного помолчав, Мари спросила тихим, дрогнувшим голосом:

— А правда я красивая?

— Правда.

— Леван, — прошептала Мари.

— Что? — так же шепотом отозвался Леван.

Мари не ответила. Странное чувство охватило Левана, будто до сих пор оба они спали и в эту минуту одновременно очнулись от долгого сна. Птичий свист, ребячий голоса, солнце и теплая трава — все внезапно изменилось, стало другим — реальным и обиденным.

«На самом деле, что подумают люди: прогулки в лесу и на берегу моря, совместное хождение в кино? Больше и не надо!»

«А если обо всем этом узнает Элисо?» Сердце у него вдруг подпрыгнуло.

«О чем? О чем она должна узнать?»

«А о том самом».

«А Мито? И перед Мито совестно».

«А почему?»

«Удивительно, о чем ты сам думал?»

«Кого ты убедишь в том, что вы беседовали только о звездах».

— Вот ты уедешь, — сказала Мари, — все же как велика земля!

Леван поднялся и сел на траву.

— Здесь скоро похолодает, — продолжала Мари, — ты не знаешь, какие здесь бывают морозы! — Голос Мари дрожал. Но и голос ее казался более знакомым, чем минуту-две тому назад. — Ты не знаешь, не знаешь, как трудно, когда ты одна. Мито меня любит, любит на самом деле, но... но люди все же смеются...

— Смеются?

— Да, у Мито в Батуми жена и дети, я его любовница, любовница. Господи, как ненавижу я это слово! Скажи, что мне делать? Работаю с утра до ночи — и все же, когда остаюсь одна, готова волком выть, сесть и выть. Почему? Я спрашиваю тебя, почему? Ведь я же не монашка? Мне хорошо с Мито, но я стыжусь друзей, знакомых... Сколько раз слышала от них: Мари, мол, на ночь оставляет дверь открытой. Ну и что с того? Да, оставляю! Ты не знаешь, ночью, когда проходят поезда, когда ревет море, можно с ума сойти! Смешно? Неужели и впрямь смешно?

Птица все свистела. Может быть, она не умела летать, может быть, природа научила ее только петь?

Леван засвистел, как бы перекликаясь с птицей. Два голоса человеческий и птичий столкнулись в гулком лесном куполе, столкнулись и рассыпались на мелкие сверкающие осколки, словно оба были из чистого хрустала.

— Здесь до весны лежит снег... Здесь тихо-тихо, — говорила Мари, — и море молчит, только поезда ходят. Затем добавила едва слышно: — Вызывали меня на заседание месткома.

— Ну и сказала бы там обо всем!

— О чем? О том, что ревет море и ходят поезда? Нет... я стояла и плакала...

Обратно они возвращались узкой тропинкой. По земле стелился сухой мох. Здесь уже не было слышно птичьего свиста. Стояла такая тишина, будто на всем свете нет ничего, кроме этого леса и этой тишины.

— О чем ты думаешь? — спросила Мари Левана.

— Ни о чем.

— Какая я дурочка, верно? — проговорила Мари. — Чего только не наговорю.

Потом они снова услышали голос той птицы, но уже издалека.

3

— Остановить? — спросил Гиги.

— Как хочешь.

Оказывается, все это время он разговаривал с Гиги. Думал совсем о другом и все-таки разговаривал. Поразительно.

Леван оглядел комнату. Магнитофон принесли, и танцы были в разгаре. Элисо танцевала с Микой. Приблизившись к мужу, Элисо окликнула его:

— Леван!

Леван понял, что это было предупреждением.

«Опомнись, — говорил взгляд Элисо, — что это с тобой?»

— Что ты делаешь? — Элисо улыбалась.

— Да вот, играю, — ответил Леван и смущенно улыбнулся, вдруг почувствовав чуждость, оттого что сидел на полу и смотрел на танцующих снизу.

— Он играет, — проговорила Элисо, удаляясь в танце.

— Сейчас придет папа, и мне влетит, — сказал Гиги.

— Не бойся, — сказал Леван.

— Я не боюсь. А хочешь я покажу тебе мою «Спидолу»?

— Покажи.

— Сейчас покажу, не уходи, — сказал Гиги и испытующе посмотрел на Левана. Было видно, что взрослым он не особенно доверял.

— Я не уйду.

Гиги убежал.

«Все меняется, — думал Леван, — быстро меняется. Была война, мы в школе сидели по пять человек за партой. Однажды наша учительница французского языка на уроке потеряла сознание от голода. А мы вот живем и пытаемся чем-нибудь заполнить пустоту».

Гиги принес «Спидолу»:

— Вот!

Он включил «Спидолу» и передал Левану.

— Только тихо, а не то они меня убьют. — Гиги махнул рукой в сторону сестры.

Мзия была занята магнитофоном.

Леван поднес транзистор к уху, но кроме хрипа ничего не услышал.

РАКУШКА

— Не гаси, — сказал он, — пусть горит.

— Ты же так не уснешь...

— А мне спать не хочется.

Он был уже раздет, сидел на кровати и курил сигарету. Упираясь локтями в колени, он прятал сигарету в ладонях, словно находился на ветру, а не в комнате. Вид у него был утомленный.

Мари включила утюг, принесла из кухни белье и разложила на столе.

— Тебе тоже не спится? — спросил он так тихо, будто не хотел, чтоб она услышала.

Мари не ответила, придвинула к себе стул и села. Немного помолчав, она проговорила:

— Ревет...

Он поднял голову:

— Что ты сказала?

— Ничего...

Он привстал.

— Где пепельница?

— На окне, я сейчас принесу.

— Не надо.

Он прошел к окну, затушил сигарету, а затем взял в руки пепельницу — большую, белую ракушку, и стал ее разглядывать.

Разглядывал он ее долго, а затем вдруг перевернул, высыпав окурки и пепел на пол. Он поднес ракушку к уху и прислушался.

Лицо его постепенно изменилось, в уголках губ залегло что-то похожее на улыбку. Затем он положил ракушку на подоконник, подобрал окурки и аккуратно положил его обратно. Он был высокого роста, сухощавый и жилистый, а в трусах казался еще более высоким и большим.

— Мито... — Нет, женщина не позвала его, а просто произнесла его имя вслух.

Он это почувствовал и потому не обернулся к ней. Он продолжал смотреть в окно, но вряд ли что-нибудь видел.

— Я погашу свет, — сказала Мари.

— Не надо... ты же гладишь...

— Я и так вижу...

— Пусть пока будет... Потом погасишь.

Мари по-прежнему сидела на краешке стула, будто куда-то спешила и все не решалась уйти.

Мито взял пепельницу, забрал с собой стул, поставил его у кровати, положил на него пепельницу, коробку сигарет, спички, прилег на кровать и закурил.

Он курил, не отнимая ракушки от уха.

— Оставь ракушку! — голос Мари прозвучал неожиданно строго.

— Ракушку?

— Да, оставь!

Мито окинул Мари внимательным, тяжелым взглядом и положил ракушку на стул.

— Почему?

Мари привстала. Теперь она подошла к окну и стала вглядываться в ночь.

— Потому что ты не слушаешь меня, потому что...

Голос ее задрожал.

— Мари!

Она долго не отзывалась, но затем вдруг обернулась резко:

— Что тебе?

— Что с тобой?

Мито показалось, что он видит ее впервые.

— Что с тобой случилось, я спрашиваю?

У Мари изменилось лицо.

— А что со мной должно было случиться?

Она отбежала от окна, смочила палец кончиком языка и приложила палец к утюгу — горячий! Она постелила на стол шерстяное одеяло, разложила простыню и начала гладить.

— Я сказала — оставь, — потому что я все время одна. Ты попадаешь целыми неделями. Приходишь, когда хочешь. Я же не животное? Не знаю... Вот и все.

Какой спокойный голос у нее, когда она гладит.

Мито засмеялся.

— Как будто я где-то бываю!

Он закашлялся. Подавив кашель, затушил в пепельнице сигарету:

— Убивает меня это курение...

— А ты не кури!

— Не кури, — передразнил он ее и снова улыбнулся, — не кури!

Мари улыбнулась:

— Да, а что?

— Не кури!

Мито положил руки под голову и выпятил грудь, кожа была гладкая и блестящая, словно утюг.

Мари украдкой взглянула на Мито и только на секунду остановила взгляд на его груди.

Над правым соском синела татуировка: Жужуна, Ира, Лили... «Это грехи молодости», — смеялся обычно Мито.

«Ведь он меня еще не знал тогда, — думала Мари. — Что тут такого?»

Она чувствовала, что если будет его ревновать, то станет смешной. Ведь не жена она ему? Она всего-навсего Жужуна, Ира и Лили — и больше никто.

Иногда ей хотелось ногтями выцарапать эти имена, хотелось плакать, кричать... Хотелось... Хотелось... Очень хотелось.

Вдруг она представила и свое имя там, на груди Мито, выведенное синими буквами.

Она словно испарилась, исчезла, осталось только ее имя, вытравленное синей тушью.

— Завтра опять будет шторм, — сказал Мито.

— А почему ты завтра уходишь, ты ведь работал эту неделю?

— Теперь неизвестно, когда удастся отдохнуть.

— Ты просто не хочешь... если бы ты хотел...

— Чего это я не хочу?

— Отдыхать!

Мари говорила теперь громко, и даже от упреков этих Мито получал огромное удовольствие.

«Если б можно было упрятать ее голос в ракушку, — думал он, — всюду носил бы с собой».

Хотя он и не напрягал слуха, голос Мари также беспрепятственно проникал в его существо, как шум моря.

«В самом деле, если б можно было этот голос носить с собой, положить бы себе в кабину, как раковину, и слушать».

— Ах! — вдруг вскрикнула Мари.

— Что такое?

— Обожглась!

Мито рассмеялся, Мари тоже не удержала улыбки.

4

— Что с тобой? — услышал Леван голос Элисо.

Леван поднял голову и взглянул на Элисо.

— Со мной ничего. А в чем дело?

Леван перевел взгляд на Гиги. Мальчик смотрел на него оторопевшими глазами.

— Встань, — сказала ему Элисо, — довольно тебе играть.

Последние слова она произнесла раздельно, в них слышалось раздражение.

Леван встал.

— В самом деле, довольно, Гиги.

Мальчик торопливо кивнул ему головой.

Леван опустился в кожаное кресло. Кресло было глубокое и старинное.

Элисо вернулась к танцующим.

«Нет, так и впрямь не годится, — подумал Леван, — подумают, что я просто строю из себя что-то!»

Ника о чем-то громко разговаривал с Лолой. Лола смотрела в сторону. У нее было довольно серьезное выражение лица. Затем и они пошли танцевать. К Левану подошел Гоча. В руке он держал бутерброд.

— Чего киснешь? — спросил он Левана.

— Смотрю, — Леван показал рукой в сторону танцующих.

Гоча, пританцовывая и негромко напевая, удалился. Теперь к Левану подошла Лена.

— Потанцуем?

— Нет, к сожалению, я не танцую.

«Она мне кого-то напоминает. Но кого?» — думал Леван.

— А я очень люблю танцы.

— Я тоже, только когда смотрю на других.

— Довольно танцевать! — вдруг громко сказала Мзия и хлопнула в ладоши, — довольно!

— Да, будет тебе, Мзия! — Девушкам явно хотелось танцевать. — Не мешай нам!

— А я говорю, довольно!

Магнитофон замолк.

— Давайте за стол!

— Я думала, что вы совсем другой, — сказала Лена.

— Какой?

— Как вам сказать, более гордый.

— Почему?

— Не знаю.

Вокруг низкого и узенького столика стояли маленькие стулья без спинки. Такая мебель, должно быть, придумана для маленьких квартир с низкими потолками.

А в этой просторной комнате, похожей на зал, стол и стулья казались кукольными.

На столе кроме коньяка, бутербродов и рюмок не было ничего. И это никак не соответствовало громадному старинному буфету орехового дерева, который громоздился в углу, как идол изобилия, благополучия и довольствия. Да и коньячные бутылки выглядели беспомощными перед большими рогами в серебряной оправе, которые возлежали на буфете, словно два буйвола.

В такой комнате следовало накрыть большой, длинный стол, полный хачапури и поросят с красными редисками во рту.

В комнате стоял и большой стол, за которым свободно уместились бы все гости, но Мзия почему-то пригласила гостей к маленькому столу.

Очевидно, в этой семье не могли расстаться со старинной роскошной мебелью а напоказ кокетливо выставляли модные, игрушечные столики и стульчики.

«Небось, футболисты в прошлом году сидели за большим столом, — подумал Леван, — и физики, вероятно, не чувствовали тесноты».

— Все меню на столе, — объявила Мзия.

— А кофе? — спросила Лола.

— Кофе будет, — успокоила ее хозяйка.

Гоча начал разливать коньяк.

— Я думаю, что тамады нам не надо!

— Не надо! Не надо! — хором откликнулись девушки.

Леван улыбнулся. Да, конечно, дни рождения, именины и всякие вечеринки для девушек были сплошным мучением. Ребята пили, хмелели, произносили длинющие тосты, клялись друг другу в любви, а девушки сидели и клевали носами. Не притрагиваясь к еде и вину, не провозглашая тостов, они терпеливо досаживали до конца.

— Тамады, конечно, нам не нужно никакого, — сказал Гоча, — кроме меня!

Нана, Лола и Лена громко запротестовали, Гоча дал им немного пошуметь, затем поднял руку, и они сразу угомонились.

— Я хочу выпить за здоровье Мзии, — сказал Гоча. — Мзия, будь здорова!

Он опорожнил свой бокал и сел.

Леван хотел привстать и выпить тост стоя, но Мзия, положив руку на его плечо, не дала ему подняться:

— Сиди, сиди, ради бога!

Затем все встали и снова начали танцевать. Выпитый коньяк давал о себе знать.

«Буду танцевать, — решил Леван, поднимаясь со стула, — непременно буду танцевать».

Поднявшись с места, он наткнулся на удивленный взгляд Элисо, наверно, она разгадала его намеренье.

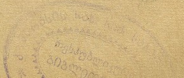
Это только укрепило его в решении танцевать, и он оглядел комнату, словно выбирая, с кем бы потанцевать, когда увидел Лену. Она стояла совсем одна и держала журнал. Хотя она даже не смотрела в сторону Левана, ему показалось, что она ждет его. Он подошел к ней.

— Потанцуем? — вопрос прозвучал так, будто они часто танцевали вместе. Лена молча кивнула и положила руку на его плечо.

— Только я танцевать не умею, — сказал Леван. Лена ничего не ответила.

— Я хочу вам что-то сказать, — Лена остановилась, не убирая руки с плеча Левана.

06497

— Я вас слушаю, — сказал Леван, тоже не снимая руки с ее талии.

— Я хочу уйти, — тихо сказала Лена.

— Куда?

— Не знаю, все равно куда...

Леван удивленно молчал. Ему показалось, что Лену он знает давно, что они и раньше встречались — и не однажды.

— Отпускаю тебе грехи, дочь моя!.. — попробовал пошутить Леван.

— Что? — спросила Лена и, догадавшись, улыбнулась. — Нет, это не исповедь. Я сама не знаю, почему я вам об этом сказала.

Лена молчала долго. Наконец она заговорила снова:

— Ну что же мы стоим, давайте танцевать! — Они словно только сейчас почувствовали, что так стоять неудобно.

— Вы мне кого-то напоминаете, — проговорил Леван.

— Кого? — Лена в упор посмотрела на него. Глаза у нее были бездонные.

— Не знаю, — ответил Леван. — Ей-богу, не знаю.

— Таких, как я, много, — улыбнулась Лена.

— Нет, не много...

«Нет!» — хотелось громко крикнуть ему. Однако получилось у него очень тихо.

Нет, таких девушек не много, это Леван знал наверняка. Не каждый может единственным словом вывернуть тебе душу наизнанку!

— Только не считайте меня дурочкой! — попросила Лена.

— Нет, — Леван улыбнулся, — постараюсь!

— Иногда мне и вправду хочется быть дурочкой... — сказала Лена.

Они уже не танцевали, а просто топтались на одном месте, не слушая музыки. «Может быть, это и есть настоящий танец?» — думал Леван.

— ...И ничего не понимать, — продолжала Лена, — совсем ничего.

— Как Лола? — спросил Леван. Это вырвалось у него нечаянно.

— А вы разве знаете Лолу?

— Нет, я сам не знаю, как это у меня вырвалось...

— Лола хорошая девочка, — Лена несколько минут не сводила глаз с Левана, но потом она отвернулась в сторону и проговорила: — Да, хотя бы как Лола!

В это время Леван увидел Элисо, танцующую с Гочей. Она погрозила Левану пальцем, изображая ревность. Она, разумеется, шутила — Леван знал это. Элисо лестило иметь смелого и очаровательного мужа. У нее всегда все было заранее продумано и отмерено. Ей хотелось, чтобы со стороны Леван казался нескованным и свободным.

Писатель или вообще какой-нибудь человек искусства под каблучком у жены — это создает у окружающих дурное впечатление и плохо отражается на его творчестве. Элисо это прекрасно понимала. Это было удивительно, казалось, Элисо прожила уже целую жизнь.

— Такое с вами никогда не приключалось?

— Вы о чем?

— Вот... Как бы вам сказать? Вам никогда не хотелось куда-нибудь уехать — или просто уйти.

— Как нет! Но когда мне надо уйти, я ухожу.

— Нет, я не об этом...

— Я не понял?

— Куда-нибудь очень далеко.

— Куда?

— Куда не добраться ни поездом, ни самолетом.

— Да-а... не знаю.

Забутые было воспоминания снова вспыхнули, и все вокруг исчезло, все...

РАКУШКА

Продолжение

Мари, не выпуская из рук утюга, поставила его на обломок кирпича, служивший подставкой. Она сидела и смотрела на простыню, разостланную на столе, будто ожидая, что на ней вот-вот что-то появится.

В комнате стояла тишина.

Мито взглянул на Мари, и она вдруг показалась ему чужой и далекой, ему стало неловко оттого, что он не одет.

— Спи, Мито, — сказала ему Мари. Голос у нее был спокойный, но Мито почему-то вздрогнул.

Мито смотрел на Мари. Она стояла, опустив голову, очень спокойная.

Мито вскочил и начал одеваться. Мари подняла голову и посмотрела на него молча. А Мито ждал, что она что-нибудь скажет, ждал хоть звука, выражающего удивление. Но Мари продолжала молчать.

«Неужели, — думал Мито, — неужели она меня не любит?»

Он присел на кровати, нагнулся и зашнуровал ботинки. Подняв голову, он столкнулся с взглядом Мари. Всего лишь одну минуту они глядели друг на друга, но Мито эта минута показалась целым веком. Мари словно догадалась, что Мито ждет, чтоб она заговорила, и тихо спросила:

— Куда ты уходишь?

— Пойду, пройдуся немного, — ответил Мито вставая.

— Все же, куда ты уходишь так поздно?

— Что я отчитываться должен перед тобой? — закричал вдруг Мито.

Он сердился на себя за свой крик и сам не знал, куда идет.

— Хорошо, — негромко проговорила Мари.

Столько времени он знал Мари, жил с ней и все же не мог избавиться от того странного смущения, которое появилось в самом начале их отношений. А впрочем, он и не старался избавиться от него.

Где-то в глубине души у него гнездились чувство вины: ему казалось, что своим поведением он унижает Мари.

Хотя эта мысль промелькнула у него на какую-нибудь долю секунды, она была беспощадна, словно нож, и оставляла в сердце широкую рваную рану.

Мито любил Мари, если бы он не любил ее, никогда бы не вошел в эту комнату после первой встречи. Именно тогда впервые промелькнуло у него чувство вины, когда он понял, что Мари не только потому отдалась ему, что он нравился ей, а подчиняясь какой-то более могучей и страшной силе — одиночеству.

Когда Мито смотрел на Мари, он всегда вспоминал картину, висевшую на стене у главного бухгалтера в заводской конторе. На картине той была изображена молодая женщина в белом переднике. Она держала в руках поднос, на котором стояли стакан и чашечка. Мито подолгу не сводил глаз с картины, и к сердцу подступала печаль, будто

он вспоминал что-то давно потерянное или приснившееся и никак не мог вспомнить.

Мари была такая же, как эта женщина на картине. Нет, не совсем такая. Но Мито иной раз даже дотронуться до нее не смел, боясь, что она исчезнет или разобьется на мелкие осколки, как чашечка.

Все началось как-то сразу, неожиданно, потому что он не думал, что мужчина в его возрасте может еще полюбить. Он вначале и сам не верил, что любит.

«Да я совсем не влюблен...» — думал он, и одна только мысль об этом доставляла ему неизъяснимое блаженство. Эта мысль опьяняла его, туманила ему голову. Он ничего не замечал вокруг, да и не хотел замечать! Как пьяный, он бродил по улицам, поглощенный одной-единственной мыслью. Лежа на песке на берегу моря, он смотрел на облака, прислушивался к мерному морскому шуму, и чей-то голос, не смолкая, твердил ему: «Ты любишь, любишь!» — он не верил, потому что ему, как и всем, трудно было поверить в своё счастье. Ему казалось, что счастливым может быть кто-то другой, и любить должен кто-то другой. «Разве мое это дело предаваться мечтам, словно я малый ребенок, — улыбался он, — не мое это дело!» Будто на мечту и счастье в этом мире имели право только другие.

Что с того, что у него жена и дети?

Что с того?

«Как это что с того? — злился он на себя, — спятил я, что ли, в таком возрасте!»

«Спятил!»

И он опять улыбался, быстро оглядывался вокруг, будто улыбка могла выдать тайну его любви.

Проявлять свои чувства Мито стеснялся. Напротив, усердно, как школьник, скрывал он свою первую любовь. Но подобно тому, как нельзя скрыть любви от одноклассников, так и Мито не сумел скрыть ее ни в гараже, ни в столовой, ни на заводе, ни даже на бензоколонке. Любовь эта для всех оказалась неожиданностью. Вначале улыбались, со смешком хлопали его по плечу, думали, что так же, как и всем, и ему приглянулась хорошенькая девушка. Это не вызывало удивления. Удивительно было другое: Мито избегал говорить о Мари. Если даже кто-нибудь пускал по его адресу какие-либо колкости, молча вставал и уходил. А лишнее говорили нередко.

Иной раз заправляешься бензином где-то за городом, вдруг кто-то ядовито капнет прямо в сердце. В прошлом году будто бы из Тбилиси приехал молодой парень. И вот Мари с ним...

— Что? — спрашивал Мито. — Что «Мари с ним...»

— Да ничего...

Больше всех он ненавидел это словечко: «Ничего...» Все вокруг наливало клеветой, насмешками и ненавистью.

«Ничего, — повторял про себя Мито, — ничего... ничего... ничего...»

Летела машина. Хихикали белые столбики, посаженные вдоль дороги.

Товарищи постепенно стали его избегать. Особенно после того, как Мито прижал к стенке бригадира рыбаков Манучара и чуть не задушил. Болтать стали меньше.

Теперь это молчание изводило Мито. Куда бы он ни зашел, какой бы там ни стоял шум, при его появлении все смолкало.

«Про меня говорят, — думал Мито, — наверняка про меня!»

«Но почему?»

«Потому что у тебя в Батуми жена и дети. А Мари...»

«Что Мари?»

«Ничего!».

«Ничего! Ничего! Ничего!»

Мито сам не понимал, что Мари была его первой любовью. Бывает, что человек так и проживет всю свою жизнь, не испытав ни разу любви.

Бывает и так, что любовь вдруг вспыхнет в совершенно неподходящее время, чуть ли не в старости.

Часто не соответствующее возрасту легкомыслие, которое нам кажется смешным, является плодом долгого ожидания любви.

И верно, первая любовь не является уделом только молодых, хотя мы иначе этого себе не представляем.

«Да, да, — упрямо повторял Мито, — я люблю Мари!»

Ему казалось, что теперь, после этих слов, все должны замолчать, оставить его в покое, сказать: «Да, ты прав, Мито!»

Иногда любовь эта представлялась ему сном. Он не хотел изведать ту горечь, которая ранит его сердце: проснешься и ничего припомнить не сможешь; если это и правда сон, тогда Мито живет только во сне. Он боялся жить так, как раньше — жить одиноко, тихо. Собственно, одиноким он никогда не был, у него много друзей, близких, он объездил всю Грузию. Такая уж у него профессия, кто его остановит! Мысль об одиночестве появилась в последнее время. Может, и в этом виновата любовь.

Не раздеваясь, он валился на кровать, клал руки под голову и лежал в темноте с открытыми глазами, думал. Из окна доносился шум моря. «А я живу так тихо», — думал Мито. Словно любовь была нескончаемым гулом и праздничным звоном, как море, подступающим к порогу и таким же недосыгаемым, как море.

Ему казалось, что до сих пор он был погружен в беспробудный сон и только теперь постепенно просыпался, каждую секунду все шире раскрывал глаза и весь наполнялся светом.

Это томительное пробуждение одурманивало его мучительным блаженством и он не хотел просыпаться, боялся отрезать сразу. В этом он сам себе не признавался, потому что боялся, что слишком яркий свет может ослепить его.

Однажды утром, когда Мито нечего было делать, он направился к Ироди. Ироди жил на берегу моря по соседству с Мари. С Ироди Мито случайно познакомился в дороге: остановил машину стоящему на дороге старику. Затормозив, он взглянул на старика и понял, что тот слеп. Старик стоял, подняв одну руку, в другой он держал сумку. Мито вышел из кабины и спросил старика:

— Куда путь держишь, дедушка?

Старик оказался попутчиком, он ехал погостить к брату. Мито помог старику подняться в кабину и усадил его рядом с собой.

— Кто ты будешь?

Старик рассказал ему свою историю. История была длинная, но Мито внимательно выслушал ее до конца. Мито любил беседовать со стариками. Довеся его до дома, Мито помог ему сойти. Во двор он вошел первым, поднялся на балкон и постучал в окно. Никто не выглянул. «Видимо, и брат бобылем живет», — подумал Мито.

— Я подожду, сын, — услышался голос старика, — помоги мне подняться на балкон.

На балконе старик сел прямо на пол, положил рядом с собой сумку и опять обратился к Мито:

— Я, сынок, сирота у бога...

Он уставился на Мито своими слепыми глазами. В глазах вместо света гнездилась каменная тишина.

По спине у Мито пробежали мурашки. Ну и глаза, будто старику довелось присутствовать при смерти самого господина бога и он ослеп от ужаса.

— Ступай, сынок, — продолжал старик, — я подожду.

Мито повернулся и пока шел к машине, все думал о том, что значит — у бога сирота? Без матери сирота, без отца сирота — это слышал он часто, но вот у бога сирота — это он слышит впервые.

После он несколько раз навещал старика. В то утро, поравнявшись с забором домика Мари, он заглянул во двор, хотя сделать это ему было нелегко.

Мари у лестницы колола дрова. Держа топор обеими руками, она решительно ударяла им по полену. Мито поглядел на Мари, и сердце у него почему-то оборвалось.

«Что особенного, женщина колет дрова?»

Поднятый топор застыл в воздухе. Медленно повернув голову, Мари удивленно взглянула на Мито. Под этим взглядом Мито съежился. Затем, сам не понимая, какая сила сдвинула его с места, открыл калитку, подошел к женщине, почти силой вырвал у нее из рук топор и начал колоть дрова. Мари отошла в сторону, оправила и отряхнула рукой подол платья. Она, конечно, знала, кто был Мито. В этом небольшом городке все знали друг друга. Однажды в кино он сидел рядом с ней.

Хотя ей и нелегко было колоть дрова, появление в ее дворе постороннего мужчины неприятно удивило ее. Она огляделась по сторонам: не следит ли кто за ними, и в страхе перед тем, что скажут соседи, обратилась к Мито:

— Довольно... больше мне не нужно!

Мито не ответил. Кончив колоть дрова, он положил топор на ступеньку лестницы, повернулся и ушел, даже не взглянув на Мари.

Ироди он застал на балконе. Он сидел на низенькой скамейке. Мито боком присел на перила балкона, отсюда хорошо был виден двор Мари.

— Я никогда не видел моря, — сказал Ироди, — никогда.

Как же он мог его увидеть, слепой от рождения?

Мито не откликнулся, и он добавил:

— А шум его я слышу...

Мари поднялась по лестнице, в одной руке она несла охапку дров, а в другой держала топор.

— Правда, оно такое большое? — не унимался старик.

«Неужели я сюда прихожу для того, чтобы смотреть на двор Мари? Зачем же я тогда обманываю этого старика?»

— Нет, — сказал Мито.

— Что нет? — бодро откликнулся Ироди, видно обрадовался, услышав голос Мито.

— Нет, не большое!

На кого он злился, на море или на этого несчастного старика?

Мари снова вышла из дому, подошла к забору, сняла висевший на нем коврик и внесла в дом. Возвращаясь обратно, она почему-то смотрела на дорогу. А в сторону балкона Ироди даже одним глазом не взглянула.

— Так я слепым и состарился, — говорил Ироди.

Спустя некоторое время Мари снова появилась во дворе, подобрала оставшиеся у лестницы дрова и ушла.

И Мито вдруг невыносимо стало жаль ее. У него до боли сжалось сердце, а бормотание слепого старика еще усиливало эту боль.

Казалось, что между одиночеством Мари и речью старика существует какая-то неведомая связь.

— Душа человека имеет девять ворот, — говорил Ироди, — да, девять ворот! — Затем, как бы пересчитав про себя для верности, он повторил — девять! Когда приходит время, все эти ворота тихонько открываются — одни за другими.

Мито взглянул на старика. На лице Ироди играла улыбка, будто то, что он говорил, было выстрадано им самим. И теперь он выкладывал все, что долго лежало на сердце, и ему было безразлично, слушают его или нет.

Мито докурил сигарету, и чтобы старик не почувствовал себя одиноким, переспросил:

— Так значит, девять?

Старик не ответил, он продолжал свое:

— Только одни врата остаются закрытыми — девятые! И что находится за ними, не знает ни одна живая душа. А там ведь тоже что-то происходит, что-то растет, волнуется, бурлит. И сам не знаешь, что с тобой происходит. В душе твоей заключена клетка, в ней сидит гиена или павлин — этого ты не знаешь. И только поэтому человек сам себе не доверяет. Не знает ничего о себе, и все тут.

— Да, но, — начал было Мито, но в это время он опять увидел Мари. Мито не заметил, когда она вышла на балкон. Обхватив руками столб балкона и прижавшись к нему щекой, она смотрела в сторону улицы.

Ироди замолчал, наверное, ждал, что скажет Мито.

— Да, но неужели эти врата никак отпереть нельзя?

— Как же нет, — оживился Ироди, — но люди сами их не открывают.

— Почему?

Мари все стояла на балконе.

«Неужели она кого-то ждет?» — подумал Мито.

— Откуда знать, кто сидит за той дверью? А вдруг окажется гиена, что тогда? Пусть будет закрыта — разве не лучше?

— Нет! — отрезал внезапно Мито, щелчком выкинул сигарету во двор и повторил: — Нет!

— Что ты сказал?

— Я говорю, что так вовсе не лучше! Мужчина я или нет, в конце концов, я должен знать, кто сидит у меня в душе...

— Для чего тебе это?

— Не знаю... Так, просто хочу знать.

«Нет, она никого не ждет, задумалась о чем-то».

Мито думал, что если человек задумывается над чем-то, то это значит — что-то его тревожит. Если люди находят время думать, то непременно что-то их беспокоит. За последнее время он сам очень часто задумывался, потому что и его что-то беспокоило — он любил!

— Как знаешь, — сказал Ироди.

У него был кроткий голос, надтреснутый. Произнес он это недоверчиво и с сожалением, будто все, чему до сих пор он твердо верил, вдруг растаяло у него в руках.

— Почему я знаю, — произнес он тихо, — может быть...

Затем он раскрыл кисет, достал из-за пазухи обрывок газеты, оторвал от него кусочек, насыпал табак и стал свертывать самокрутку. Надо было видеть, как ловко он это делал, не роняя ни крошки.

— Возьми у меня сигарету, кури, — сказал Мито.

— Нет, ты же знаешь, коли привык к чему...

Теперь Ироди достал спички, чиркнул и закурил. Подул на спичку, потушил, потер ее двумя пальцами, словно еще раз проверяя, потухла спичка или нет, и выбросил.

Мари продолжала задумчиво стоять у столба.

У Мито возникло желание окликнуть ее неожиданно, чтобы она испугалась, вздрогнула. Но он сдерживал себя, ведь он не знаком с нею, подумает нивесть что. Ему хотелось просто окликнуть ее по имени и больше ничего.

— Мари! — громко позвал Мито про себя, в душе. И кровь от сердца прилила к ушам. И не кровь это была вовсе, а подавленный, задушенный крик, призыв. Если бы колокол не имел зева, его бы разорвало от звона.

— Я бгдох, — громко произнес Мито и через силу рассмеялся, — значит, там всего девять ворот, ты говоришь?

— Да, — несмело отозвался Ироди. — А впрочем, не знаю...

«Почему она ни разу не взглянет в эту сторону? — думал Мито. — Хоть бы разок посмотрела!»

А вообще, ему самому было трудно смотреть в ее сторону.

Тем временем солнце низко склонилось над морем, стало большое и багровое. Отсюда не видно было моря, его заслоняла железнодорожная насыпь, но Мито все же сумел увидеть его, таинственное и красивое. По железной дороге проходил состав. Состав был товарный и ехал медленно. Он заслонил собой солнце, но оно все же проглядывало между вагонами — красное, со сверкающими глазами.

«Что только не скажут люди, — думал Мито, — одинокая женщина, вот и чешут языки!»

Ему вдруг нестерпимо захотелось, чтобы стемнело не постепенно, а сразу, и чтобы тьма скрыла от него прислонившуюся к столбу Мари, и настороженное и напряженное лицо слепого Ироди, и этот длинный бесконечный поезд.

Мари наконец вошла в дом. Мито это скорее почувствовал, чем увидел, когда все вокруг опустело. Исчезла не только Мари, а все то, что вообще было по ту сторону: забор, деревья, дом и колодезный журавель. Мито повернулся, и взгляду его предстал пустой балкон.

— Поезд! — сказал Ироди.

— Да, поезд, — повторил Мито, — поезд...

5

— О чем вы думаете? — услышал он голос Лены.

Они продолжали танцевать, топчась все на том же месте. Сколько же времени прошло, секунда или час?

— Ни о чем, — солгал Леван.

— Я смотрела на вас, а вы как будто пропали, исчезли. — продолжала Лена и добавила шутливо: — далеко вы были?

— Далекó!

С этой девушкой он почему-то чувствовал себя очень беспомощным. В это время к ним подошла Элисо. Она заботливо пригладила растрепанные волосы Лены и спросила:

— Измучил он тебя?

— Кто? — удивилась Лена.

— Да Леван!

Элисо теперь взглянула на Левана и улыбнулась ему.

— Нет, — все с таким же удивлением ответила Лена.

— Какая прелесть Мзия, верно? — сказала Элисо.

— Верно! — ответила Лена.

— Я так люблю Мзию! — повторила Элисо.

— И я очень люблю, — отозвалась Лена.

— Научился, наконец, танцевать? — спросила Элисо Левана.

Вопрос прозвучал так: потанцевал и будет.

— Нет, — ответил Леван, — не научился.

— Ого! — удивилась почему-то Элисо, будто она ожидала иного ответа.

— Я пойду, — сказал Леван, — выпью воды.

— Я вам помешала, — засмеялась Элисо. — Вы так мирно беседовали.

— Беседовали? — удивилась Лена. Теперь она всему удивлялась.

— Да, я слышала твой смех, — Элисо говорила с Леной, но не сводила с Левана глаз.

Леван старался отвести взгляд в сторону.

Когда Лена отошла, Элисо спросила его:

— Что это с тобой?

— А в чем дело?

— Весь вечер сегоднѣ ты какой-то обалдевший.

— Но ты же сказала, что мы прекрасно беседовали.

— Знаешь, довольно!

— Чего тебе надо? — резко спросил Леван изменившимся голосом. — Объясни, чего тебе от меня надо?

— Дурак!

Элисо продолжала улыбаться. Наверное, улыбка предназначалась для посторонних глаз.

Леван отошел от нее и сел в кресло в углу комнаты.

Гости затеяли какую-то игру: взявшись за руки, они кружились по комнате. Позвали и Левана, но он отказался. Игра была дурацкая, но как каждая дурацкая игра, вызывала большое веселье. Элисо прыгала, громко смеялась, что-то кричала и не сводила с Левана глаз. Леван вдруг поднялся и вышел из комнаты. В передней его догнала Мзия. — «Леван!» Леван отыскал свой плащ и, сказав Мзии: «Большое спасибо, до свидания», — сам открыл двери и вышел. Мзия вбежала в комнату, отвела в сторону Элисо и тревожно прошептала ей на ухо:

— Леван ушел.

— Придет! — ответила Элисо и вернулась к играющим. — Придет! — Элисо ни на секунду не сомневалась, что Леван вернется. А как могло быть иначе? Он обязательно вернется.

В жизни человека настает такая пора, когда чрезмерная забота не только не наполняет его сердце чувством благодарности, а наоборот, раздражает его. У заботы тоже есть свои границы, и тот, кто проявляет заботу, не должен забывать об этом.

Иногда человек не замечает, как переходит установленную границу. За свои заботы он требует взамен безграничной благодарности, и если эту благодарность опоздали ему выразить, он сетует на людскую неблагодарность, не замечает того, как он со своей заботой лезет в чужую душу и сковывает чужую свободу.

Забота Элисо началась с гардероба.

«В наше время плохо одеваться — не модно!» — будто бы Леван плохо одевался только потому, что следовал моде!

Элисо сама убедилась, что у Левана часто не бывает денег. Но она по-своему переживала и безденежье, более того — оно ей даже нравилось. Это придавало их жизни артистический, полубогемный характер. Ей нравилось делать долги и ходить обедать к друзьям, когда дома не бывало ни копейки. А когда у Левана случался большой гонорар, она любила расплачиваться со всеми долгами и тратить помногу на всякие пустяки. Она никогда не старалась себе объяснить, почему Леван всегда без денег, тогда как гонорары он получает крупные.

Леван брел по пустынной улице.

Теперь и ему хотелось уехать куда-нибудь далеко, куда не доберешься ни поездом, ни самолетом. Но есть ли где-нибудь такое место и где оно? На звездах? Затем он заметил на остановке трамвай, даже не взглянул на номер, поднялся в вагон и сел. Трамвай надоедливо грохотал и едва тащился, будто ему некуда было спешить. Леван посмотрел на часы. Трамвай делал последний круг, а затем должен был возвратиться в парк, поэтому-то он и не спешил.

Да, человеку есть над чем поразмыслить. Может быть, мысли растут вместе с человеком? Они как внезапно начавшийся снегопад — все идут и идут, усердно, упрямо, глухой, плотной стеной, покрывая собой все на свете. И этот снег, освещенный чем-то вроде луны, начинает светиться, и в этом свете ты увидишь что-то другое, настраивающее тебя на новые размышления. А снег все сыплет и сыплет.

Трамвай грохочет и волочит по мостовой, по заборам, по стенам домов свою громадную и причудливую тень. Мысли так же обманчивы, как снег: заманят, увлекут, собьют с пути. Бредешь с окоченевшими руками и ногами; хотя и холодно, но все же радостно тебе идти по снегу. Может быть, ты и не найдешь обратного пути, но ты не трусишь — все продолжаешь идти.

А снег хрустит и сверкает. Вдруг качнется затаившаяся ветка, уронив снежную шапку, и треск заставит тебя вздрогнуть: «Куда это я забрел и зачем!»

Трамвай остановился.

Как только открылись двери, холод, как пес, пробежал по вагону, словно разыскивая что-то под сиденьями. Весна еще только набиралась сил.

— Закрой дверь!

Лишь бы трамвай не останавливался, а все остальное к черту!..

На коленях сгорбленного и седого кондуктора лежит сумка, он не спеша пересчитывает мелочь. Иногда он поднимает голову и глядит в одну точку. Он тоже бредет по своему снегу.

Когда трамвай остановился, кондуктор поднял голову и посмотрел на Левана.

«Хочет заговорить», — подумал Леван и улыбнулся. Кондуктор, не изменившись в лице, некоторое время смотрел на него, потом опять взялся за мелочь.

Трамвай почему-то не трогался, и кондуктор дернул за шнурок. В переднем вагоне раздался звонок. Словно только этого и дожидаясь, трамвай двинулся и вскоре снова остановился у Дидубийского пантеона. В вагон поднялись двое. Один сел впереди, на место, предназначенное для детей и инвалидов, из кармана пальто у него выглядывала сложенная газета. Второй, несмотря на то, что вагон был пуст, почему-то уселся напротив Левана. Леван поглядел на него и отвернулся к окну. На тротуаре, прислонившись к дереву, стоял милиционер, женщина в блестящих резиновых ботинках, закутанная в белую шаль, что-то говорила

ему. Милиционер будто и не слушал ее и смотрел в сторону трамвая.
«Наверно, жена», — подумал Леван.

— Чего мы ждем? — спросил человек с газетой.

— Сейчас поедем, — кондуктор привстал, — сейчас.

Затем он подошел к пассажиру с газетой.

— Будь добр, дай мне на минуту газету!

Тот вынул из кармана газету и подал ее кондуктору.

— Пожалуйста!

Кондуктор раскрыл газету и быстро пробежал ее глазами. Взглянув на четвертую страницу, он проговорил:

— А ведь верно, помер...

Он взглянул на Левана, будто и он знал покойника.

— Точно, помер, бедняга, — повторил он.

Сложив газету, он возвратил ее хозяину.

— Спасибо.

— Не стоит.

Трамвай тронулся.

По левую сторону, за железной оградой виднелся силуэт церкви. Леван разглядел кипарисы, стоящие у ворот пантеона. Кипарисы остались позади, а луна долго следовала за трамваем. Затем луна скрылась за большим домом. В городе луна, должно быть, всегда испытывает затруднения, не зная, откуда ей взойти и откуда выглянуть.

— У вас не найдется спичек?

Леван очнулся.

— Спички? Да... есть... — Он опустил в карман руку и достал коробок. — Пожалуйста!

Человек, сидящий напротив, взял у него спички и улыбнулся.

— Вы не закурите?

В это время послышался раздраженный голос кондуктора:

— Курить строго воспрещается!

Мужчина снова улыбнулся и пожал плечами, мол, ничего не поделаешь.

Лицо мужчины показалось Левану знакомым. Он на секунду всмотрелся в него: нет, он его не знал. Может быть, раньше и встречал где-нибудь и просто запомнил его. На голове у него была шляпа, натянутая на самые уши. Он был небрит, и борода была с проседью. Его пальцы и усы были желтыми от табака.

«Видно, курит еще больше меня», — подумал Леван.

Трамвай снова остановился.

— Здесь же нет остановки? — обратился владелец газеты к кондуктору. — Или опять новую установили?

— Специально останавливают, — засмеялся пассажир в шляпе и подмигнул Левану.

— Мало им остановок.

— Дорогу ремонтируют, потому и остановились, — не поднимая головы, отозвался кондуктор.

— Значит, нам сходить?

— Нет, сейчас поедем.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Раздался звонок, и трамвай тронулся. Позванивая, он проехал мимо рабочих, облокотившихся на лопаты.

— Правду сказал человек, что ты к нему придираешься.

Мужчина в шляпе улыбнулся Левану.

«И зачем я ввязался в разговор», — с досадой подумал Леван.

Видно было, что пассажир настроен поболтать. Такой тип, если увидит, что у тебя есть уши и язык, ни за что не отвяжется.

Но мужчина в шляпе сидел спокойно и молчал. Иногда, когда их взгляды встречались, его лицо расплывалось в улыбку.

Леван снова вернулся к своим мыслям.

Элисо и Леван после свадьбы поехали в Москву.

На вокзале собралась уйма провожающих. Все только что встали из-за свадебного стола. Цветы... бутылки шампанского... подарки. Леван держал в руке какой-то белый нелепый цветок и думал, что все смотрят на него. Ему было не по себе. А больше всего он стыдился седой проводницы вагона, у которой слезы блестели на глазах. Элисо не смотрела в сторону Левана, она стояла на ступеньках вагона и, слегка наклонившись, разговаривала с матерью. Она была в дорогой тяжелой шубе, щеки ее покраснелись. Подвыпивший отец Элисо, обняв каких-то молодых людей, тоже подвыпивших, самозабвенно прикрыв глаза, пел.

«Вот я и женат», — думал Леван. Потом ему вспомнилось, как ребята в институте рассуждали о женитьбе.

— Жена, братец, это совсем другое, — говорил один, — совсем другое!

— А что — другое, все-таки!

— Ну, совсем не то!

Что было это «другое», пожалуй, никто не знал, но все чувствовали, что «жена» не должна походить на их знакомых девушек.

— Мне казалось, что писатели живут намного лучше, — сказала ему Элисо, когда они возвратились в Тбилиси. — Но ничего, отец нам поможет.

— Нет!

— Как хочешь!..

Немного помолчав, она продолжала:

— Я единственная дочь...

— А я говорю — нет!

— Мама беспокоится, что скажут люди.

— Скажи матери, что люди ничего не скажут.

— Будет тебе, Леван!

— Вот так им и скажи, поняла?

— Поняла...

Родители Элисо стыдились и того, что Леван нигде не работал.

Труд писателя в их понимании не был работой. Они считали его делом несерьезным, больше того, чем-то вроде развлечения. Они словно извинялись перед знакомыми, уверяя их, что Леван скоро поступит на работу, очень скоро.

Элисо, конечно, рассуждала иначе, она своими глазами видела, как Леван работал. Круглые сутки. Она сама стала следить за книгами и журналами. Читала много, старалась понять все, что творилось в литературе. Поэтому, когда затевался разговор о литературе (Элисо удивлялась, что писатели меньше всего говорят именно о литературе), она смело вмешивалась и говорила только то, в чем была уверена. Но все-таки чувствовалось, что все сказанное было заучено специально.

Выйди Элисо замуж за композитора, она, вероятно, изучила бы историю музыки, ходила бы на концерты и заводила знакомства с музыкантами.

Но сейчас литература была для нее такой же необходимостью, как поваренная книга для домохозяйки.

Элисо старалась, чтобы вокруг Левана все было в полном порядке. Каждое утро она прибирала его стол, собирала разбросанные бумаги и книги. Всегда вовремя был готов завтрак, белоснежная сорочка, выглаженный галстук. Но основной предмет ее забот представляла душа Левана. Она становилась все более самонадеянной и смелой, поскольку Леван не противился, она изо дня в день укреплялась в своих правах. Как редкой породы зверя, заключенного в чистенькую клетку, обхаживала она Левана. И взяв на себя эту почетную миссию, она выполняла ее с большим воодушевлением.

«Неужели и я изменился за эти два года, — думал Леван, — неужели?»

За последнее время его сердце стало наполняться чувством сожаления, причину которому он не мог никак отыскать.

Нет, люди так сразу не меняются.

Иной раз года пройдут, а никаких изменений в человеке никто не замечает. Но вдруг одно слово, сказанное им, или случайно брошенный взгляд удивят всех и заставят признать, как значительно он изменился. Подобно тому, как единственный желтый листок в зеленой листве знаменует приход осени. Скала постепенно трескается под ветром, вода подтачивает ее, как червь, и все же — ничего на ней не видно. Только в один прекрасный день обрушится она и рассыплется.

Неожиданно Леван пришел в хорошее настроение. «Нет, скала, хоть и незаметно, но становится меньше, а человек растет».

Ему вдруг захотелось с кем-нибудь поговорить и он обратился к кондуктору:

— Дай нам в конце концов покурить!

Кондуктор удивленно поднял брови.

— Я же сказал — нельзя!

Сосед Левана оживился и поддержал его:

— Так, значит, нельзя?

— Нельзя!

— Ну хорошо, в твой трамвай мы никогда больше не сядем. —

Он промком рассмеялся, считая, что удачно сострил.

— Да, да, не сядем больше в твой трамвай! — улыбаясь, поддержал его Леван.

Хотя в трамвае ехали совсем незнакомые люди, теперь они были связаны друг с другом чем-то общим, а чем именно — сами не знали.

Человеку свойственно, подобно семени, брошенному в борозду, пускать корни в душу другого человека, и это происходит независимо от него самого.

Кондуктор удивленно поглядел на беспричинно хохотавших пассажиров и махнул рукой.

— Ну и не садитесь!

Трамвай шел медленно, неторопливо сворачивал ленту дороги. Сейчас он был властелином улицы и наполнял ее торжествующим грохотом.

В вагоне снова воцарилась тишина. Но как же Леван до сих пор не заметил, что его сосед был навеселе? Потому-то он непрестанно снимал шляпу, разговаривая с ним.

«Пьяные не должны садиться в трамвай, — думал про себя Леван. — Трамвай не создан для пьяных. Пьяный должен возвращаться домой пешком или на такси».

С самого Левана хмель сошел совершенно, словно он не пил ни капли.

— Вы, вероятно, думаете, что я пьян, — сказал Левану человек в шляпе.

Леван встрепенулся.

— Ну что вы!

— Нет, вы уверены, что я пьян, но я все же совершенно трезв.

— А почему я должен думать, что вы пьяны?

— Потому, что я в самом деле немного выпил.

— Ну и что с того?

— Да ничего, я просто так сказал.

Леван посмотрел в окно и проговорил:

— Если вы даже и пьяны, то какое мне до этого дело?

Пассажир нагнулся и коснулся рукой колен Левана:

— Не обижайтесь, прошу вас.

Леван улыбнулся и пожал плечами: ничего, мол, не вижу здесь обидного.

Трамвай остановился. Леван встал и направился к выходу. Обратившись к оставшимся в трамвае, он сказал:

— До свидания!

Сосед привстал и снял шляпу.

— До свидания!

Владелец газеты помахал ему рукой, а кондуктор что-то пробурчал. «Куда меня занесло, — думал Леван, — теперь добирайся отсюда домой!»

Но он прекрасно сознавал, что в эту даль он забрел нарочно.

Он понял и то, что игрушечный поезд Гиги исправил ему настроенье и воскресил в его памяти приятные воспоминания.

Эти воспоминания дремали в его душе, росли в снах, обретали плоть.

Он понимал, что наступило время, когда он должен писать, чтобы высказать все в полный голос.

Его радовало то, что впервые он должен написать о том, что пережил лично и свидетелем чего был.

Пережитое им событие не нуждалось в приукрашивании и домыслах, оно требовало правдивого описания.

Но пока все это гнездилось в его голове...

И сегодня, когда он бессмысленно стучал на машинке, все представилось ему необычайно ясно:

«Мари! Мари! Мари!»

И теперь, идя домой по пустынным улицам, он думал об этом, и никто не мог помешать ему.

РАКУШКА

Продолжение

— А какой шум все же от поезда! — сказал Ироди.

Мито вспомнил, что с ним случилось три дня назад. Он был твердо уверен, что все это приснилось ему, ибо случившееся в первую очередь удивляло его самого.

Может быть, до сегодняшнего дня он не знал самого себя? Возможно, открылись те самые девятые врата?

В тот день, вернувшись с рейса, ребята всей гурьбой направились в бильярдную. Сыграв одну-две партии, они поднялись в ресторан и выпили. Выйдя из ресторана, Мито зашагал по безлюдной улице.

На улицах городка после девяти часов вообще никого не встретишь, а тем более в полночь...

Все началось неожиданно. Ему показалось, что он совсем один в целом городе.

И этот страх не был похож на все пережитое им ранее. Этот страх был каким-то беспощадным и леденящим. И Мито подумал, что на этой пустынной улице его подстерегает погибель. Неужели это только предчувствие?

«Глупости, я просто пьян». Он невольно ускорил шаг, даже побежал, словно стараясь убежать от города. У него возникла мысль поехать на вокзал и сесть на любой поезд. Но он сразу раздумал, решив, что на вокзал он обязательно встретит кого-нибудь и откажется от своего намерения. Если бы его машина не была закрыта в заводском гараже, он на ней махнул бы подальше от города!.. Он бежал до тех пор, пока не свалился в кустарник у железнодорожной насыпи.

Поезд в этом месте всегда замедлял ход, Мито знал это хорошо. Здесь паровозы еще издали начинали гудеть. Рельсы были уложены на высокой насыпи, и чтобы запрыгнуть в вагон, Мито нужно было вначале вскарабкаться на насыпь. Но главное, чтобы поезд был товарным. Пассажирский поезд его не устраивал — случайный знакомый мог схватить его за руку и кончено... вернет его обратно в город.

А он хотел бежать и знал, куда бежать — в Батуми.

Он бежал к жене и детям, надеясь, что они избавят его от тех испытаний, которые он предчувствовал заранее.

Боясь пропустить проходящий поезд, Мито пролежал всю ночь в кустах, не смыкая глаз. Но как назло, ни один товарняк не прошел. Только на рассвете без гудка проехал какой-то состав. Заметив его, Мито торопливо вскарабкался на насыпь и понял, что опоздал.

На платформе хвостового вагона стоял человек. Он помахал рукой Мито, будто тот только его и ждал!

Мито все же побежал за поездом. Человек, очевидно, был настроен шуточно, он перегнулся через поручни, протянул Мито руку: мол, иди сюда, я тебе помогу.

Сам не веря тому, что опоздал, Мито смотрел на удаляющийся поезд.

Возвращаясь в кустарник, он оступился и на спине сполз вниз.

Дождь, начавшийся минут десять назад, уже успел промочить землю и продолжал моросить нехотя, словно в угоду кому-то другому.

В кустарнике Мито обломал ветки и постелил их на землю. Он совсем отрезвел — и хоть и не признавался себе в этом — стыдился своего ребячества. Именно поэтому он упрямо сидел в кустах и никуда не уходил.

Дождевые капли, прыгая с лепестка на лепесток, падали ему на лицо. Мито задремал, но шум дождя тотчас разбудил его. Он повернулся на спину, взглянул на небо и снова заснул.

Во сне ему почудилось, что кто-то его зовет. Нет, не почудилось, он ясно видел даже, кто его зовет! Это была Мари.

Она плакала.

«Куда я бежал? Чего я так испугался?» — подумал Мито и горько улыбнулся.

В кустах зашебетала какая-то пичуга. Спасаясь от дождя, она укрылась под листьями. А Мито лежал прямо под дождем, и дождь так крепко хлестал его по груди, словно хотел втоптать его в землю.

«Еще крепче, — думал Мито, — давай крепче! Куда же я бежал, куда?»

И вдруг он ощутил что-то такое, чего не испытывал никогда в жизни, — он был счастлив, будто заново на свет родился.

Возвращался он смущенный и пристыженный. У него было такое чувство, будто он обнаружил в себе что-то новое, такое, чего он никак от себя не ожидал!..

— Я был совсем маленький, когда меня впервые посадили на поезд, — сказала Ироди.

Мари снова вышла из дому. Видимо, она собралась куда-то идти: на голове у нее был шарф, под мышкой книга. Мари отворила калитку и вышла на улицу.

На улице она поглядела сначала в одну сторону, потом в другую, словно не знала, куда идти. Поколебавшись немного, она пошла вправо по тропе, идущей вдоль изгороди.

Вдоль улицы тянулась канава. В канаве медленно текла вода, вода отдавала неприятным зеленоватым цветом.

Края канавы обросли высокой травой.

«Сегодня я ей скажу все, — решил Мито, — больше не могу».

Он продолжал сидеть на балконе, будто слушая Ироди, а на самом деле ничего не слыша.

Обычно Мари возвращалась домой той дорогой, что шла вдоль берега моря и была короче.

Вдоль тропинки, затерянной в песках, тянулся деревянный заборчик, выкрашенный белой краской. За заборчиком был санаторский сад. И там же в нескольких метрах от ограды билось о бетонные глыбы море. В санаторском саду стояли молчаливые эвкалипты. Глядя на них, невольно думалось, что небо очень далеко и высоко. В здании санатория горел свет, и освещенные окна сверкали сквозь ветви, как звезды.

Мито, прислонившись спиной к камню, поджидал Мари.

«Я больше не могу, — думал он, — больше не могу!»

Его сердце, переполненное до отказа, может, наконец, разорваться, если он не выскажет всего Мари. Каких-нибудь несколько дней назад он об этом боялся даже думать.

Во рту у него пересохло. Табачный дым жег глотку. От волнения руки у него дрожали. Он никогда в жизни не испытывал такого волнения и никогда не выдавал его. Его всегда считали человеком сдержанным и он сам был уверен в том, что умеет владеть собой. Он заметил, что у него дрожат руки, когда зажигал спичку, и решил, что это от холода. На самом деле дул холодный ветер. Не сумев справиться с дрожью, он испугался и вдруг понял, что все то, что он сейчас собирается сказать Мари, — дело его жизни и смерти. Он не знал, что с ним станет, если Мари ответит отказом. Будущее было окутано мраком.

Мито вспомнил, как однажды на берегу его застал дождь и он укрылся от него, забравшись под опрокинутую лодку. Утомленный, он сразу заснул, а проснувшись, очнулся во мраке и решил, что ослеп, потому что не помнил, когда он забрался под лодку.

«Если Мари скажет нет, я непременно ослепну», — думал Мито. Это «нет» он почему-то связывал с темнотой, которой он очень страшился.

Но в душе был твердо уверен, что Мари не отвернется от него. Хотя для такой уверенности у него не было никаких оснований. На этом свете не было человека, который бы знал о его терзаниях. Может, было бы лучше довериться кому-нибудь?

Нет, на это у Мито не хватало смелости, он боялся, что про Мари ему могут сказать дурное: «Мол, мы это говорим только потому, что желаем тебе добра».

Море волновалось. Оно было так близко, что сделав шаг, Мито очутился бы в воде. Он невольно отошел от камня и, сделав несколько шагов вперед, столкнулся с Мари.

— Ах! — вскрикнула Мари.

Мито растерялся, он не ждал Мари так скоро. Он не мог вымолвить ни слова, только стоял и растерянно смотрел на нее.

— Это ты, Мито? — успокоившись, сказала Мари. — Ну и напугал ты меня!

— Да, это я, Мито! — ответил удивленный Мито. Он никак не ожидал, что Мари знает его по имени, а обращение на ты совершенно сбilo его с толку.

Когда у Мари прошел испуг, она вдруг разволновалась, сама не зная почему. Чтобы скрыть это волнение, она обратилась к Мито на ты, обратилась на ты к человеку, с которым ранее не промолвила ни одного слова, хотя издали хорошо знала его.

— Кого ты здесь ждешь? — спросила она Мито каким-то домашним тоном и ей показалось, что за нее говорит кто-то другой из глубины ее существа, и этого другого она не могла заставить замолчать.

— Я никого не жду.

«Живем в одном городе, видимся почти каждый день, вот и говорю со мной, а больше в этом ничего нет».

Мари была явно растеряна, поэтому и разговаривала с посторонним мужчиной словно со старым знакомым.

Мари сделала шаг в сторону, намереваясь уйти.

— Мари! — не поднимая головы, сказал Мито, словно обращаясь к земле.

— Очень рано похолодало в этом году, — ни с того ни с сего сказала Мари.

— Мари! — повторил Мито.

— Чего тебе? — ответила она каким-то неестественным голосом.

— Ничего. Ты идешь домой?

— Да, домой, — Мари пришла в себя, преодолела волнение.

— Ну, так пошли, нам по пути.

— Пошли, но я почему-то думала...

— Что, что ты думала?

— Думала, что вы кого-то ждете.

Мито заметил, как сразу изменилась Мари, стала по-прежнему далекой и недоступной, и это даже обрадовало его, ибо все, что он собирался сказать, предназначалось именно для такой Мари — далекой и недоступной.

— Да-а.

— Думаю, ждет, наверно, кого-нибудь.

Некоторое время шли молча. Тропинка была узкая, и Мито пропустил Мари вперед.

— Я была в кино, — сказала Мари, должно быть, из вежливости, чтобы не молчать.

— Мари!

Мари обернулась к Мито. Мито молчал, и она снова пошла вперед.

— Мари! — Мито почти кричал.

Мари остановилась и застыла на месте, она вся съежилась, будто ожидая удара.

— Что? — не сразу отозвалась она.

Мито не ответил, а вздохнул.

— Я тебя ждал.

— Что? — Мари не поверила своим ушам.

— Я больше не могу, — голос Мито оборвался, — не могу...

— Что это с тобой? — деланно засмеялась Мари: выпил, небось, вот и шутит.

— Не понимаешь? — Мито подошел к ней совсем близко и положил руку на ее плечо.

Но Мари стяхнула его руку со своего плеча.

— Если не замолчишь сейчас же, я уйду, — обиженно проговорила она.

— Мари, я не шучу с тобой!

— Не шутишь?

Мари по-прежнему обращалась к нему на ты, но теперь это означало, что она сердится.

— Нет, не шучу.

Мито чувствовал, что успокаивается. Он уже все сказал и не волновался больше.

— Ты шутишь! — твердо проговорила Мари, как бы приказывая ему отказать от своих слов.

— Вовсе не шучу, а...

— Шутишь! Шутишь! Смеешься надо мной! — и повышая голос, она продолжала: — И тебе сказали — пойдя, попробуй, не откажет. Сказали, да? Меня все обманывают.

— Я не обманываю тебя.

— Нет! Нет! Нет!

Мито опять обнял ее за плечи и притянул к себе:

— Я люблю тебя, люблю!

Мари вырвалась.

— Мари!

— Ты шутишь! Шутишь!

У Мито оборвалось сердце. Он вдруг разозлился: не верили самой большой его правде! Не верили!

— Уходи! Чтоб я не видел тебя! — закричал Мито. — И иди к тому, кто шутит с тобой! Уходи!

Мари не сводила с него удивленного взгляда. Потом вдруг заплакала. Мито с трудом перевел дыхание и погладил ее по голове.

— Не надо! Зачем ты плачешь? Если ты не хочешь...

Мари плакала, всхлипывала как ребенок и говорила что-то, но Мито не мог разобрать.

— Может быть, ты любишь кого-нибудь другого? — спросил ее шепотом Мито и тут же пожалел об этом, так как ошеломленная Мари вдруг понялась назад и замахала руками:

— Нет! Нет! Никого я не люблю! Никого!

ГЕРОНТИ

С завода Леван возвратился поздно вечером. Прежде чем пойти домой, он зашел в парикмахерскую побриться.

Парикмахерская помещалась в маленьком голубом домике. В одной комнате была мастерская, в другой жил Геронти с женой.

В мастерской Леван никого не застал. Наконец выглянула жена Геронти, поздоровавшись с ним, она вошла в комнату.

— Геронти! — уже в третий раз звала она: — Клиент ожидает.

Геронти в другой комнате играл в нарды, доносился стук костей и его возгласы:

- Мне бы только шаши-ду!
- Собачья ты кость, собачья!
- Слава богу, выпал шаши!

— Геронти, не заставляй ждать клиента! — снова взывает к парикмахеру супруга и, обращаясь с извинением к Левану, добавляет: — Вы же знаете его причуды...

Геронти, наконец, внял мольбам жены, в соседней комнате задвинулся стул.

— Подожди, я сейчас! — пообещал он партнеру.

Геронти появился в бархатной куртке с нашивными карманами, в галифе. Мягкие азиатские сапожки удачно завершали его туалет.

Хотя еще и не совсем похолодало, в парикмахерской все же горит железная печь. Жарко. На печке стоит чайник. На стенах развешаны вырезанные из журналов выцветшие фотографии: Гагарин, Баркай, Майя Плисецкая.

— Садись!

Геронти явно спешит. У него длинные нервные пальцы. Взбивая пену, он заляпал весь стол.

Леван сидит, беспомощный, как ребенок, с салфеткой, туго подвязанной под подбородком. Справа в окне виднеются темно-зеленые мандариновые деревья и взерошенный эвкалипт.

Геронти намылил Левану щеки, направил бритву о кожаный ремень, висящий на стенке.

Входит жена Геронти и, видно, из вежливости начинает разговор.

— Наконец-то, распогодилось!

— Ты что тут торчишь, присмотри за гостем!

Женщина молча выходит.

— Геронти, ты что не в духе? Проиграл? — спрашивает Леван с улыбкой.

— Не твое дело, отчего я не в духе, — грубо отвечает Геронти и тут же добавляет: — тебе горло надо бритвой перерезать.

Леван слышит, как зашуршала по ремню бритва.

Геронти бреет медленно, кажется, рука у него дрожит.

— За что же это, Геронти? — бесечно спрашивает его Леван, стараясь сохранить улыбку на лице.

— Ах, ты не знаешь, за что? За то самое...

Бритва останавливается на горле Левана.

Тишина. В печке затрещал хворост, резко, неприятно.

— Послушай! Оставь в покое Мари!

— Что-о? — Леван так и подпрыгнул на стуле.

— Попало в сердце, дружок? — теперь уже с улыбкой сказал Геронти.

— Что ты такое болтаешь, Геронти?

— А дурак Мито думает, она любит его — и никого другого, — хи-хи-хи, — захихикал Геронти и хлопнул Левана по плечу.

«Раз Геронти так говорит, значит, весь город думает то же самое!»

Леван всего мог ожидать, но только не этого. Он ни одной минуты не задумывался над тем, что о нем могли сказать дурное, обвинить его, да-да, именно обвинить. Другого слова он подыскать не мог.

— Другой раз, Геронти, этого не повторяй!

— Почему, почему? — продолжал, смеясь, Геронти. — А Мито наш — простофиля!

— Не повторяй, говорю тебе!

— Что с тобой, голубчик, ты слава богу, не первый!
— Геронти! — У Левана задрожал голос.
— Ну ладно, ладно, — изменившимся голосом сказал Геронти, — я могла.

Геронти больше ничего не сказал.

С тяжелым сердцем вышел Леван из парикмахерской.

«Неужели Мари такая? — думал он. — И что им только от нее нужно!»

КИРИЛЕ

Потом Леван зашел в ресторан. Ресторан находился в нижнем этаже гостиницы. В маленьком зале стояло всего несколько столиков. У стены виднелось пианино, на котором было вырезано ножом пронзенное стрелой сердце с надписью: «Эмма+Абесалом».

Кто бы ни заходил в ресторан, сначала непременно подходил к пианино, открывал крышку и стучал пальцем по клавишам. Некоторым это доставляло огромное удовольствие, словно малым детям.

Ресторан был пуст, и за прилавком никого не было.

Леван сел за столик, вынул сигарету и закурил.

В это время открылась дверь кухни. Леван не обернулся, по звуку шлепанцев он узнал Кириле.

У Кириле от долгого стояния за прилавком опухали ноги и поэтому он не мог носить обычной обуви. Именно из-за Кириле не любил Леван сюда заходить, но делать было нечего, в городе это был единственный ресторан.

Кириле прямо лез ему в душу, заглядывал в глаза и проявлял чрезмерное внимание — думал, Леван корреспондент из газеты. Леван несколько раз говорил ему, что он не из газеты, а должен писать очерк для журнала. Но кто ему верил!

Кириле хлопнул в ладоши:

— Зина!

Зиной звали официантку. Она была хорошей девушкой, смелой и ярмой. С ней у Левана давно установились простые, дружеские отношения.

Дверь снова открылась и теперь уже вошла Зина. Она приблизилась к Левану и остановилась возле столика.

Леван посмотрел на нее. Зина была в черном платье, которое ей очень шло. Леван улыбнулся.

— Зина...

Зина ближе придвинула к нему пепельницу и спросила:

— Будешь кушать?

— Принеси мне вина, один стаканчик.

— И рыбу принесу.

— Ладно.

Зина повернулась и ушла.

Кириле суетился за прилавком, но Леван не обращал на него внимания, и он сам окликнул его:

— Здорово, корреспондент!

Леван обернулся:

— Здравствуй.

— Что будешь пить?

— Я уже сказал Зине.

Кириле начал тряпкой протирать разложенные на прилавке каны.

— Слышал? Бежан вернулся.

— Кто-кто?

— Да Бежан Геловани.

— А-а.

Леван не знал никакого Бежана и не знал, куда это Бежан ездил и откуда вернулся.

Дверь кухни снова отворилась.

— Открой мне бутылку вина, — сказала Зина Кириле.

— Какого? Что ты будешь пить? — запросто обратился Кириле к Левану, будто они были старыми друзьями.

— Восьмой номер.

Кириле откупорил бутылку, обтер ее тряпкой и подал Зине:

— На!

— Он один стакан просил...

— Неси говорю, — Кириле махнул рукой, мол, слушай, что тебе говорят.

Зина поставила бутылку на поднос, взяла с прилавка нож, вилку, стакан, вместе с вином поднесла все к столу Левана и быстро выложила на скатерть.

— А хлеб забыла! — сказала с улыбкой Зина.

— Вот тебе хлеб! — Кириле подал ей на тарелке тонко нарезанный хлеб.

— А теперь ступай на кухню! — сказал он Зине.

Зина ушла, но через некоторое время вернулась с бутылкой уксуса и накапала немного уксуса на рыбу.

— Ступай отсюда, говорю! — почему-то обозлился Кириле.

— Ухожу, ухожу! — Зина, как бы стыдясь Левана, еще немного покрутилась и ушла.

Леван наполнил стакан вином, но не поднял. Он вдруг вспомнил болтовню Геронти и уставился взглядом в одну точку.

— Ты что, один пьешь? — улыбнулся Кириле.

— Да, один, — пробурчал Леван и опорожнил стакан.

Кириле взял со стойки пустой стакан и подошел к столу. Видя, что Леван не собирается наливать ему вина, он сам взял бутылку и наполнил свой стакан. Выражение его лица говорило: мол, не вина мне нужно, а жажду я поговорить с тобой.

— Будем здоровы! — Кириле медленно осушил свой стакан, потом поглядел на пустое доньшко и сказал: — Да, так что я говорю!.. Бежан вернулся.

Кириле замолчал, ожидая, что скажет Леван, но Леван молчал, и Кириле продолжал:

— Пять годочков отсидел он, пять! Шутка сказать. А за что? Пять граммов водки недолил какому-то попрошайке, взяли человека и посадили. А что с пятью граммами водки сделаешь, разве только в ухо вольешь!

Разговаривая, Кириле все время старался заглянуть Левану в глаза. Леван сидел опустив голову. Его совершенно не интересовала история какого-то Бежана, воровавшего водку.

— Теперь буду осторожнее, — говорит Бежан. — Главное, братец, это осторожность. Он с трудом вышел на свободу и теперь обратно его не вернешь! Там, говорит, сидел один тип. Такие вещи говорил — Бежан прямо разрывался от злости. Как заладил одно: что это за наказание, кормят, поят, вместо того, чтобы каждое утро да вечер нам в лицо

плевать. А Бежан наш ему и скажи:—Если ты не заткнешься, я самолично буду тебе в лицо плевать, представляешь! Хи-хи-хи!

Кириле закашлялся, покраснел, как бурак. Он кашлял и ударял себя кулаком по колену.

Сквозь кашель он все же успел позвать Зину и велел принести воды.

— Выпей вина, — сказал Леван.

Кириле махнул рукой: — Вино мне не поможет.

Зина принесла воду и тотчас же ушла. Кириле выпил воду, пришел в себя, наклонился к Левану и подмигнул ему:

— Хорошая девушка, правда? Если бы не она...

В это время в ресторан вошел артист местного театра Шукри Даддани.

Шукри подошел к ним и, приложив руку к груди, почтительно приветствовал:

— Мой привет обществу!

Шукри был красив, хорошо танцевал, чем вызывал восторг у местных жительниц. И какая бы пьеса ни шла, ему всегда удавалось протанцевать на сцене «Картули».

— Прошу к нам, Шукри! — пригласил его Леван к столу.

— Нет, спасибо, я ищу друзей, вот и заглянул сюда.

Несмотря на то, что Шукри и Леван были ровесниками, Шукри относился к Левану с большим почтением. Этим он хотел сказать, что хотя он и живет в провинции, держать себя умеет и знает цену писателям.

В душе он, вероятно, мечтал о том, чтобы Леван в своем очерке упомянул и его, но виду не подавал и держался гордо и независимо.

Он все-таки подсел к столу: ему всегда приятно было беседовать с Леваном. Он заказал Кириле две бутылки вина и спросил закуску. Затем, словно не доверяя Кириле, сам пошел на кухню. Вернулся он скоро, потирая руки, и сообщил, что все в порядке, сел, перекинув ногу на ногу, и обратился к Левану:

— А что, если мне сыпать Иеремью Царба?

Леван чуть не расхохотался. Вот уж роль — раздолье для Шукри: облачится он в чоху и попляшет вволю.

— Не знаю, но, наверно, будет неплохо...

— Вот и я так думаю! — Шукри развел руками, наполнил стаканы и торжественно начал:

— Если позволите...

Леван улыбнулся. Он попался как рыбка в сети и отсюда ему не выбраться. Если он откажется пить, то Шукри станет его кровным врагом.

— Ну вот, пошел тамада! — сказал Кириле.

— Я хочу выпить за здоровье нашего дорогого гостя, — продолжал Шукри, — и вы, пожалуйста, ничего такого не думайте!

Леван так и не понял, что значит «ничего такого». За его здоровье также пили и другие, добавляя «ничего такого».

Позднее к их столу присоединились какие-то рыбаки. Они тоже заказали вина и закуски. Шукри выпил за их здоровье и затянул песню. Рыбаки стали ему подпевать.

Кончив петь, Шукри поднял два полных стакана и стоя выпил тост за театр и литературу. Рыбаки встали и тоже выпили. Шукри стоял, опустив голову, держал руку на груди, будто этот тост в первую очередь касался его. Когда все выпили, Шукри обнял и расцеловал Левана. Рыбаки снова попросили вина, а Шукри опять затянул песню.

Один из рыбаков попросил его станцевать, но он отказался. Его долго просили, но он ни за что не соглашался. Видно, танец он считал своим артистическим амплуа и размениваться на мелочи по ресторанам не хотел.

Когда Шукри пил за здоровье Кириле, он уже был пьян и пристал к нему:—Хочешь ты этого или не хочешь, а раньше ты работал в милиции. — Ей-богу нет,—всплеснул руками Кириле.—А я хорошо помню, как ты носил галифе и маузер на поясе.—Шукри, дорогой, погляди на меня, ты с кем-то меня путаешь,—умолял растерянный Кириле.—Я ничего не путаю, — твердил Шукри, просто теперь не то время, и поэтому тебя выдворили из милиции. Может, скажешь, не ты мне говорил, что можешь меня повесить на дереве за ноги? Ну так вот, голубчик, теперь другое время, и ты поэтому забрался сюда, как крот. Ничего не поделаешь, за столом у нас такой закон и я должен выпить за твое здоровье. Будь здоров, но не думай, что твое время опять вернется. Тебе и то не нравится, что я танцую. Не нравится даже и то, что на этом свете существуют театры.

Кое-как Шукри уговорился. Затем он спел арию из «Даиси», обнял Левана и доверительно сообщил ему, что искусство никогда не умрет.

Леван поднялся и предложил выпить за здоровье Абесалома и Эммы... Все удивились, мол, мы таких не знаем, но когда Леван указал рукой в сторону пианино, все поняли и расхохотались...

Было довольно поздно, когда открылась дверь и в ресторан вошел Мито.

Не взглянув на пирующих, он подошел к прилавку. Кириле вскочил из-за стола и устремился к Мито.

— Иди к нам, Мито, рады будем! — крикнул ему Шукри.

Мито не ответил.

Лицо у него было такое перекошенное, что подвыпившие не стали к нему цепляться и оставили его в покое.

— Дай мне выпить вина, Кириле, — Мито стукнул кулаком о прилавок, — вина!

— Сейчас, дорогой, сейчас.

— Да, дай мне выпить.

— Сколько времени ты не заглядывал к нам, где пропадал? — игриво спросил его Кириле.

— У черта на куличках! — ответил Мито и подтолкнул стакан. — Налей!

— С чего это тебе вина захотелось? — у Кириле заплетался язык.

Мито ему ничего не ответил, опрокинул стакан и посмотрел на него невидящим взглядом.

— Еще налить?

Мито кивнул головой, продолжая бессмысленно глядеть на Кириле. Кириле наполнил стакан, разрезал редиску на четыре части и вместе с куском хлеба положил на тарелку, которую пододвинул к Мито.

Мито поднес стакан к губам, но не выпил и поставил его обратно.

— Чего ты на меня уставился, что тебе надо?

— Я уставился? — удивился Кириле. — Я?

Он отошел от Мито и, вернувшись к столу, проговорил: — Свихнулся никак малый!

— Может быть, к нему жена приехала с детьми? — сострил один из рыбаков, но его никто не поддержал.

Мито глянул в сторону стола и увидел Левана. Леван, почувствовав на себе взгляд Мито, тоже посмотрел на него. Они долго смотрели друг на друга.

Мито вынул из кармана скомканный рубль, бросил его на прилавок и, не оглядываясь, вышел из ресторана.

Потом Кириле дал всем понять, что уже поздно и ему пора закрывать. Сидящие за столом вначале не обратили внимания на его слова, но затем по одному стали подниматься из-за стола и постепенно разошлись.

МАРИ

Как только Мари пришла в больницу, ей сказали, чтобы она шла к директору.

Мари поднялась на второй этаж и приоткрыла дверь кабинета:

— Можно?

Директор кивнул головой.

— Садитесь! — сказал он Мари.

Мари продолжала стоять.

— О вашем поведении нам необходимо серьезно поговорить, — сказал он, — весьма серьезно.

— В чем я провинилась? — спросила его Мари. Она вся напряглась, словно чувствуя, что сейчас услышит что-то неприятное.

— Я в своем учреждении беспорядка не потерплю, — сказал директор. Он говорил быстро, как бы стараясь сразу выказать все. — Наша больница — образец для всего района!

— Да, но...

— Мне очень жаль, но я обязан сказать, что ваше поведение далее нетерпимо.

— Какое поведение?

— Вы прекрасно знаете, какое!

— Я не знаю.

— Мне больше нечего добавить!

— Да, но...

Директор стоял у окна, он избегал взгляда Мари и стучал пальцем по стеклу. Затем он повернулся, рассерженный, что Мари не догадывается о том, как трудно ему говорить с ней об этом, сурово произнес:

— Да, да!.. — этим он словно поставил точку.

Мари не двигалась с места и только беспомощно улыбалась. Она не верила, что все происходящее было явью, и словно ждала, что директор улыбнется ей и скажет, что он пошутил.

— А кроме того, — сказал директор, — кроме того....

Он не закончил своей фразы, вынул папиросу и закурил. Он сел за стол, бросил папиросу в пепельницу и выдвинул ящик стола. Пошарив рукой среди бумаг, он выбрал из них одну и сказал: — Я получил письмо... — Он подал листок Мари.

Мари не сделала ни шагу, чтобы взять письмо.

— Это от жены Мито, вот прочтите.

— Не хочу! — Мари резко вскинула руку, словно защищаясь. — Не хочу!

— Читайте, читайте!

Мари, поблуднев, смотрела на директора. Он опустил руку с письмом, снова взял в рот потухшую папиросу и зажег спичку.

Мари теперь видела только зажженную спичку и больше ничего. Пламя постепенно разгоралось и увеличивалось...

— Скажите, что мне делать? — сказал директор. — У Мито жена и дети, что же будет с ними? Допустим, что вы любите его, но ведь и они же любят его? Мы не можем быть ни на чьей стороне. Тут главное — закон! Как мне поступить, как вы мне подскажите, так я и поступлю.

Мари молча повернулась и вышла из кабинета.

В эту ночь Мито пришел к Мари, но она ему не отворила. Он долго стучал, звал, шептал ей что-то, но она его не впустила.

Прислонившись к дверям, Мари плакала. Не открыла она ему и на другую ночь. Тогда Мито подстерег ее на улице, но она не остановилась, не стала говорить с ним и убежала. Так прошла неделя, за ней вторая...

В один из воскресных дней случилось то, чего никто не ожидал. В этот день шел дождь. На базаре между рядами стояли большие лужи. В конце базара торговали вином. Там-то и расположился Мито с друзьями-шоферами. Укрывшись под навесом от дождя, они сидели на прилавке, пили из банок вино. На обрывке газеты лежали соленые помидоры и хлеб.

В это время показалась Мари. Осторожно обойдя лужу, она остановилась там, где продавали зелень. В одной руке она держала полную сумку, в другой зонтик. Зайдя под навес, она сложила зонтик и начала выбирать зелень. Мито был уже пьян. Спрыгнув с прилавка, он зашатался и ухватился за столб. Немного постояв и поглядев на Мари мутным взглядом, он обернулся к товарищам и сказал, что скоро вернется.

Мари покупала зелень, зонтик и сумку она положила возле вороха зелени.

— Разве такую зелень можно выбирать? — обиженно проговорил продавец. — Вы же видите — вся зелень свежая, листочек к листочку! — Вижу, — отозвалась Мари, — потому и покупаю.

— Я для того говорю, дочка, чтоб ты под дождем не мокла.

Мари взглянула на продавца. Это был высокий крестьянин с белой бородой. В руках он держал трубку с длинным мундштуком. Одет он был в старую шинель, на лацкане чернела траурная лента с фотографией молодой женщины.

Мари открыла сумку и обратилась к продавцу:

— Ну тогда вы сами дайте мне пучок лука.

Старик улыбнулся:

— Выбирай сама, дочка, я тебе не мешаю!

Он положил лук ей в сумку. Мари протянула старику деньги, раскрыла зонтик и ушла.

Мито догнал Мари, схватил ее за локоть и повернул к себе:

— Здравствуй, Мари! — беззаботным тоном обратился он к ней.

— Здравствуй! — холодно ответила Мари.

— Куда это ты пропала, разве так можно? — Мито улыбался и старался ухватить папиросу из открытой коробки. Папиросы сыпались в лужу. Так он и рассыпал всю коробку, не взяв ни одной штуки. Затем он швырнул коробку в сторону.

— Показал бы я тому, кто их укладывал, эти чертовы папиросы, — выругался он.

Мари было ужасно стыдно. Ей казалось, что на них смотрит весь базар. Она не могла сдвинуться с места. Она видела, как Мито шарил в коробке, и делала вид, что ей очень интересно, вытащит ли он папиросу или нет, но после того, когда он швырнул коробку, Мари сказала ему:

- Я должна идти.
- Идти? Куда?
- Я спешу.
- Спешешь, ах, ты спешешь?
- Да, спешу.
- Значит, спешешь?
- Я ухожу, до свидания.
- Подожди!

Мито подошел к ней совсем близко, заглянул в глаза и сказал:
— Значит, ты ничего не помнишь, значит, ты спешешь? — Затем, выхватив из сумки Мари луковицу, он взмахнул ею в воздухе.

— Значит, бежишь? Убегаешь?

Зеленый, свежий стебель блестел, как лезвие ножа.

Мари попятилась назад. Мито наступал на нее, цедя сквозь зубы:

— Ты все забыла? Все?

Мари показалось, что не только люди, но и все окружающее притовилось слушать их.

— Нет, — закричала Мари, — не говори этого!

Она едва удержалась, чтобы не прикрыть ему рот рукой.

— Не говорить? Значит, не говорить?!

— Замолчи! — снова закричала Мари, пытаясь убежать, но Мито схватил ее за руку и остановил.

— Оставь меня, — Мари почти плакала, —пусти!

— Опустить, да? Хорошо...

Он схватил ее, обнял руками за плечи, тряс изо всех сил и кричал:

— Уходишь, да? Уходишь? Уходи! Уходи! Уходи!

Мари уронила сумку и зонтик. Красная хурма покатила по земле.

Внезапно Мито отпустил ее, и Мари, не устояв на ногах, опустилась на колени и затем упала вперед, в лужу. Это все произошло так неожиданно, что никто не смог ей помочь.

Мито вдруг отрезвел и протер глаза, как бы очищая их от присохшей к ним грязи. Он бессмысленно огляделся по сторонам, махнул рукой и ушел.

Не пройдя и десяти шагов, он снова обернулся, хотел что-то сказать, но не смог.

Леван обо всем узнал поздно. Он был удивлен и не хотел верить. Возвращаясь домой, он зашел к Мари. Мари сидела в полутемной комнате за столом. Леван присел на стул рядом. Он молчал, молчала и Мари. Так они долго сидели молча. Леван взял руку Мари, чтобы она почувствовала, что он с ней. Рука у Мари была безжизненная, слабая. И вдруг Левану захотелось открыть дверь и показать всему городу, что он вместе с Мари, потому что он жалеет ее.

— Никто не живет на звездах, — начал он тихим дрогнувшим голосом. — Никто! Жизнь существует только на земле, только здесь можно дышать. И ничего не поделаешь, за это приходится дорого платить. Вот ты хорошая девушка, любишь мечтать, а мечты похожи на полет. А разве тот, кто летает, не должен помнить, как больно падать на землю. Мари, раньше и я думал, что на земле существует только день, потому что ночью я спал безмятежным сном. Но потом я увидел и ночь. Это когда мы не видим, как смеются и плачут другие, когда мы становимся жестокими. Но жизнь, и днем и ночью, существует только на земле. Не плачь, не надо, никто не живет на звездах...

Но Мари не плакала, широко раскрытыми потухшими глазами она смотрела куда-то вдаль.

Леван сам не знал, зачем он говорит ей все это. Разве его могли утешить Мари?

Ночью он написал обо всем Элисо. Элисо приехала через три дня. Она почему-то все время деланно улыбалась.

— Что случилось? — спрашивал ее Леван. — Что с тобой?

— Ничего... Ничего...

Они сидели в комнате Левана. На дворе шел дождь.

Вдруг прогрохотал поезд, он встряхнул домик и заглушил шум дождя.

— И ты уверяешь меня, что в этом аду ты хорошо поработал и что-то написал? — проговорила Элисо.

Наутро Леван перебрался в гостиницу. Хотя Элисо и пыталась увести его в Тбилиси, Леван тут уж не уступил:

— Я, между прочим, сюда приехал по делу!

Элисо уехала.

МИТО

Мито пристроился в хвосте колонны автомашин, хотя он и не вошел в состав этой колонны. Обогнать ее он никак не мог, дорога была извилистой, и он остерегался встречных машин.

«Вот проедет переезд, начнется прямая дорога, тогда и обгоню», — думал Мито.

После того безбожного дня он только сегодня утром вышел на работу.

Все это время он пролежал в заводском общежитии, укрывшись с головой одеялом, и ни с кем не разговаривал, собственный голос был противен ему, да и собственные руки, и мысли. Он даже не думал о том, как искупить свою вину, так как знал, что вину эту искупить нельзя.

Так вот что пряталось за девятыми воротами его души? Неужели он мог убить Мари?

На переезде через железную дорогу колонна автомашин замедлила ход. Переезд не закрывался шлагбаумом. Здесь водитель должен быть начеку, чтобы поезд не застал его врасплох.

Шедшая впереди машина наполовину пересекла полотно железной дороги и сразу остановилась, остальные машины уже успели скрыться за поворотом дороги.

Мито нажал на кнопку сигнала. Передняя машина не двигалась с места.

Мито еще раз посигналил и подумал: «Может быть, у него заглох мотор?».

С минуту на минуту мог появиться поезд. Уже донесся отдаленный свисток. Из кабины передней машины выскочил водитель и ручкой попытался завести мотор.

Мито высунул голову из кабины и крикнул водителю:

— Что случилось?!

Тот не ответил и захлопнул кабину машины. Через минуту он выпрыгнул из кабины, вскочил на кузов, взялся за какой-то ящик, но сдвинуть с места его не смог. И тогда он заорал не своим голосом: — Да помоги же мне, наконец!

Мито выскочил из кабины, подбежал к стоящей на путях машине, поднялся и заглянул в кузов, набитый какими-то ящиками.

Разгрузить машину уже не было никакой возможности!

Побледневший шофер усталился на Мито. По лицу его стекал пот. Он вдруг соскочил с кузова, попятился назад, повернулся и бежал, голоса во всю мочь:

— Динамит! Динамит!

Значит, в ящиках находился динамит.

— Подожди! — крикнул ему Мито.

Шофер не обернулся.

«Взорвется поезд! Поезд взорвется!» — мелькнуло в голове Мито.

— Подожди, да подожди ты, говорю я тебе! — крикнул он шоферу и спрыгнул на землю.

Шофер был уже далеко и бежал по подъему, временами оглядываясь на машину.

Мито поднял камень и бросил ему вслед.

— Стой, выродок!

Он снова швырнул камень — один, другой.

Когда под рукой не оказалось камней, он сгреб в горсть землю и кинул вслед убегающему.

«Я тоже должен бежать, — подумал Мито. — Я тоже!»

Вдруг у него затряслись руки:

«Я должен бежать!»

Словно подчиняясь этой мысли, он подбежал к своему грузовику, сел в кабину и тронул машину вперед, вместо того, чтобы повернуть обратно.

«Успею, вполне успею», — думал он.

Машина двинулась. «Успею».

Он внезапно успокоился, не то, что успокоился, а как-то обмяк, будто решив отдохнуть после тяжелой усталости.

Он подъехал к стоявшей машине и стал ее подталкивать. Его машина вначале застыла на месте. Он уже не думал о поезде, а прибавлял газу. Он ничего не чувствовал, только думал, что все это тянется уже целый год.

Передняя машина, наконец, сдвинулась с места и постепенно перекатилась за полотно железной дороги.

«Успел!» — с облегчением вздохнул Мито...

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ

Леван сидел на крыльце конторы. Кипарисы клонились под ветром к морю, словно прислушиваясь к нему.

Леван собирался в больницу навестить Мари.

Смерть Мито сломила ее вконец, и она не вставала с постели.

За спиной Левана кто-то приоткрыл дверь.

— Что ты здесь сидишь? — услышал Леван голос Элене, бухгалтера конторы. — Ждешь кого-нибудь!

— Нет...

— Ты совсем промок.

— Да, промок, — ответил Леван, проведя рукой по волосам, — промок.

— Войди в комнату и выпей кофе, он у меня в термосе.

— Спасибо, не хочется.

— Как знаешь... — сказала женщина и прикрыла дверь.

Леван оглянулся и увидел босого мальчугана с бамбуковой палкой в руке, которой шлепал по лужам.

— Поди ко мне! — помахал ему Леван.

Мальчик остановился и поглядел на Левана. Лицо мальчишки было сплошь покрыто веснушками, нос облуплен.

— Поди сюда!

Мальчик подошел ближе и остановился у лестницы.

— Чего ты бродишь под таким ливнем? — спросил его Леван.

— А я играю! — ответил мальчуган.

— Как же ты играешь один?

— А я играю в пароходы.

Мальчик приставил палку к стене и присел на ступеньку лестницы.

— А почему сюда не заходят корабли? — спросил он Левана, заглядывая ему в глаза.

— Как не заходят, вон разве это не корабль?

— Какой же это корабль! Я же не о катерах говорю!

— Не знаю, видимо, так нужно.

— Ведь в Сухуми и Батуми они заходят?

— Конечно.

— Но ведь и тут море, а почему же они не заходят?

У мальчугана были большие карие глаза. Он спрашивал так, будто не надеялся получить ответа.

Леван замолчал.

Мальчик некоторое время продолжал глядеть на него, затем встал, взял палку и убежал.

Леван мысленно продолжал беседу с ним: «Ну и что же, что тут тоже море, ведь не всюду заходят корабли!»

Леван нехотя встал. На дороге валялись мелкие листья эвкалипта. Моросило. Издали доносился рокот моря.

Леван снова увидел мальчика. Высоко подняв палку с красным лоскутком на конце, он шлепал по лужам и кричал, подражая гудку парохода.

Леван остановился. К горлу его подступил колючий клубок слез. Может быть, потому, что для него давно миновала пора игр и фантазий.

Дорога вела его в сторону больницы.

«Пройдет, — твердили врачи, — но только ей необходим абсолютный покой».

Когда Леван вошел в палату, Мари отвернулась к стенке. Леван молча сел у кровати.

О чем же с ней говорить, ведь она глуха ко всему!

Леван смотрел на ее распущенные волосы, на ее похудевшую шею с пульсирующей голубой жилкой.

Плечи Мари задрожали, и он понял, что она плачет. Он понял, что Мари стыдится его. То, что с ней случилось, так не было похоже на то, о чем они говорили и мечтали раньше. Но почему же бывает, что человек стыдится своего несчастья? Может, потому, что в этом мире он себя чувствует одиноким и думает, что его никто не поймет.

«Что это со мной произошло, Леван? — казалось, спрашивала Мари. — Ты оказался прав, на звездах действительно никто не живет. А я думала... Но все же, что произошло со мной!».

— Не надо плакать Мари, — шептал Леван, — не надо...

И сердце Левана наполнилось чувством какой-то вины за все, что произошло с Мари.

«Ведь ты жил рядом с ними?» — звучал в душе его чей-то леденящий голос.

«Ну и что с того, что я жил рядом с ними? — возражал Леван. — Ведь я ничего не мог изменить».

Совесть умолкла.

«Ничего, я ничего не мог изменить», — повторил Леван.

Но вот именно эта беспомощность наполняла его чувством вины.

— Мари! — произнес он. — Прости меня!

Он заплакал, пожалуй, первый раз в жизни, если не считать детства.

Мари повернулась, взглянула на него глазами, полными слез, и положила руку ему на колено. Рука была такая легкая, словно сухой осенний лист.

6

Когда Леван очнулся от мыслей, он сидел у своего подъезда. Достав из кармана ключи, он отпер дверь. Элисо спала. Леван вышел в другую комнату и включил свет. Часы показывали половину второго. Он сел за стол, вложил лист бумаги в пишущую машинку и стал печатать. Он печатал быстро и долго, не поднимая головы — как бы боясь, что задуманное выскользнет у него из рук.

Наконец-то он мог печатать без передышки, все было продумано. Он знал, о чем должен написать.

Леван печатал долго.

На другое утро проснулся он поздно.

Элисо куда-то ушла.

Не позавтракав, он быстро оделся и вышел на улицу.

Хотя весна еще не вступила в свои права, но уже чувствовалось, что зима сдается. Улица была полна народу — весной всех тянет на улицу. И весна всегда похожа на праздник, когда в людях рождается желание выйти на улицы.

Хроника

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Состоялся первый пленум правления Союза советских писателей Грузии. Пленум обсудил организационные вопросы.

Председателем правления Союза советских писателей Грузии пленум избрал И. Абашидзе. Первым секретарем избран С. Чылая, вторым секретарем — Б. Жгенти, секретарем — И. Нонешвили.

Избран президиум правления Союза советских писателей Грузии в составе: И. Абашидзе, Г. Абашидзе, Х. Бериулава, К. Гамсахурдиа, А. Гомишвили, Н. Гурешидзе, Р. Джапаридзе, Н. Думбадзе, Б. Жгенти, К. Каладзе, Г. Леонидзе, К. Лордкипанидзе, Р. Маргиани, М. Мачавариани, А. Мирцхулава, Г. Натрошвили, И. Нонешвили, Дж. Чарквиани, С. Чилая, Т. Чиладзе, Д. Шенгелая.

Председателем ревизионной комиссии Союза советских писателей Грузии избран В. Чхендзе.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК КП Грузии Д. Р. Стуруа.

Выдающемуся советскому поэту, человеку большой, многосторонней культуры, известному переводчику Павлу Григорьевичу Антокольскому исполнилось 70 лет. Этот юбилей — настоящий праздник всех друзей и подлинных ценителей советской поэзии. Вечная молодость в стихах и в жизни, постоянная заинтересованность и дружелюбное внимание к творчеству своих соратников-поэтов, чуткая и требовательная забота о тех, кто только выходит на литературное поприще, — все это свидетельствует о том, что сердце поэта никогда не стареет, какие бы горести и болезни ни выпадали ему на долю за эти 70 лет.

Павел Григорьевич — большой друг грузинского народа, грузинской литературы, друг давний и испытанный. «Литературная Грузия» поздравляет П. Г. Антокольского и желает, чтобы много лет в советской поэзии горел ясный светоч его стихов.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ВАРИАНТ ФАУСТА

Среди скелетов, чучел и реторт
 Восьмидесятилетний черно книжник
 Скрипел пером и ненавидел ближних.
 Но в должный срок из трапа вылез черт
 И предложил без проволочек лишних
 Сдать душу и проваливаться в ад!
 Тогда — живущий под грядущей датой,
 Вскочил со сна художник бородастый,
 Как будто сам смертельно виноват
 В событиях, случившихся когда-то,
 И написал, как в пламя облачась,
 Явился Некто, злющий и колючий,
 И добряком прикинулся на случай,
 И сводит старца в полуночный час
 С девицей самой юной, самой лучшей.
 Наивная картина вся насквозь
 Дышала пламенем нездешней злости.
 Но проиграл ее художник в кости,
 Жизнь прожил в долг, а то и на авось
 И был зарыт бедняга на погосте.
 Осиротели дети и жена.
 Но не смутилась живопись плохая
 И, колером багряным польхая,
 Во многих зеркалах отражена,
 Пустилась в путь, — беспутная, ляхая!

И в скором времени, — куда ни глянь,
 На кораблях, в портах, на перекрестках,
 На ярмарочных крашенных подмостках,—
 Ее встречала площадная брань:
 — Эй ты, гуляющая, в заморских блестах,
 Сгинь, пропади, а нас не подводи!
 — Куда мне деться,—живопись кричала,—
 Нет у меня ни дома, ни причала,
 Нет никакой дороги впереди...
 Прогоните, а я начнусь сначала!
 Ищите, шарьте ночью без огня,
 Днем с фонарем! Кто ищет, не обрящет.
 Что там за сыщик желтый глаз таращит?
 На кой он шут преследует меня?
 Пожалуй, и в полицию потащит! —
 И выскользнула, сгинула во мглу,
 В ночлежный дом,—и там, на дне
 глубоко,
 Она дряхлая в обществе убогом
 И скоро у старьевщика в углу
 Пожухла на мольберте кособоком.
 Но сотни: раз, бывало, с этих пор
 И в княжеском дворце, и в балагане
 Изображали страшные цыгане,
 Как Фауст с Чертом затевает спор,

И зрители немели в содроганье.
Я сам следил, бывало, не дыша,
Как в бурном освещенье непогоды
Не требует прощения и льготы
На гибель обреченная душа, —
Та самая, что и в былые годы!
Однажды выйдя из театра в ночь,
Я сам не знал, в какую местность выбыл.
Тут ветер взвыл и всю окрестность
вздрыбил...

Все повторилось заново точь-в-точь:
Ночь, непогода, неизвестность, гибель!

—Как неизвестность? — Я сказал бы — тут
Неясность! И внимательному глазу
Ясна неясность с первого же разу,
А если во второй раз перечтут...
Но я прервал его вторую фразу
И заявил редактору в глаза:
—И во второй, —зачем не попытаться?
А в третий проклянут, как святотатца,
Проголосуют против, а не за,
Да наизусть запомнят, может статься.
Я выскажусь суммарно и общо,
Пока меня вконец не замарали.
Вот вам концовка, две строки морали:
Вы, может быть, не родились еще,
А мы, сто раз родившись, умирали!
Кто мы такие? Личности весьма
Различные, бродяги, скomorохи...
Сквозь города, события и эпохи
Нас гнал огонь, и голод, и чума.
Случалось нам и гнить в чертополохе.
К примеру, собеседник ваш возник

Не сразу в переулке за Арбатом,
Был скрипачом, бандитом, акробатом,
Я расскажу вам, как прошел сквозь нищету
—Рассказывайте сказочки ребятам! —
Прервал меня редактор, — натошак
Я избегаю декадентских бредней,
Читаю, что попроще и безвредней,
Не разбираюсь в путаных вещах.
Как вам известно, я — читатель средний!
Он наточил свой красный карандаш
И говорит: — Не надо волноваться!
Сторгуемся! Вам некуда деваться!
Поймите: не уступишь — не продашь.
Я галочек поставлю, скажем, двадцать.
Ваш опус темен, если не зловещ.
Вы пишете сплошнойю черной тушью.
Оставьте же заносчивость петушью!
Я и гроша не дам за вашу вещь,
Но дорого бы дал за вашу душу!
—Как,—завопил я,—душу? Ни за что!
Бессмертная, всегда одна и та же,
Не подлежит покупке и продаже!
Душа не вещь, не шляпа, не пальто!...
Редактор вздрогнул и подпрыгнул даже, —
Размахивает пачками газет,
Которые про вежливость кричат нам,
Потом в негодование беспощадном
Выпаливает: — К дьяволу! В клозет! —
Не брезгует словечком непечатным
И рвет на части рукопись мою...

Но где же он? Куда бесследно выбыл?
Кто почву из-под нашей встречи выбил?
...Я под дождем на улице стою.
Ночь. Непогода. Неизвестность. Гибель.

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Вечный город лежал предо мной,
потому что он все-таки выжил,
поднялся над бедой и войной
и поэту в вечные вышел.

Вечный город... Он стал навсегда
тем свидетельством истинной славы,
что дают результаты труда
и сливье земля и державы.

С высоты благородной горы
я увидел немало диких —
россыпь кровель и отблеск Куры
и подумал: О как ты духовен!

Польхали рекламы кино,
радиола истошно визжала.
Но духовность твоя, как клеймо,
на челе у земли возлежала.

И венчая тревоги свои,
завершением великолепия
возвышалась фигура судьбы,
как полторатысячелетье.

И сверкали округлости плеч
в полумраке вечернего часа,
и рука, поднимавшая меч,
и рука, предлагавшая чашу.

ЗАПОВЕДЬ

Надо мужество иметь,
чтобы золото тревоги
в сутолоке и мороке
не разменивать на медь.

Надо мужество иметь
не ссылаться на эпоху,

* * *

Мы жители равнин, и потому
мы любим бесконечные просторы,
разбитые дороги, косогоры,
и не понять за что и почему.

Вы — уроженцы гор, и потому
вам дороги вершины снеговые,

чтобы божеское богу —
вырвать, выкроить суметь.

Надо мужество иметь,
чтобы прочно раздвоиться,
но при этом сохраниться —
выжить, а не умереть.

где города, как гнезда родовые,
сияющие в голубом дыму.

Мы жители земли, и потому
мы любим эти горы и равнины,
мы красотой родной земли ранимы —
на Алазани или на Дону...

* * *

Не то, чтобы жизнь надоела,
не то, чтоб устал от нее,
но жалко прекрасное тело,
веселое тело свое,
которое плакало, пело,
дышало, как в поле трава,
и делало все, что хотело,
и не понимало слова.
Любило до стога, до всхлипа,
до тяжести в сильной руке,

плескаться, как белая рыба
в глубокой холодной реке.
Любило простор и движенье —
да что там! Не вспомнить всего...
И смех, и озноб, и лишенье —
все было во власти его,
усталость и сладкая жажда,
и ветер, и снег, и зима...
А душу нисколько не жалко —
во всем виновата сама.

Борис ШАТБЕРАШВИЛИ

Эхо войны

РАССКАЗ

Захарий Назгаидзе — капитан сейнера «Быстрый» — относился к морю со смешанным чувством восхищения и опасливой настороженности. Этот уже пожилой, внешне суровый человек, с лицом, опаленным ветрами всех широт, повидал в жизни многое и хорошо знал, сколь неожиданны и опасны причуды стихии.

Обычно молчаливый и немногословный, Назгаидзе порой сам заводил беседу о море. Он говорил о нем так, словно море было живым, разумным существом.

— Море, как и иного человека, можно любить, но трудно понять, — убеждал Захарий. — У него не одно, а тысяча лиц. Каким из них оно к тебе обернется, заранее не угадаешь. От него всегда можно ждать и радость, и горе. Шутки с морем опасны.

Постоянно помня об этом, Назгаидзе к выходу на промысел готовился по-хозяйски, обстоятельно, не упуская ни одной детали, какой бы незначительной она ни казалась.

«Быстрый» был, как говорится, всегда на ходу. Небольшой по размерам, он отличался той, на первый взгляд, незаметной завершенностью форм, которая присуща всякому отлично построенному кораблю.

Конечно, скоростью он не мог тягаться с морским охотником или пассажирским лайнером. Но среди своих собратьев-сейнеров он был самым быстрходным. Ни один из

них не шел к месту промысла так легко и споро, не был так удачлив в ловле и ни один так стойко не выдерживал натиска волн, как «Быстрый».

На сейнере подобралась небольшая дружная команда из людей разных возрастов и национальностей, но одинаково любящих свой нелегкий, полный опасности и романтики труд.

«Быстрый» был предметом их неподдельной гордости. Когда мимо проходил какой-нибудь морской красавец-гигант, перед которым их сейнер выглядел просто букашкой, они смотрели на соперника с вызовом и амбицией.

Команда сейнера выходила в море уже не один десяток раз. Но несмотря на это, каждый выход на промысел ожидали здесь с радостью — так, будто он должен был принести с собой что-то новое. Всех волновала предстоящая встреча с родным морем, азартный рыбацкий труд, борьба со стихией, в которой так остро ощущаешь помощь твердой руки товарища...

* * *

Осенняя путина была в полном разгаре. Десятки судов с самого раннего утра и до вечера вели лов ставриды. Люди забыли об отдыхе.

Когда «Быстрый» собрался покинуть пристань, утро еще не наступило. Полусонное море тускло поблескивало в рассветной дымке, словно не в силах освободиться от ночной дремоты.

Рассвет успел позолотить лишь вершины прибрежных гор. Все замерло, умолкло в ожидании нового дня. И только с «Быстрого» неслась песня. В ней слышалась и грусть расставания с землей, и ожидание встречи с мятежной стихией:

Раскинулось море широко,
Лишь волны бушуют вдали...
Товарищ, мы едем далеко,
Далеко от нашей земли.

Это молодым, сильным голосом пел матрос Антон Гекушев.

Куда бы ни закинула Антона беспокойная промысловая жизнь — в холодные воды Атлантики или под палашее солнце Африки, — любимая песня всегда была с ним. И теперь, на «Быстром», он будит ею тишину осеннего утра.

Чем больше углублялся сейнер в море, тем шире разливался день, пока наконец не заключил в свои объятия весь неоглядный простор. В блеске утренней зари, отражая перламутровые облака, спокойно лежало море.

И вдруг его поверхность стала похожа на сказочное одеяние, украшенное драгоценными сверкающими камнями. Это лучи солнца, отраженные водной рябью, зажглись мириадами искрящихся, сияющих бликов.

Назгаидзе больше всего любил те безмятежные часы, когда сейнер двигался к месту лова. Беспокойные дневные хлопоты еще не успевали захлестнуть его, и он всем своим существом ощущал прелесть и красоту стихии. Ему казалось, что он находится один на один с морем.

И в эти минуты к нему приходили воспоминания.

Из-за вереницы лет снова выплывали суровые и грозные события войны, разыгравшиеся там, где сейчас проходит «Быстрый». Назгаидзе был их участником. Он вспоминает погибших товарищей, и ему кажется, что в плеске волн, в шепоте ветра он слышит их имена. Вос-

поминания рождают в Назгаидзе какое-то грустное и в то же время светлое чувство. Но предаваться воспоминаниям некогда.

«Быстрый» достиг заданного квадрата. Наступают горячие минуты лова. Постепенно подходят и другие суда. Рассеявшиеся в море, они кажутся одиночными точками, заблудившимися в безбрежном водном просторе.

День выдался удачный и напряженный. Спущенный в прозрачную зеленоватую глубину трал быстро наполнялся крупной ставридой. Вот он вытянут на поверхность. В капроновой сети, как живая радуга, трепещут, блестя чешуей, сотни рыб. Проходит немного времени, и трал опять скрывается в волнах и снова доставляет на борт ошалевшую от яркого света крупную ставриду.

Кругом стоит тот чуть сладковатый аромат, в котором запах моря смешан с запахом свежей рыбы.

Незаметно бежит время. Люди работают дружно и увлеченно. В них будто переселилась частичка сияющего солнца и моря, счастливо смеющегося в его лучах. И людям от всего этого становится легко и весело.

— Эх, море Черное, родное, сколько же ты припасло для нас рыбы. Всю ее и за сто лет не выловить, — говорит Шалва Туркия — широкоплечий мужчина лет тридцати с живым, открытым лицом.

— Наш «Быстрый» — любимец моря. Поэтому оно и щедро так, — шутит в ответ Антон Гекушев.

— Попасть бы когда-нибудь в Индийский океан или в Атлантику. Вот где, говорят, интересно, — задумчиво произносит восемнадцатилетний Вахтаг Чануквадзе, мечтающий о далеких странах и приключениях.

— Конечно, сынок, интересно, — прерывает его пожилой Лазишвили, — да только не на таком сейнере там вести лов. Раз как-то, в Красном море, к нам в трал попал ше-

стиметровый морской черт — на «Быстром» он и не уместился бы.

...Разговор то умолкает, то вновь возникает. Он не мешает лову, который идет налаженно и споро.

Между тем море, казавшееся с утра таким пустынным, оживилось. Над сейнером закружились чайки, привлеченные легкой добычей. Они то и дело стремительно припадают к воде, а затем с пронзительным, надрывным криком взмывают в воздух. Некоторые из птиц ведут с волнами азартную игру — кувыркаются в их пене и бьют по ним белоснежными крыльями...

Откуда-то появилась стая дельфинов, ведущих свой волшебный хоровод. Они резвятся, словно шаловливые дети, не знающие, как излить перед взрослыми свою радость.

Море, согретое лучами осеннего солнца, дышит глубоко и спокойно.

К полудню на «Быстром» уже был выполнен план улова. Почти до отказа пруженный ставридой сейнер осел в воде. Сейчас он напоминал работника, хорошо справившегося с делом и готового, не торопясь, возвратиться домой.

Отдавая в последний раз команду поднять трал, Назгаидзе думал о том, что улов был на редкость богатый и что «Быстрый», как всегда, не подвел.

* * *

Трал почему-то шел наверх медленнее обычного, а стрела подъемника несколько раз как-то странно вздрагивала, как будто охваченная непривычным напряжением.

Постепенно метр за метром выбиралась из глубины прочная капроновая сеть. Сильные, мускулистые руки людей готовы были подхватить ее.

Наконец из зеленоватой мглы стало всплывать «нечто», опутанное капроновой паутиной. Искаженное преломленным в воде светом, оно было похоже на какой-то расплывчатый, бесформенный шар. Люди в недоумении и некоторой тревоге

смотрели на неведомого гостя из бездны.

— Вот и нам подбросило море «черта». Только у него что-то рогов не видать, — попытался пошутить Гекушев. Но шутка осталась незамеченной.

Прошло еще несколько мгновений. И «нечто» приобрело ясные очертания. Оно было страшнее любого морского чудовища, созданного фантазией человека. Это была мина. Грязновато-коричневого цвета, покрытая илом и ржавчиной, она зловеще покачивалась на воде. Страшные рога-взрыватели угрожающе торчали во все стороны.

На сейнере не каждый представлял себе смертельную опасность, быть может, даже безнадежность создавшегося положения. Это было вполне естественно. Откуда могли знать молодые, не видавшие войны моряки, что представляет собой мина, много лет пролежавшая в воде.

Они рассматривали ее с изумлением и затаенной опаской. Мина для некоторых была почти такой же диковинкой, как, скажем, упавший с неба метеорит. Но совсем иначе воспринимал обстановку Назгаидзе. Он знал: проржавевшая за долгие годы мина — самое страшное, что можно встретить на море. Такая мина способна взорваться не только от малейшего прикосновения, но даже и от резкого колебания воздуха.

Мысль его работала в эти минуты необычно четко и спокойно. Первое, о чем подумал капитан, — это о необходимости спасти людей, увести их от пляшущей на волнах смерти.

Не поднимая голоса, но вместе с тем властно и внушительно, капитан произнес:

— Судно в опасности. Немедленно спустить шлюпку с противоположного к мине борта и всем покинуть сейнер. Туркия остаться на месте и радировать на базу о случившемся.

С болью и тревогой оставляли

люди любимый корабль. Каждому казалось, что он бросает на произвол судьбы друга, попавшего в беду. Кто-то громко и недовольно произнес:

— Зачем так спешить и поднимать панику?

Но его повелительно и резко прервал Назгаидзе:

— Рассуждать и спорить будем после. Приказ выполнить всем, и немедленно!

Шлюпка отошла от «Быстрого». Все дальше и дальше удалялась она от сейнера.

Слегка покачиваясь на волнах, «Быстрый» одиноко стоял в бескрайнем просторе, накрепко соединенный тралом с плавучей смертью. Вокруг снова была тишина и спокойствие. Даже чайки, и те, будто почувствовав неладное, разлетелись куда-то. Исчезли и дельфины. И лишь по-прежнему ласково и щедро светило солнце, безмятежно и неторопливо проплывали в голубой вышине редкие облака.

Казалось невероятным, что где-то рядом притаилась смертельная опасность.

* * *

На сейнере остались двое. Исход выпавшего им испытания зависел только от их выдержки и мужества.

Туркия впервые видел угрозу гибели в такой реальной близости от себя. Он никогда не боялся глянуть в лицо смерти. Но он не мог предположить, что это произойдет в совершенно спокойный, мирный день, при таких до нелепости обычных обстоятельствах.

Он не был в состоянии так быстро и ясно оценить обстановку, как Назгаидзе, и, быть может, поэтому несколько растерялся вначале. Испытанное им чувство пока что не было страхом, а именно растерянностью, из которой рождается страх.

Капитан понимал состояние товарища в эти мгновения. Он хорошо знал, что сейчас страх может превратить человека в беспомощное существо, слепо ожидающее смер-

ти. Туркия надо было подбодрить, дать почувствовать свою власть над обстоятельствами.

— Не робей, Шалва. Мы сильнее этой чертовой штуки. Ее надо одолеть и спасти «Быстрый», — уверенно, промком произнес Назгаидзе.

Как объяснить волшебную силу слова? Порой одна лишь фраза способна окрылить человека, вернуть веру обреченному на смерть. Нечто подобное произошло и сейчас. Мужество капитана передалось Туркия, он воспрял духом.

...Двое на сейнере знали, что им прозит. Но ни один не подумал о возможности спастись, покинув судно. Оно для них стало боевым судном, бросить который равносильно позорному бегству.

Оба помнили только о том, что надо сохранить «Быстрый». Сама мысль о возможности его гибели была для них неприемлема и дика. Им казалось, будто корабль верит людям и просит о помощи.

Назгаидзе и Туркия бессильны были выручить сейнер. Они могли лишь какое-то время, пока не подоспеет помощь, удерживать мину от смертельного столкновения с судном.

— Шалва, я буду удерживать трал, а ты еще раз сообщи на базу о нашей беде, — сказал Назгаидзе.

Но судьба, видимо, решила до конца испытать волю и мужество людей. Радио не работало. Оба поняли, что если первое сообщение не дошло до базы, то о случившемся узнают лишь от тех, кто ушел на шлюпке. А это будет не скоро.

Двое на сейнере знали, что помощи, возможно, придется ждать не один час и что ожидание будет похожим на отчаянную игру со смертью.

А пока им предстояло самим справляться с дьявольским шаром, казалось, одушевленным одним желанием — прильнуть к сейнеру.

Подул свежий ветер, и на море поднялись легкие волны, которых обычно так радостно встречал «Бы-

стрый». Но сейчас они осложнили и без того тяжелое положение и стали опаснее, чем валы ураганного шторма. Подбрасываемая волнами мина, словно подчиняясь чьей-то злой воле, тянулась к судну, стараясь прикоснуться к нему своими уродливыми, бугристыми отростками. Достаточно было одного прикосновения и «Быстрый» взлетел бы на воздух.

Двое вели поединок с бесстрастным и неотвратимым, как рок, преследующим их адским шаром, начиненным сотнями килограммов взрывчатки. Они напрягали все свои силы для того, чтобы, регулируя натяжение трала, удерживать мину в нескольких метрах от сейнера. У них было лишь одно желание — выдержать, одолеть вынырнувшее из морской пучины чудовище.

Откуда-то издалека приходили мысли, обрывки давно пережитых событий, неожиданно исчезали и вновь появлялись, образуя причудливый и беспорядочный калейдоскоп воспоминаний.

Назгаидзе почему-то отчетливо представил себе страшную переправу через Керченский пролив... Несколько барж, до отказа заполненных ранеными, медленно ползут по водам пролива. А навстречу, гонимые течением из Азовского моря, плывут такие же, как и эта, круглые стальные мины — словно стая хищных волков.

На неуклюжих перегруженных баржах могут лишь молча наблюдать, как надвигается неизбежное, и надеяться на милость судьбы. Вот к одной из них вплотную приблизилась мина. Легкий удар, взрыв, — и развороченная баржа, медленно оседая, оплывает в воду, увлекая за собой сотню людей...

И сейчас, борясь за свое судно, Назгаидзе чувствовал себя так, будто перед ним снова находился враг, которого он видел два десятка лет назад.

Мина была ожившей тенью, осколком войны, несущим с собой ги-

бель. Долгие годы таилась она где-то на дне и вот поднялась из небытия, чтобы сеять смерть. Мысль об этом вызвала у Назгаидзе не только злость и ярость, но и непоколебимую готовность до конца отстаивать жизнь и добиться победы.

Уже несколько часов идет молчаливое сражение. Руки людей, беспрерывно подтягивающие и отпускающие мокрую капроновую веревку, стертые в кровь. Веревка обжигает, как раскаленный металл. В напряженном теле разлилась острая, разламывающая боль. Но не она мучительна — моряков изводит эта безмолвная игра на нервах, это ежесекундное, жуткое ожидание взрыва.

А море по-прежнему спокойно плещет волной, будто желая оставаться равнодушным свидетелем драматического хода событий. Но если бы оно и разбушевалось, то и тогда двое отважных не дрогнули бы, не отступили.

Осенний день подходил к концу. Вокруг повисла та удивительная, глубокая тишина, которая бывает только в открытом море в светлые предвечерние часы. Назгаидзе и Туркия уже с тревогой подумывали о том, что их ждет с наступлением тьмы, когда неожиданно тишину нарушили звуки моторов. Это спешили на помощь военные суда.

Вскоре одно из них приблизилось к «Быстрому». С его борта кричали:

— Продержитесь еще немного, орлы! Сейчас мы вас вызволим!

От корабля отвалила шлюпка с шестью моряками. Двое из них вскоре оказались на сейнере. Проворные руки подхватили натянутый как струна капроновый конец трала, который уже не в состоянии были удерживать обессиленные Назгаидзе и Туркия. Те, что остались в шлюпке, приблизились к мине. Старший команды, внимательно осмотрев ее опытным глазом, заключил:

— Обезвредить мину невозмож-

но. Она взорвется при первом прикосновении к детонаторам. Мину надо уничтожить.

Но сделать это было, возможно, не легче, чем в течение нескольких часов удерживать трал. С осторожностью и точностью, достойной ювелиров, матросы прикрепили к мине поплавки, которые не позволили бы ей снова уйти в глубину.

Прошло еще немного времени, и капроновый конец трала был перерезан. Сейнер, словно почувствовав освобождение, легко и свободно качался на волнах. А мина, удерживаемая поплавками, лениво колыхалась на поверхности воды. От нее на добрую сотню метров тянулся прочный канат, закрепленный на шлюпке. Медленно и тихо шлюпка двинулась вперед, в открытое море, увлекая за собой страшную добычу. Отойдя от «Быстрого» метров на шестьсот, моряки наконец закончили рискованную операцию. Вскоре они вернулись на корабль — такие спокойные, будто их жизнь только что не висела на волоске и как будто вообще ничего особенно-

го не произошло. Матросы весело переговаривались:

— Теперь пусть себе взрывается на здоровье.

— Сейчас ей в этом помогут.

...Наступал финал необычного происшествия. На корабле прозвучала боевая тревога. Сделав легкий маневр, он развернулся бортом к плававшей вдали мине. Раздалась команда расстрелять мину орудийным огнем.

Звук залпа слился с глухим грохотом взрыва, прозвучавшим над спокойным морем, как эхо войны. Когда спустился гигантский фонтан вспененной воды, там, где только что чернел уродливый металлический шар, уже ничего не было. Волны по-прежнему продолжали извечный, неутомимый бег. Казалось, они с радостью приветствуют «Быстрых».

Капитан Назгаидзе, внимательно осматривая сейнер, с радостью думал о том, что скоро снова предстоит выход в море, и о том, как прекрасна жизнь, побеждающая смерть.

Хроника

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕМИЯ — А. БАНДЗЕЛАДЗЕ

На открывшейся в июне этого года в Чехословакии, в городе Брно Международной выставке искусства книги среди работ 23 советских художников были представлены и работы грузинского художника А. Л. Бандзеладзе, которому, наряду с другими советскими художниками — Т. А. Мавриной, В. М. Басовым, Л. С. Хижинским и А. Л. Капаном — за иллюстрации и оформление книги «Песнь об Арсене» Международным жюри присуждена премия, посвященная дружбе между народами.

Амиран АБШИЛАВА

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

Триста апрелей знала ворона.
Триста июней ворон встречал.
Жизнь человека — вроде паромы:
только отчалишь — глядь, и причал.
День, удаляясь, движется к пашням —
может быть, вторник,
может, среда —
станет вчерашним, позавчерашним,
только вот завтрашним —
никогда...
Черта ли в грусти, как говорится.
Грянем во здравье майской грозы!
Шепчутся листья.
Пенится Рица.
Цокнут копытца горной козы.

Да не смолкают
в травах и листьях
игры детишек, щебет птенцов.
Да не умолкнут
в поисках истины
голос поэтов, глас мудрецов.
Память погибших — храбрых и честных!
Кровь их — победы нашей цена.
Да не угаснут, да не исчезнут,
да не сотрутся их имена!
Так за здоровье
солнца живого,
неповторимой нашей весны!
Теплое небо! Теплое слово!
Жаркая песня — из глубины!

Перевод с грузинского Ю. Ряшенцева

* * *

Глаза твои горят,
как у зверька...
Как эта ночь сладка
и как горька!
Нет пламени уже,
а лишь зола,
и смотрит в окна
трезвая заря.
И волосы,
растрепанные мной,
лениво гладит
ветерок хмельной...
Я ухожу!
Напрасно слезы льешь.
Вновь повторится с кем-то эта ложь,

и будет пламя,
а потом зола,
и взглянет в окна
трезвая заря,
скользнет все тот же ветерок хмельной
по волосам,
растрепанным не мной...
Я ухожу!
Все слезы твои зря.
Ой, как застала ты меня,
заря!
Я ухожу
без боли и стыда,
а то, что поздно, —
это не беда.

* * *

Все гуще тучи,
в небе беспросветно.
Вот-вот гроза.
Кружится голова.
Ко мне подкрался кто-то незаметно,
нашептывая черные слова.
Его слова черны, как эти тучи...
А тучи
все летят,
летят,
летят...

Но и его слова,
и эти тучи —
чего они,
проклятые,
хотят?
Пусть давят тучи тяжкие на крыши, —
я верю солнцу
и его лучу,
а слов тоскливых не хочу я слышать,
и туч —
и туч я видеть не хочу.

Перевод с грузинского Евг. Евтушенко

ДОЖДЬ

Расплывчаты зданий глыбы,
В них контуры скал ищу я:
Машины плывут, как рыбы,
Глаза близоруко щура.

А неба клочки повисли
На скальпелях матч высоких,
И тонут мечты и мысли
В сплошном дождевом потоке.

Дымок голубой слоица
И жметя к блестящей крыше,
И кажется (или снится?),
Что город вода колышет.

Ты видишь, как он линияет?
Ты музыку ливня слышишь?
Мягко тона меняя,
Стелется дым по крыше.

МОРЕ

Волны приняли тело белое,
Истомленное солнцем жарким,
И привычное дело делаю,
Преподносят тебе подарки.

Мягких водорослей прохладою
Море нежно тебя ласкает,
И, как некогда над Элладою,
Златорунный мираж мерцает.

Паруса вырастают лестницей.
Узнаешь ли их цвет и запах?
Возбужденные неизвестностью,
Аргонавты спешат на запад.

Солнце волнами убаюкано,
Но проснулся бродяга ветер,
И глядишь ты на дно уютное,
Где погасшие звезды светят.

Коба ИМЕДАШВИЛИ

Размышления о прозе Нодара Думбадзе

Начну с общеизвестной истины — стали близки и понятны не только без смеха нет человека, и без него, без смеха, многие слова и поступки оказались бы лишены смысла и красоты.

Мне хочется припомнить сейчас хорошие образцы по-настоящему хорошей грузинской советской юмористической прозы и, откровенно говоря, я затрудняюсь. Был «Бата Кекия» Демны Шенгелая, еще раньше был Давид Клдიაшвили... Но наша сегодняшняя действительность? Неужели мы разучились смеяться? А может, возник своеобразный вакуум смеха? Возможно. Во всяком случае в грузинской прозе этот вакуум был очень ощутим, она была слишком серьезной.

Я не могу начать здесь с фразы, которая напрашивается сама собой: «И вот пришел Нодар Думбадзе, и вакуум заполнился». Не могу прежде всего потому, что вакуум не заполнялся, да и Нодар Думбадзе в подобном возвышении не нуждается. Но факт несомненен: тот, кто хоть однажды прочитал «Я, бабушка, Ильяко и Илларион», испытывает потребность перечитать книгу во второй и в третий раз. Не меньшую популярность завоевал роман «Я вижу солнце», только что напечатан еще один роман — «Солнечная ночь». Затем их стали переделывать в пьесы, потом в сценарии, вышел на экран один фильм, за ним последовал другой...

Сказать нужное слово где надо и когда надо — это талант, а не везение. И Нодар Думбадзе обладает этим даром. Но что самое главное — у него талант юмориста. И притом он любит человека. Уважает его и всегда внимателен к его болям и горестям — что удивляться после всего этого ответной любовью читателя к нему.

Я не представляю себе такого человека в Грузии, который бы не догадался, что Ильяко и Илларион — гурийцы, — это слышно в каждом их слове, проявляется в каждом поступке. Но несмотря на такую этнографичность, они

стали близки и понятны не только грузинам, и даже не только читателям нашей страны. Совсем недавно «Бабушка...» покорила Лондон, хотя, впрочем, совсем не удивительно, что безвременно скончавшийся песик Мурада оказался знакомым и понятным соотечественникам Джерома К. Джерома.

Дело в том, что Нодар Думбадзе в каждом своем произведении повествует о таких общечеловеческих чувствах, которые не могут не найти отклик в душе каждого.

Личность писателя непременно проявляется в созданном им творении, хотя порой весьма завуалированно. О романах Нодара Думбадзе можно сказать, что они точный слепок с его характера. Пройдя немало бед и испытаний, писатель все же остался в высшей степени добрым человеком, не утратившим чувства юмора и потребности пользоваться им в жизни. Скорее всего именно эти черты и помогли ему преодолеть много препятствий. И потому его произведения не могут не принести читателю душевного удовлетворения, снимая с его плеч груз повседневных забот и неурадиц, делая его более добрым и добродушным, терпимым и терпеливым. Если верны слова Поля Элюара о том, что «поэтом является тот, кто вдохновляет, а не тот, кто вдохновлен», то следует признать Нодара Думбадзе поэтом истинным и несомненным. Это, конечно, в переносном смысле. Но он и в самом прямом, действительном смысле слова является поэтом, и читатели были знакомы с его поэзией задолго до того, как он перешел на прозу. Хотя следует отметить, что уже в стихах можно было проследить отдаленные контуры его прозы. Вспоминаются мне, например, озорные строки из детского стихотворения, напечатанного Нодаром Думбадзе в университетском литературном альманахе «Пирвели схиви» («Первый луч»):

И не стыдно, поросята,
Вам вести себя по-свински...

Это матушка-свинья наставляет свое непослушное потомство. В дальнейшем подобная словесная игра станет характерной и для его прозы.

Сейчас, когда я думаю о герое Нодара Думбадзе, то прежде всего имею в виду одно качество этого героя, вернее — одну определяющую сторону его характера, — он хочет быть одинаково хорош со всеми, ко всем добр и справедлив, он хочет, чтобы его все любили и он любил всех. Можно сказать, что он стремится в отношениях с людьми к гармонии. Если воспользоваться словами Харпер Ли, то «чтобы жить в мире с людьми, я прежде всего должен жить в мире с самим собой». У человека есть совесть, и эта совесть должна быть чиста.

И вот мы становимся свидетелями и очевидцами рождения человека, его формирования. Ни у Зурикелы, ни у Со-сойи, ни у Темури нет родителей. Они то и дело оказываются лицом к лицу с трудностями, судьбой уготовлено каждому из них много бед и мало радостей. Но жизнь не сумела озлобить и ожесточить их, и это потому, что на свете существовали бабушка и тетя, Илико и Иларшон, Артаваз и дядюшка Забило, Мери, Хатия, Лия и многие, многие другие... В противовес утверждению Сартра, человек не решает свою судьбу в полном одиночестве. И герой Нодара Думбадзе не оставался в одиночестве перед свалившимся на него горем, его судьба ковалась не в безлюдной пустыне! Правда, там же, рядом со всеми этими добрыми людьми, жили еще Абибо и бригадир Датико, но ведь добро гораздо могущественнее зла, потому что оно несет радость и мир, и если ты сумеешь побороть в себе, преодолеть какое-то злое пополозновение, то это такая большая победа и такая большая сила, что перед ней исчезает без следа все коварство Абибо.

Темури Барамидзе твердо решает убить Абибо Тодрия. Ведь Абибо повинен и в трагической гибели его отца и матери, и в аресте его друга Рамаза Корсавели. Темури точно знает, что Абибо хладнокровный и жестокий циник, бездушный карьерист и службист. И именно потому Темури выносит окончательный приговор — он должен его убить. И вот он оказывается с глазу на глаз с Абибо, который валяется в подъезде, почти испуская дух:

«Это я, Смерть, стою у него над головой, и я убью его, чтобы он не умер своей смертью. И Абибо должен знать об этом. У меня дрожали руки, во рту пересохло, тысячи молоточков стучали в висках и требовали: «Убей, убей, убей его! Это ты, его Смерть, и он должен знать об этом...»

— Абибо! — произнес я таким изме-

нившимся голосом, что мне самому стало страшно.

Абибо открыл глаза и бессмысленно уставился на меня.

— Это я, Абибо, — сказал я.

— Спаси меня! — попросил он.

И Темури Барамидзе, приговоривший Абибо Тодрия к смертной казни, которую сам же и должен был привести в исполнение, оказался обезоруженным, услышав эти слова. «Спаси меня!» — это просит человек, и другой человек не имеет права отказать ему. Мгновенно исчезает куда-то чувство отмщения, жажда крови. Человек нуждается в другом человеке, — этот великий жизненный закон оказывается более могущественным, чем все иное. И в Темури Барамидзе побеждает большая человечность. Он оказывает помощь умирающему и благодаря этому спасается сам.

«Утром пришел врач. Абибо снова задремал, и я поднялся к себе. Я чувствовал во всем теле какую-то слабость, а, может, это было ощущение легкости?... Что-то большое и тяжелое, невыносимо тяжелое оставил я вчерашней ночью в комнате Абибо, или, просто позабыл, а то даже и потерял. И взамен душу мою наполнило нечто поразительно чистое, прозрачное, легкое и теплое».

Возвышенность и благородство одного человека вызывают ответную реакцию в другом, пробуждают в нем чистоту. Так произошло и с Абибо. Он оказался побежденным, поверженным великодушием Темури. Слезы в его глазах — это знак победы Темури.

Физическое возмездие не может произойти путем искоренения зла в человеческом сердце. Зло замкнуто в своих рамках, добро же — не ограничено и безгранично.

Мне кажется, что вообще одной из характерных черт писателя является помимо всего прочего и то, что он по-своему оценивает поступки людей.

Есть в «Я вижу солнце» один персонаж — бригадир Датико — трусливый обыватель. Боязнь за собственную шкуру приводит его к дезертирству. Датико скрывается в лесу, превратившись, по его собственным словам, в «политического разбойника» и дожидаясь в своем укрытии победы оккупантов, чтобы вновь — но уже победителем — вернуться к односельчанам. Но от прежних благородных «разбойников», убежавших в леса, чтобы бороться с царскими чиновниками и местными эксплуататорами, не осталось ни романтики, ни благородства. Оборванный и голодный, он стал для всех чужим и ненужным, ни одна дверь в родной деревне не открывается перед ним. В конце романа он спасает тонущую Хатию, слепую девушку, любимцу всех односельчан. Самый ненавидимый селом человек спасает от смерти самого любимого, самого близко-

го для всех человека. Как будто настало для Датиго время искупления и прощения, но приговор народа суров и непреклонен:

«Датиго вышел на середину круга и остановился. Искудавший, небритый, с налитыми кровью глазами, в драной, висевшей лохмотьями одежде. Он оглядел всех кругом. Потом стал лопотать взгляд каждого в отдельности, но все, на ком останавливался его взор, все отступало назад, в толпу, неловко пожимаясь, опускали голову. Датиго ждал, когда раздастся голос народа, но вся деревня безмолвствовала, как могила, и я испугался этого безмолвия так же, как я испугался его в тот день, когда началась война».

Народ отторг его от себя, пожалев для изменника даже пулю. Люди молча, поодиночке выходили из круга, и посреди поляны остался одинокий, обратившийся в мольбу, в отчаянии повергнутый на землю Датиго. Он молил всех: «Скажи-те же хоть слово!», «Арестуйте меня», «Возьмите меня под стражу, я не могу больше!».

«Потом он прикрыл глаза рукой, упал на колени и зарыдал как ребенок. Я смотрел на Датиго и думал, как счастлива была в эту минуту Хатия, которая не видела, как он плакал, как превращался постепенно этот огромный, похожий на гору человек в маленького, величайшей с детский кулачок, беспомощного человека».

Сотрудники милиции и органы государственности и те отвернулись от Датиго, они не арестовали его, нарушив тем самым обычные нормы и законы. Но писатель оправдывает их — у него своя точка зрения на все это.

Вина, преступление оказались осужденными, побежденными в душе Датиго, он был раздавлен тяжестью своей вины, ее осознанием. Народ, без которого он, да и никто другой, не может существовать, изгнал его. И это самое тяжкое наказание. Между прочим, и в «Бахтриони» Важа Пшавела народ также не лишает жизни предателя. Но он не выдерживает одиночества и презрения, окружившего его после того, как все отвернулись от него, и кончает жизнь самоубийством. Хотя рядом с этим примером мы можем вспомнить и слова А. Казбеги, который убежденно провозгласил: «Изменивший братьям — смерти достоин». Тут мы имеем дело с разным решением проблемы преступления и наказания.

Вот так понимает Нодар Думбадзе вопросы добра и зла, и в результате возникает подлинный гуманизм, человеколюбие героя, убежденного в том, что только возвысившись сам, он может возвысить другого.

Отчего превратилась слепая девочка

Хатия в сердце и совесть всего села? Причина этого в том, что беда не сточила ее, не лишила способности видеть свет и солнце. Хатия думает, заботится обо всех, делит со всеми горе и радость. Она сильна потому, что чиста ее совесть, она всегда права перед другими, потому что она права перед собой.

Нодар Думбадзе связан своей биографией с тем поколением, чье детство совпало с трагедией тридцать седьмого года и с Отечественной войной. Это поколение многое повидало и многое пережило. Н. Думбадзе в романах «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце» и «Солнечная ночь» повествует нам именно об этом поколении. Все эти произведения в значительной степени можно считать автобиографическими. И поэтому нет ничего удивительного в том, что в подборе тем, постановке проблем и их освещении Н. Думбадзе выражает мысли и настроения своего поколения, хотя никогда не теряет своей индивидуальности. Приведем один пример: по своим тематическим характеристикам очень близки друг к другу романы Нодара Думбадзе «Я вижу солнце» и Отия Иоселиани «Звездопад». Оба они отражают жизнь грузинской деревни в годы Отечественной войны, оба рисуют процесс возмужания в этих условиях маленького мальчика, познание им жизни, формирование характера. Хотя сходство тут заходит еще дальше — в обоих произведениях юноши влюблены в своих сверстниц, но в жизнь обоих вмешиваются женщины, потерявшие мужей на фронте. Как видим, схемы в том и другом случае одинаковы. Различно разрешение этих схем.

Героя Нодара Думбадзе война так и не смогла ожесточить, озлобить, он сумел преодолеть искушение и подчинить сознанию свои инстинкты.

Герой же Отия Иоселиани оказался побежденным, превратившись в невольного носителя и распространителя зла. Он опорочил чужую семью и стал повинен в смерти человека. Он не смог преодолеть низменные инстинкты и в борьбе с порочными страстями потерпел поражение.

Разумеется, видение мира, оценка событий у Нодара Думбадзе совершенно своеобразны, как необычны и не похожи на других его герои, как своеобразно его отношение к добру и злу, но не следует забывать, что все это донесено до нас благодаря смеху, что до смеха, предшествующего слезам, мы видели боль, предшествующую слезам.

Можно подумать, что «Бабушка...» — это просто приятное чтение, где автор

тепло и непосредственно рассказывает нам о добрых и злых людях, посмеивается над их слабостями и хитростями, любитесь сообразительностью и остроумием и заставляет нас смеяться вместе с ним. Здесь словно бы нет и какой-либо актуальной проблемы, выдвинутой на первый план, но давайте приглядимся повнимательнее к главам: «Общее собрание», «Полевой сторож», «Поезд», и мы увидим, как точно увидены и обнажены там некоторые отрицательные стороны нашей жизни.

Здесь же, в «Бабушке...», можно, пожалуй, увидеть порой и налет мелодраматизма, а иногда даже чувствительности и чрезмерной слащавости, но при этом не следует забывать, что «Я, бабушка, Илико и Илларион» был первым романом писателя, а может быть — и вообще первым юмористическим романом в грузинской литературе.

Кого мы могли бы считать предшественником Нодара Думбадзе? Пожалуй, никого. С точки зрения вербального, словесного комизма можно назвать Поликарпа Какабадзе, но в этом случае перед нами произведение драматургические, а не прозаические. А общий их характер скорее сатирический, чем юмористический. Но не следует думать и так, словно до Нодара Думбадзе вообще ничего не было — непосредственным источником его юмора является фольклор: анекдоты, остроумные выражения, народные сценки.

А если углубиться в историю, можно вспомнить и Сулхана-Саба Орбелиани, большого прозаика и юмориста.

«Я, бабушка, Илико и Илларион» — самый смешной из всех трех романов, но при этом в нем еще легко обнаружить такие места, которые нужны писателю исключительно для создания комических ситуаций (например, глава «Клад»). Кстати, Джерому К. Джерому его герои нужны лишь в той мере, в какой он может ставить их в смешные положения. В последовавших за «Бабушкой...» романах писатель уже всегда старается при помощи смеха поведать нам нечто важное и значительное. Юмор для него не остается просто юмором, средством посмеяться самому и рассмешить читателя, и, может быть, поэтому уже во втором романе комических ситуаций сравнительно меньше, в третьем их количество еще уменьшилось, и смех при чтении порождается исключительно вербальным комизмом.

Вот один пример из «Я вижу солнце»:

«Осел в ту пору был в Гурии столь же исключительным явлением, как зарубежный турист в нашей стране до войны».

Это предложение смешно противопоставлением, контрастным, резким и обна-

жающим характерный недостаток нашей жизни, к тому же очень точно, определенным по времени.

Не случайно, в нашей повседневной жизни мы больше всего смеемся над теми остротами или анекдотами, в которых видим правду о нашей жизни, узнаем то или иное событие или человека.

Когда мы говорим о шутке, то вспоминаем невольно о шутках, которые, прикрываясь смехом, говорили царям больше горькой правды, чем на это могли осмелиться другие. И чем «шутливее» бывал шут, тем острее и резче была высказываемая им правда.

Из огромного числа возможных примеров во всех трех романах я выбрал лишь один.

Три романа... Я довольно часто употребляю это словосочетание. Может быть, следовало бы сказать здесь о том, почему я окрестил эти произведения романами, в то время, когда сам автор избегает давать им жанровое определение? Роман как жанр — явление историческое, и в разное время он характеризовался различными качествами. Но по существу он всегда представляет собой выявление характера в тех или иных обстоятельствах. Как говорит Виктор Шкловский, «литературоведение не математика» и его законы содержат достаточно большое количество исключений. Но думаю, не будет слишком далеко от истины, если мы скажем, что одной из основных особенностей современного романа стало описание процесса формирования личности. Главное именно в этом, а не в количестве страниц.

Формирование Зурикелы («Я, бабушка, Илико и Илларион»), Сосой («Я вижу солнце»), Темури («Солнечная ночь»), процесс их превращения в личность, их индивидуализация происходит на наших глазах. Отметим здесь же и бросающееся в глаза сходство всех этих трех героев между собой. Это уже — слабость писателя. Неужели к этим трем близнецам в дальнейшем добавится еще и четвертый? Вообще такое сходство героев различных произведений стало неизлечимой болезнью наших молодых писателей. Дело в том, что пока они интересуются исключительно выражением своего собственного характера. Как бы хорошо ни было с литературной точки зрения это само выражение, следует пытаться избавиться от подобной ограниченности. Иными средствами писатель не сможет достичь разнообразия и многосторонности своего творчества. А Нодар Думбадзе поистине имеет все возможности для создания разнообразных характеров. Достаточно персонажу появиться в книге, как он запоминается каким-то характерным жестом или словом. Таковы, например,

глазной врач («Я, бабушка, Илико и Илларион»), человек в оспинах из Набеглави, Бабило («Я вижу солнце»), Ушани, Давид, Георгий («Солнечная ночь») и другие.

Правда, нелегко распрощаться с удачно найденным героем своих книг, но подобное расставание необходимо, хотя бы в интересах самого этого героя.

Между прочим, в третьем романе Нодара Думбадзе «Солнечная ночь» уже видны попытки освободиться от знакомых тем и героев, и хотя Темури, главный герой, еще очень близок к своим «предшественникам» — Зурикеле и Сошойе, но проблемы и темы, нашедшие в нем выражение, уже во многом отличаются от тем и проблем, поставленных в двух предыдущих романах.

В «Солнечной ночи» описываются самые недавние времена — годы с 1949 до 1953. Но писатель здесь внимательно исследует и проблему 1937 года. Вернее, именно эта проблема и породила замысел романа.

Здесь показаны мать и сын, которые стали чужими друг другу, потому что их вынужденная разлука длилась двенадцать лет.

Выведен здесь и человек, который возвращается из ссылки, но сознает, что жизнь для него уже кончена.

Автор знакомит нас здесь с человеком, который с детства остался один, оторвался от людей и который впоследствии вновь возвращается к своим друзьям.

И наконец, здесь описан человек, который боится своих жертв, он не может спать спокойно и прячется от них...

Вот каким был тридцать седьмой...

Мы видим в романе одиночество и страх смерти, ненависть и любовь, осуждение зла и победу добра, восприятие смерти как жизни, спасение человека другим человеком и зарождение человеческого в Маугли.

И все это вмещается в рамки произведения, весьма небольшого по объему, которое писалось на протяжении трех лет. Этот маленький роман заставляет нас то смеяться, то плакать, а иногда ставит непосредственно перед лицом горьких сторон действительности.

Здравствуй, Темури. Это ты восьмью лет от роду остался один, как перст, на всем белом свете, лишившись отца и матери, полностью предоставленный судьбе и тбилиским улицам. И если в твоём классе пропадало что-нибудь, Гурам, твой самый близкий друг, боялся, чтобы ты не оказался похитителем. Если ты пропускал урок, Гурам боялся, что ты вообще не вернешься больше в школу. Когда арестовали за воровство Таверу, Гурам опасался, чтобы и тебя не обвинили в соучастии. Когда вы окончили среднюю школу, он боялся,

что тебе не поступить в вуз. Все эти страхи никогда не оправдывались. Гурам стеснялся признаваться в этом, он ругал себя за неверие в то, что человек и жизнь способны на большее, чем он думал.

Сейчас все это уже позади, но я все же чувствую страх, когда думаю о тех годах, Темури. Разве всегда был Артаваз, разве всегда были в жизни Гулико и Гурами? Кто знает, Темури, сколько Маугли последовали за стаями волков, кто сосчитал, сколько их было... Но ты вернулся к людям, ты победил, и за эту победу я навеки благодарен тебе, Темур Барамидзе.

«Седая женщина привстала, у нее дрожали руки и губы, она удивительно напоминала ту женщину, которая здесь, в этой самой комнате, разбудила меня однажды ночью, двенадцать лет назад, осенила крестом и поцеловала в грудь. Потом двое мужчин увели ее...» «Это была моя мать. Сейчас между нею и мной было всего-навсего три шага. Она шла ко мне медленно, очень медленно, я уже слышал ее дыхание, мне хотелось повернуться и бежать, но... я не мог. Я просто закрыл глаза и ждал того, что произойдет. Потом я почувствовал на своем плече ее голову и услышал тихий шепот:

— Здравствуй, сынок!..

«Здравствуй, сынок». И так непрерывно, долго-долго, бесконечно — «Здравствуй, сынок». Я понял, что она ждала ответа: «Здравствуй, мама» — знал, но не мог сказать этих слов.

— Здравствуйте, уважаемая! — сказал я и заплакал».

Вот так сын, который не видел мать двенадцать лет, не смог сказать: «мама». Потому что он забыл это слово, потому что все эти двенадцать лет «мамы не было нигде, я бывал или совсем один, или всюду и со всеми сразу, но мамы не было нигде».

В тот день Темури увидел на университетском дворе маленького мальчика и девочку. «Девочка уже кончила сажать мальчика в землю и теперь приступила к его поливке». «Он должен подрасти», — сказала девочка Темури. И он, Темур Барамидзе, тоже был вроде этого мальчика, он тоже должен был подрасти. Только одной этой маленькой девочке не под силу принести столько воды, сколько надо, чтобы он вырос. Человеку надо много.

Кто знает, сколько горя и бед испытал Темури за эти двенадцать лет, сколько раз ему нужны были мать и отец, но, кажется, никогда не ощущал он своей утраты горше, чем в ту ночь, когда вернулась его мать. Ведь он так и

говорит Артавазу, ночному сторожу: «Мне нужно было поговорить с кем-нибудь, и вот я пришел к тебе». И Артаваз, простой человек, в буквальном смысле — первый встречный, полностью понимает чувства Темури, совершенно незнакомаго для него, с которым он разговаривал всего несколько минут назад. Позже, наутро, пьяный Артаваз идет на Кукийское кладбище, где находится могила его матери, а Темури возвращается домой, — домой, где его ждут. И он говорит: «Здравствуй, мама!» Однако должно пройти еще время, чтобы в его душе, вновь появилось чувство, без которого человек не может существовать. Но есть ведь еще многое, без чего человек не имеет права именоваться человеком, многое, до чего каждый из нас должен дойти сам, и единственным учителем на этом пути является жизнь. Ибо многое может повидать и пережить на своем веку человек, но при всем этом превратиться в беспутного циника, схожего с Дурсуном, постулат которого: «Нет в мире ничего, ради чего стоит умереть».

Ну а — «любовь, добро, истина, друг, мать...»? До всего этого надо еще дойти, чтобы обрести и суметь сохранить, не то — сколько есть людей с руками и с ногами, и нос у них есть, и глаза, все на своем месте, но все же это не человек. Глядишь на такого — человек, настоящий человек, а познакомишься поближе, — нет, не человек, чего-то ему все же не хватает, и потому остается он животноным на всю свою жизнь».

Вот словно бы посетила Темури и любовь, — его «боль и любовь, носительница любви и боли» — Гулико. Но «вы не знаете, что такое любовь, и долго еще не поймете ее». И действительно, достаточно, чтобы в жизни Темури появилась Лия — неожиданная и внезапная — как Гулико и Темури сразу поняли — то, что было между ними, это еще не любовь.

Мы ближе знакомимся с Гулико, да и сам Темури знает ее несравненно лучше. Знает он и то, за что любит ее. Начнет же Лия мы так и не узнаем почти ничего, кроме того, что она красива. Но Темури любит Лию. За что? Разве поймешь и объяснишь, почему встречаются друг с другом два незнакомых человека и вдруг почувствуют такое влечение, которое невозможно ничем преодолеть? Разве объяснишь, каким законам и правилам подчиняется любовь с первого взгляда?

Так приходит к Темури любовь.

Мужчина становится настоящим мужчиной, когда он полюбит женщину, а любовь становится настоящей любовью, когда она противопоставляется распушенности. Возможно, именно с этой целью и ввел писатель в роман Лиду, человека надтреснутой судьбы, «очень хорошую женщину». Между прочим, этот

же мотив появился еще в предыдущем произведении Нодара Думбадзе «Я вижу солнце». Помните Цуцу, у которой без вести пропал муж («Разве ты, Сосойя, поймешь, что значит для женщины моего возраста остаться одинокой?»), и испуганного, растерявшегося Сосойю? И если в том романе этот эпизод выглядел психологически мотивированным, то в «Солнечной юности» он уже оставляет впечатление искусственности.

Исчезло одиночество (впрочем, разве не посещает оно время от времени каждого и разве наша жизнь не есть постоянное преодоление этого одиночества?), пришла любовь, появилась женщина. Но пока не увидишь смерть, не поймешь и подлинную цену жизни. «Ты думаешь, жизнь — это нескончаемый процесс превращений в кладбищенский сад, и больше ничего! Смешно, видит бог». Смерть смешна, видит бог, но только до того момента, пока она не пройдет вплотную возле тебя, лишь когда ты сам ощутишь ее дыхание, только тогда почувствуешь ее подлинную суть, величественную и ледяную кровь.

И должна была умереть мать Темури, чтобы он познал и преодолел смешанный со смехом страх перед смертью и увидел в самой смерти бессмертие жизни.

«Это я, твой сын, твоя плоть и кровь. В эту полночь стою я между могилами и мне не страшно. Я не боюсь потому, что уже случилось то, чего я боялся больше всего. Это была твоя смерть. И теперь, когда я больше не боюсь смерти, я не боюсь уже и жизни...»

Это я стою перед твоей могилой. Счастливый и несчастный, виноватый и невиновный, слабый и сильный...»

Да, именно так — слабый и сильный. Сильный тем, что уже преодолел, слабый — так как многое ему еще предстоит преодолеть. Еще надо одолеть зло, то потенциальное зло, которое человек прежде всего должен уничтожить в самом себе.

Теймураз Барамидзе, ты «был добр потому, что не знал, что такое зло». Теперь тебе предстоит решить эту задачу, сделать выбор, и посмотрим, какой путь ты изберешь себе в жизни.

Темури готов к вступлению в жизнь. Но каков будет его первый выбор — добро или зло? Именно здесь обнаруживается основное качество его характера — одолеть зло можно только лишь добром.

Быше я попытался показать душевные колебания и большую нравственную победу Темури.

И впрямь, если воспользоваться словами Сулхана-Саба Орбелиани: «Скор и горек конец греха и зла, зато добро и благо неодолимы во веки веков».

Возможно, Зурико и Сосоя многое повидали в жизни, но они все же остановились на пороге юности, не встретив на пути любви, смерти, не вступив в схватку со злом (не представилось случая). Темури Барамидзе испытал все это.

Зурико был добр, так как не знал, что такое зло. Темури же предстоит самостоятельно разобраться в том, что такое добро и зло, понять, где кончается одно и начинается второе.

Зурикела, Сосоя и Темури — близнецы, но между ними та разница, что Теймураз Барамидзе — уже мужчина, познавший мир и самого себя.

Теймураз повзрослел. Он стал человеком.

Теймураз Барамидзе во многом отличается от героя грузинской прозы тридцатых годов. Иной по характеру Арзакан, иной Меки, и совсем не похож на них Теймураз. Свообразны образы Тараша и Арчибальда Мекеша, и совсем не похож на них Теймураз. Различна самая суть их характеров и конструкция, не похожи проблемы, встающие перед ними, и их разрешение. Все это делает их такими далекими друг от друга, что даже трудно найти параллель для их сравнения. Впрочем, одна линия, общая для всех, все же существует: ни для Арзакана, ни для Меки, ни для Тараша и Арчибальда Мекеша не становилась проблемой заповедь: «Не убий» и ни один из них не доходил до покаяния зла великодушным и добрым. Но все же Теймураза можно считать скорее преемником Меки и Арзакана, чем Тараша и Арчибальда Мекеша, поскольку он унаследовал тот жизненный строй, который был завоеван борьбой Меки и Арзакана, именно ему надлежит продолжить начатое ими дело и довести революцию до конца — с той лишь разницей, что ему приходится вести борьбу в сфере морали и этики.

В «Солнечной ночи» есть один художественный образ, который мне кажется новым и значительным для грузинской литературы. Впрочем, отметим здесь же, что несколькими годами раньше образ человека, ставшего жертвой репрессий тридцать седьмого года, попытался дать Арчил Сулакаури в «Возвращения Авеля» и Григол Абашидзе в рассказе «Последняя остановка». Но видно, жанровые рамки рассказа оказались слишком узкими и не смогли вместить многого. Образ матери Теймураза оказался несравненно более многоплановым и полным. Ее характер определяется двумя основными штрихами. Один выражен в словах: «Жизнь моя еще не закончена, дорога же моя уже подошла

к концу». Второй — это неосознанный страх перед всем и перед всеми. Может быть, она даже растерялась впереди жизни? Но нет, она великолепно знает: «Иной человек, совершая зло, убежден, что делает доброе дело...»

Человек силен и могуществен, во каком жалким и беспомощным становится он, сталкиваясь с непонятным и необъяснимым, каким поразительно жалким и беспомощным!

«— Мы погибли, сынок, Сталина разбил паралич, — сказала мать и почти без чувств присела к столу.

— Ты что, не в своем уме? — спросил я и почувствовал, как по телу прошел озноб.

... — Не говори никому, сынок, о болезни Сталина.

— Почему, мама? Об этом, наверно, знает уже весь мир.

— Ты никому не говори, сынок, пусть себе сообщает радио, лишь бы не от тебя узнали об этом?»

Что будет дальше? Что случится, если Темури повторит то, о чем сообщило радио? Где начинается и где кончается право правды? Какова цена правды, и разве у всякой правды одинаковая цена?

«Мне хотелось понять, что переживала сейчас мама, что беспокоило и пугало ее и о чем она плакала, но я не мог понять и, наверно, так и не пойму никогда за всю мою жизнь, не пойму сам и не смогу никому объяснить причину слез этой доброй, маленькой, испуганной и встревоженной седой женщины в страшный для нее день».

Этот день оказался предпоследним днем в жизни этой женщины. Лопнул какой-то сосудик в ее мозгу, но никто не сообщил: паралич разбил седую маленькую женщину в белой рубашке, измученную жизнью и забытую богом.

Теймураз собственными руками вырыл могилу для матери, опустил ее туда и положил на грудь ей большой тяжелый камень.

И никто, почти ни один человек на свете не заметил ее смерти.

Весь тот день и всю ту ночь, потом еще один день и еще одну ночь университет приходил на храм, где собралось бесчисленное количество молящихся, которые, преклонив колени, с надеждой и мольбой обратили полные слез глаза к репродуктору, передававшему каждые два часа сообщения о том, «как закатывалось и гасло солнце».

Два человека закончили свою жизнь в один и тот же день. Два человека, судьбы которых оказались связаны.

Такова параллель, проведенная писателем.

Есть здесь и другая параллель. Намного раньше, вскоре после своего возвращения, после долгого молча-

ния, вспомнив о чем-то, мать говорит сыну, восхищенному величием солнца:

«— Солнце — это чудо. Но ты не видел настоящего солнца. Солнце... Выжженная солнцем бескрайняя дустыня... Сгоревшие на солнце камни, земля, деревья, песок, пересохшее горло, иссушенный от зноя мозг. В жизни бывают минуты, когда ты ненавидишь солнце и наблюдаешь за его закатом только потому, что оно заходит и перестанет палить, и ты радуешься этому, и хочешь, чтобы оно больше не вошло, такое жестокое и палищее, каким было вчера. Слышишь, сынок?»

Роман «Солнечная ночь» вообще построен на параллелизме героев. Одни герои представляются как бы своеобразным фоном для других или же являются их возможными модификациями. Например: Дурсун и Темури, Лия и Лида, Георгий и Давид и т. д. и т. п. Но прием параллелизма нигде не обращается в насильственную схему, так как в нем отображается многообразие жизни. Путем противопоставлений и сопоставлений автор не только добивается рельефного изображения характеров, но и обнажает многие недостатки нашей жизни, подчеркивает ее положительные стороны. Возможно, противопоставления носят порой даже гротескный характер, но произведение от этого только выигрывает. Вот один пример: Галактион Табидзе и вымышленный чемпион по борьбе Китуашвили Гогия, «который прославил имя нашей маленькой Грузии во всем мире».

И вот сидят эти два человека в ресторане, первый — в одиночестве, никем не uznанный, а второй — окруженный почетом и поклонниками. Галактион сидит в ожидании заказанного им, в то время как официант с почтением и благоговением ждет, пока не закончит обслуживать Китуашвили, за которого пьют его друзья.

Как видим, наш веселый и беззаботный «шут» обладает достаточно злым языком и бесстрашно говорит правду. Глазом сатирина выхвачен из действительности образ демагога и циника, лектора Георгия, а также — потенциального «Георгия», комсомольского секретаря Ушанги. Думается, появление этих образов весьма примечательно не для одного только Нодара Думбадзе, но и для всей современной грузинской прозы — ибо без прямоты и смелости не может существовать подлинная литература.

Мягкий и добродушный Нодар Думбадзе не подсмеивается над такими персонажами, а высмеивает их. Здесь он уже борец. Помните слова секретаря партбюро Давида: «Пусть Барамидзе дерется, лишь бы он дрался за дело».

А смех? Неужели Нодар Думбадзе научился смеяться и шутить?

Я здесь уделил значительное место тем проблемам, которых автор касается в частности и в «Солнечной ночи», но ведь в этом и состоит основное, что именно он хочет поведать нам своим смехом. Нодару Думбадзе есть о чем рассказать нам. Да и смеяться он отнюдь не научился, он по-прежнему обладает талантом рассмешить всех до слез и доставить этим смехом подлинную радость. В этом отношении примечательны главы «Диктант», «Падение Берлина», «Кировский парк».

«— Гапон, ты, верно, знаешь что-нибудь новенькое? — спросил Гогия Деметрадзе.

— Вчера «Голос Америки» передал, что настой испанского муравья ликвидирует облысение, — оправдал Гапон надежды товарища.

— Черт побери, у нас даже муравьи ни на что не годны, — Гогия провел ладонью по лысине».

Вы, конечно, засмеетесь, и не один раз.

Это не критическая статья, а просто мысли вслух о молодом грузинском юмористе. Мне много еще хотелось сказать, хотелось подробно поговорить о Хатин, девочке изумительной души, об Илийо, Бабило и еще о многих других людях, таких добрых и привлекательных, мне хотелось понять, откуда возникает та сила, которая помогает человеку быть добрым и бескорыстным. Впрочем, это и не нуждается в специальном исследовании — ибо это выражение духа самого народа, проявление основного и существенного в этом характере.

Но откуда идет эта всеобъемлющая доброта, это всепоминание и всепрощение? Откуда это желание подставить левую щеку, когда тебя бьют по правой? Это индивидуальное, авторское.

Многое мне может нравиться или не нравиться в такой позиции, многое могу принять — ибо борьба со злом дело нелегкое, и формы этой борьбы многообразны. Но... но где же драка? Драка за доброе дело?

Сегодня день твоего рождения, Темури, и ты идешь гостей. Сегодня к тебе придут Лия и Гурами, придут знакомые и незнакомые. Сегодня придут к тебе тольские улицы, потому что ты — дитя этих улиц, вырос и возмужал у них на глазах. Сегодня и я придду, чтобы поздравить тебя. Я не стану много говорить. Будь здоров, Темури, пусть всегда здравствует твоя доброта и твоя боеспособность, пусть здравствуют твои мечты и надежды, пусть здравствуют твои друзья, твоя семья и твоя родина.

Мы — Нодар Думбадзе и я — сидим в удивительно прохладной комнате «Нианги»¹. А рядом — два маленьких крокодила; с детской добросовестностью они держат вилы во рту и неподвижно слушают нас. По заданию журнала «Литературная Грузия» я беру интервью у автора романов: «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце», «Солнечная ночь». Мы знаем друг друга еще по университету и, видно, нам обоим не по душе официальный тон беседы.

— Ради бога, давай будем на ты, — сказал Нодар.

Вот это интервью, взятое «на ты».

1. — От имени читателей журнала, коллектива редакции и меня лично поздравляю тебя с большой наградой. Как ты чувствуешь себя после получения премии имени Ленинского комсомола?

— За поздравление спасибо. Премия очень обрадовала. Я и по радио сказал: есть чувство некоторого страха и большой ответственности — какой будет следующая книга.

2. — Почему ты оставил поэзию?

— Быть средним поэтом трудно. У нас много хороших поэтов. Стихи пишу для детей. Я даже премию получил за поэму «Письмо Мананье». Детям, по-моему, нравится, вот я и пишу для них, взрослым не нравилось и я перестал писать для них.

3. — Из трех твоих романов который предпочитаешь остальным?

— «Бабушку» я люблю больше, но самое значительное для меня — это «Солнечная ночь»; как будто только с нее начинаю писать.

4. — Кого в грузинской литературе ты считаешь своими учителями?

— Я большой поклонник Сулхана-Саба Орбелиани. Давид Кдидашвили и Демна Шенгелая. Все это сыграло определенную роль. Самые большие учителя — это все-таки Гурия и гурийцы, которые все воспринимают с юмором.

5. — Какого ты мнения о грузинских критиках?

— Я многое мог бы сказать, однако... Нельзя рубить сук, на котором сидишь.

6. — Есть ли реальные прототипы у твоих героев, если да, то как они приняли твои произведения? Что сказали Илико и Илларион?

— Илико мне написал: — То, что у тебя рассказано, наполовину вранье!... Если я это скажу, не арестуют ли тебя?

7. — Как ты оцениваешь популярность своих героев и собственные успехи?

— Я не думал, что им будет сопутствовать такой успех. Вот потому написал «Бабушку» сперва в одной части. Далее, по просьбе читателей, была написана вторая.

8. — Какого ты мнения о кинофильмах, созданных по твоим романам?

— На этот вопрос я отвечаю так же, как и на пятый.

9. — Не думал ли ты написать юмористический роман на историческую тему?

— Нет.

10. — Как тебе нравится поездка «Бабушки» в Лондон?

— Один критик говорил: На «Бабушке» грузины далеко не уедут. Дальше восьмидесятилетней старухе ехать некуда.

11. — Как тебе нравятся переводы твоих книг?

— В переводе многое теряется. Очевидно, это специфика грузинского юмора.

12. — Над чем работаешь? Задумано ли что-нибудь?

— Ни над чем. Задуман цикл рассказов.

13. — Что передать твоим читателям?

— Большое спасибо за письма, наставления, откровенность и доверие.

¹ «Нианги» — в переводе «Крокодил» — грузинский сатирический журнал, редактором которого является Нодар Думбадзе.

Виктор Гольцев

О критиках и литературоведах не часто пишут воспоминания — и напрасно, в истории советского литературоведения есть поистине славные имена. Наряду с другими хорошими писателями, критики заслуживают, чтобы мы сохранили не только их книги, но и живую память об их неповторимом человеческом облике.

Прошло больше десяти лет после смерти Виктора Гольцева, а я помню его так, будто мы расстались вчера. Помню и таким, каким он был в начале нашего знакомства, и таким, каким он был в последние годы. Впрочем, внешне он мало менялся, да и внутренне, будучи человеком очень цельным, он скорее рос, чем изменялся. Гораздо заметнее изменялось мое отношение к нему.

Поначалу он мне совсем не понравился. Не то чтоб я видел в нем что-нибудь плохое — нет, я знал, что он очень начитан и на редкость музыкален, понимает в живописи и приятен в обращении — просто он был, как говорится, героем не моего романа. Внешность Виктор Викторович имел весьма благоприспособленную: темно-синяя тройка, сияющая белозной подкрахмаленная рубашка, аккуратно вывязанный узел галстука, очки в тонкой золотой оправе, румяное, слегка лоснящееся лицо — было во всем этом нечто старомодное и напоминавшее мне того преуспевающего докторанта из чеховской «Скучной истории», который приходит к профессору за темой будущей диссертации.

Как потом выяснилось, ни малейшего внутреннего сходства с докторантом у Вити Гольцева не было. Начать хотя бы с того, что он никогда и ни к кому не пошел бы за темой. У него была своя тема в жизни. И даже не одна, а несколько.

Одной из этих тем была Грузия, и по-настоящему познакомились и сблизилась мы в Грузии.

Встретились мы там совершенно случайно осенью 1938 года. Мы с женой приехали в Тбилиси по Военно-Грузинской дороге, остановились в «Орианте» и утром за завтраком увидели Гольцева, увидели и обрадовались знакомому человеку в чужом городе.

— Вы что же — в первый раз?

— В первый, — сознался мы.

— Ну, а я в шестнадцатый, — сказал Виктор с важностью.

Он любил поважничать. А я не любил, когда важничают. К тому же я не очень понимал, зачем нужно ездить шестнадцать раз в одно и то же место. Страна велика...

— Ну что ж, придется мне показать вам Тбилиси. Прогуляемся сначала по городу, а попозже зайдем в Союз писателей.

Не помню уже, какие из городских достопримечательностей мы осмотрели в то утро, а какие на следующий день. Помню, что были на горе Святого Давида, долго стояли у могилы Грибоедова, и Виктор, не глядя на мраморное надгробие, прочел наизусть потрясающие в своей скорби строки юной вдовы, строки столь же бессмертные, как имя поэта:

Ум и дела твои бессмертны в памяти
русской.
Но для чего пережила тебя любовь моя?

Затем заглянули в краеведческий музей, где не столько разглядывали экспозицию, сколько слушали Виктора — он рассказывал о Грузии как историк и как путешественник, как поэт и влюбленный, точно и образно — и тут я впервые понял, что ежегодные поездки в Грузию не блажь, а страсть, не экскурсион туриста, а экспедиции исследователя. Оказалось, что Гольцев успел побывать в самых глухих уголках республики, в дальних горных селениях, куда ведут труднопроходимые тропы, и мне было нелегко представить себе, как этот очень городской, очень кабинетного вида человек, в котором трудно заподозрить альпиниста, карабкается по скалам или пробирается верхом по узкой, осыпающейся горной дороге. О своих приключениях Виктор рассказывал не без самодовольства, но без преувеличений, и я впервые проник в один из главных секретов его характера. Гольцев был самолюбив, но самолюбие это имело мало общего с себялюбием, он был, так сказать, самолюбив творчески; вероятно, самым невыносимым для

него было сознание, что он чего-то не может. Усвоив это, я уже ясно представил себе, как Виктор, усилив воли преодолевая страх и физическую нетренированность, старается не отставать от своих более крепких и опытных спутников.

Когда мы добрались до Союза писателей, в кабинете первого секретаря шло заседание президиума. Но перед Виктором раскрылись все двери. Наше появление внесло крутой поворот в плавное течение заседания. После первых приветствий председательствовавший Алио Машавили сделал слабую попытку возобновить прения по докладу Литфонда, но не прошло и десяти минут, как он сам выступил с внеочередным заявлением:

— Мне кажется заслуживающим всяческого внимания, — сказал Алио, — предложение Литфонда о создании дома творчества на базе имения нашего великого поэта Ильи Чавчавадзе. Но правильно ли мы поступим, если будем решать этот вопрос по-кабинетному, чисто бюрократическим путем? Не вернее ли будет всем нам, в полном составе, выехать в Сагурамо и там, на месте, осмотреть дом и вынести обоснованное решение? Ну, и конечно, пригласить с собой нашего дорогого Виктора, наших уважаемых московских гостей и просить их помочь нам дружеским советом...

Не помню, ставилось ли это предложение на голосование. Во всяком случае, оно было принято единодушно, и через полчаса несколько машин уже мчались по направлению к древней столице Грузии — Мцхета. У переправы была сделана короткая остановка, выбежавший из придорожного духана плотный черноусый человек получил от командора пробега какие-то инструкции, после чего машины поползли в гору.

Наверху было холодно, ветер хлопал лавнами ветшающего дома и шумел листвою столетней чинары. В связи с этим выездное заседание не затянулось, и примерно через час мы сидели за большим пиришественным столом и ели отварную «цоцхали» — рыбку, выловленную в Арагве, пока мы осматривали Сагурамо, — и соленый сыр «сулгуни», поджаристый снаружи и сочный как плод, его едят с пресным желтым кукурузным хлебом, и это соединение пересола с недосолом вызывает странную жажду, которая не утоляется водой и от которой спасает только сухое и легкое виноградное вино. Тут я впервые постиг, что такое настоящий грузинский стол, изысканный и строгий ритуал пиришества с его многовековой культурой застольного слова. Сидя рядом с Виктором, я очень скоро понял — и по тому лестному, но не лестному, что говорилось о нем за столом,

и еще больше по тому, как свободно владел он сам искусством одушевлять стол, что он здесь свой, не просто гость, а дорогой гость, не просто Виктор, а «наш дорогой Виктор». В то время Виктор занимал в Союзе писателей СССР весьма скромный общественный пост председателя комиссии по грузинской литературе, и воздаваемые ему почести относились не к занимаемой должности, а к той огромной бескорыстной работе, которую уже тогда вел Гольцев, поставивший задачу сделать сокровища грузинской классической и современной литературы достоянием миллионов советских читателей. Застольная беседа затянулась до вечера, а затем мы как по волшебству перенеслись в директорскую ложу театра имени Руставели, где шли в тот вечер «Без вины виноватые» с Нуцей Чхеидзе — Кручинниной и Акакием Васадзе в роли Шамаги. И опять перед Виктором раскрываются все двери — мы за кулисами, и Витя, низко склонившись, целует руку красавице Александре Тоидзе, еще не снявшей грима Отрадиной.

За несколько дней, прожитых рядом в Тбилиси, мы очень сдружились, и Виктор — он был старше — предложил перейти на ты. Со всеми своими друзьями — старшими и младшими — Виктор был на ты, но это было «ты» особое, не амикошонское, а наоборот, подчеркнуто-уважительное, заставлявшее вспоминать переписку Блока с Вельям, писавших «Ты» с большой буквы. Вообще у Виктора был культ дружбы, он не прителествовал, а дарил дружбу и сам воспринимал дружбу близких ему людей как честь.

В Москве мы стали бывать друг у друга, Виктор и его жена Юлия Сергеевна жили в то время на Сивцевом Вражке в коммунальной квартире, где занимали две смежные комнаты. Комнатки были маленькие, но уютные, на высоких полках стояло много книг и альбомов с пластинками, на стенах висели десятки застекленных рисунков и фотографий, среди них много портретов с дружескими надписями. Когда в этих комнатках собирались друзья, а собирались они часто — дом был гостеприимный и хлебосольный — становилось совсем тесно, и после того, как все усаживались за стол, выбраться со своего места было уже сложно. Постоянными гостями Гольцевых были в то время Антокольский, Андроников, Баян, Пастернак, Первомайский, Тихонов и, конечно, все приезжавшие в Москву грузинские писатели: Симон Чиковани, Ило Мосавили, Георгий Леонидзе, Бесо Жгенти — всех не перечислить. Бывали и не только литераторы — приходил адвокат Михаил Александрович Савенко, блестящий рассказчик и собеседник, художник Ф. С. Булгаков, подруги и сотруд-

ницы Юлии Сергеевны по Книжной Палате. Гостеприимство у Гольцевых было очень русское, очень московское, от Юлии Сергеевны исходили волны покоряющей теплоты, но за столом чувствовалось некоторое влияние Грузии, влияние, на мой взгляд, благотворное. Сказывалось оно прежде всего в умении хозяйна «вести стол», то есть вводить бурное и извилистое течение общей беседы в нестеснительное русло, с тем, чтобы случайное и второстепенное не заслоняло главного, чтобы каждый был выслушан с должным вниманием и ни одно полновесное слово, от кого бы оно ни исходило, не осталось не оцененным по достоинству. Вероятно, именно здесь, на Сивцевом, а не в служебных кабинетах завязывались самые крепкие связи между писателями, пишущими на различных языках, связи дружеские, а не договорные, без которых не могли бы появиться на свет сотни первоклассных переводов с грузинского. Переводы эти, сделанные большими русскими поэтами, не только бережно передают грузинский оригинал, но сами стали событиями в русской поэзии. Здесь они читались, обсуждались, редактировались, и трудно себе представить лучшего арбитра, чем Виктор Гольцев, с его влюбленностью в литературу и широкими познаниями, с его энергией и дотошностью. Оглядываясь назад, я склонен считать, что работа Гольцева над созданием большой антологии грузинских поэтов на русском языке оказала заметное влияние на уровень переводческого искусства в стране.

Настоящий критик — это не только автор критических статей, но всегда в той или иной степени организатор литературного процесса. Настоящий критик, даже если он не занимает никакого официального положения, всегда объединяет пишущих людей, к нему идут за советом, емуверяют замыслы, на нем пробуют, как на кролике, незавершенные открытия, у него ищут поддержки в период творческих неудач. Таким был Стасов, и в Гольцеве было сильно выражено то, что я назвал бы «стасовским началом». Он умел самозабвенно увлекаться, а таким людям, больше чем кому-либо, дано увлекать и объединять. Он умел радоваться чужому успеху, он умел и говорить горькую правду, умел ободрить, натолкнуть на мысль, умел спорить до хрипоты, до красноты, до той опасной грани, за которой следует разрыв. Не так часто удается встретить литератора, столь заинтересованного в том, что делают его собратья, — это свойство высоко ценилось друзьями, и поэтому в тесных комнатах на Сивцевом Вражке нередко происходили в самой интимной и доверительной обстановке своеобразные генеральные репетиции многих литературных событий. В

таких случаях Виктор звонил: — Приходите, сегодня Пастернак читает, свой перевод «Гамлета»...

И мы два вечера подряд слушаем еще не вполне законченный перевод. Пастернак читал изумительно, его интонации надолго вытеснили из моей памяти все, что мне нравилось у актеров, игравших Гамлета, — я слышал только его.

Или:

— Приходи вечером. Сегодня Ираклий пробует себя в новом жанре. Мы — кролики. А потом повертим пластинки...

И действительно, Ираклий Андроников приходит с новым устным рассказом, не просто новым, а принципиально новым, намекающим новые пути в созданном им жанре. Потом придирчиво и даже с некоторой тревогой допрашивает — ну как? В заключение мы заводим патефон, и Ираклий, стоя перед вращающимся диском, вдохновенно показывает вступление духовым и умирает тремоло струнных, бормоча и напевая, как Фриц Штидри.

Встречались мы с Виктором не только на людях, о многом было переговорено с глазу на глаз. И все чаще в этих разговорах возникала новая тема — партийная. О вступлении в партию Гольцев думал давно, но окончательное решение пришло к нему не просто и не легко, а после большой внутренней работы. Он искал ответа на все неясные для него вопросы: сомневаясь в своих силах, он старался выработать в себе качества, необходимые партийному бою. Заявление он подал только в 1940 году.

Хорошо помню партийное собрание в Союзе писателей, на котором принимали Виктора. Он очень волновался. Несмотря на единодушную рекомендацию партбюро, собрание поначалу отнеслось к нему холодно. Было задано много вопросов. На все вопросы Виктор отвечал с присущей ему обстоятельностью. Но один вопрос заставил его вспыхнуть. Кто-то спросил про его отца — тот ли это В. А. Гольцев, который некогда редактировал кадетский журналчик «Русская мысль», и как товарищ Гольцев расценивает его деятельность? Насколько я понимаю, задел Виктора не самый вопрос — вообще-то законный, — а тон. Обычно Виктор легко краснел, но тут он побелел:

— Да, тот самый Виктор Александрович Гольцев. Да, он был редактором «Русской мысли» и не поднимался над буржуазным либерализмом. Но он был честнейшим человеком, и если кто-нибудь здесь хочет говорить о нем плохо, то я это ему не советую.

Наступила напряженная пауза, неожиданно взорвавшаяся смехом. Смех

был дружелюбный. И сразу наступил перелом...

Собрание не ошиблось, приняв Виктора Гольцева. Он был хорошим коммунистом, твердым, принципиальным, дисциплинированным, и лишь немногие догадывались, что путь к партии был для Виктора подобен горной дороге.

Война разлучила нас, но не отделила. Я был на флоте, Витя в авиационной газете. Мы переписывались — не часто и с большими перерывами, но всегда знали друг о друге через наших жен. Виктор опять всех поразил — из глубоко штатского ученого очкарика получился очень подтянутый майор авиации, боевой журналист, совершивший восемнадцать боевых вылетов с нашими бомбардировщиками и завоевавший среди летчиков большой авторитет.

После войны Виктор с удвоенной энергией взялся за любимое дело. Он выпускает большую антологию «Поэзия Грузии» — итог многолетнего тру-

да. На новой квартире возобновляются дружеские встречи, состав их почти не изменился: отдалился Пастернак, стал частым гостем Заболоцкий, из Грузии стали приезжать молодые поэты. В 1948 году Гольцев был назначен редактором «Дружбы народов», пост этот он занимал до самой смерти, и я думаю, что этот журнал никогда не имел более компетентного редактора.

Виктор умер рано. Сказалось чудовищное перенапряжение военных лет. Но до сих пор собираются в маленькой квартире на Беговой люди, которых он гордо и требовательно называл своими друзьями. Помнят его и в Грузии. Недавно на V съезде писателей Латвии я познакомился с грузинским поэтом Ревазом Маргиани. Услышав, что я близко знал Гольцева, он схватил меня за руку:

— Вы были другом Виктора?

И мы сразу заговорили как старые знакомые.

Хроника

ПРАЗДНИК ЮНЫХ ТАЛАНТОВ

Наверное, многим запомнился плакат-афиша с забавными и симпатичными лицами поющих детей. Он сообщал о том, что со 2 по 7 июля проходит V республиканская олимпиада художественной самодеятельности школьников. Проводилась она с целью выявления юных талантов и была одной из самых представительных. Отныне подобные праздники детского творчества будут проводиться систематически — раз в два года.

Пафос жизнеутверждения

Даже сквозь иноязыковой барьер прорывается очень «свой», определенный, мужественный и жизнелюбивый голос поэта. По переводам — разным во многих отношениях — трудно судить о том, как в смысле формы, языка, интонации, музыки стиха звучат на родном языке стихотворения Алеко Шенгелиа. В переводе удастся уловить лишь внутреннее дыхание его поэзии, ее основную направленность, ее пафос. Вышедшая на русском языке книга поэта «Современник» (издательство «Литература да хеловнеба») дает заряд бодрости, жизнелюбия, радостного ощущения бытия, красоты природы родного края.

Лирический герой поэта — это человек, который дышит полной грудью, широко шагает по земле, которого если не все, то во всяком случае многое, по-настоящему радует — и любимые «черты родного края», и ясные глаза любимой, и рассвет в горах, и ночь на колхозном поле, и полет космонавта в космос, и воспоминания детства, и новостройки города, и еще многое, многое другое.

Однако, казалось бы, чрезмерно оптимистическое восприятие жизни не лишает поэта большой тонкости в передаче чувств и настроений. Он умеет «остановить» мгновение, дать ощутить неповторимое очарование пережитого, передать все оттенки настроения и чувства, чистого, светлого и сильного.

Алеко Шенгелиа — поэт, которому открыты простые и естественные радости, он приемлет жизнь во всей ее первозданной гармонии, силе и красоте. Это — певец радости, с удивительно юной душой, который никогда не устает удивляться прекрасному! Даже мысли о неизбежной смерти не окрашены у него в мрачные тона, они философски спокойны и светлы. Пожалуй, наиболее полно и ясно все это сформулировано поэтом в стихотворении «Моя песня». Оно небольшое. Приведу его полностью:

Детства и юности
Листья опали.
В этой листве,
Что легла наугад,
Годы любовь мою

Не закопали.
Я неизменен,
Я осени рад!

Прежние весны
Припоминаю порою,
Прежних красавиц,
Как юность мою.
Новые вырастут
Новой весной,
Как-нибудь я
И о них пропою.

Я не бессмертен.
Золую завест
Мой огонек
Непременно, друзья.
Но не стареет душа.
Не стареет.
В этом, пожалуй,
Вся песня моя.

Внутренний мир поэта просторен и ясен, его лирический герой — натура цельная, не разъединенная рефлексией. Он исповедует вечные истины, унаследованные им от предков. Нет слов, эти истины — те три кита, на которых мы стоим и сегодня. Эти истины глубоко звучны нам, мы тоже разделяем их, и вечно, наверное, человечество будет руководствоваться ими — в этом его истинная сила и красота. Я говорю все это не потому, что вижу в этом нечто предосудительное и ущемляющее значение творчества поэта. Напротив, именно в этом его сила. Алеко Шенгелиа — очень органичный, национальный, весь напоенный соками родной земли поэт. Я заговорила об этом потому, что считаю название сборника не выражающим его истинной сути. Почему «Современник»? Что в стихах Алеко Шенгелиа характерно именно и только для нашего современника? Какие его черты и приметы? А если понимать значение этого слова очень широко, тогда каждую книжку любого нашего поэта можно назвать так. Мне кажется, как я уже говорила, что не это — самое основное и характерное для поэзии Алеко Шенгелиа. Я думаю, что главное в ней — это пафос жизнеутверждения. И именно в этом — в широком смысле сло-

ва — современность поэта, его созвучность нашему времени — «весне человечества». А не чисто внешние приметы, которые мы находим в ряде стихотворений поэта, и к слову, сказать, как раз не лучших в его творчестве, наиболее схематичных и декларативных, в которых не ощущается так полно, как в других его стихах, подлинное дыхание поэзии. Это скорее описательные стихи, как бы намеченные пунктиром, и чисто формальные приметы времени не делают их по-настоящему современными. Зато как раз те стихотворения, в которых, казалось бы, нет ничего специфически современного, по своему духу наиболее близки нам сегодня. В них как-то очень по-молодому дано восприятие и видение жизни. В стихах — вся душа поэта, а душа его молодая, и потому так заражающие они бодрость, такая жадность жизни в них, такая здоровая нежность чувств.

Чтение таких стихотворений Алеко Шенгелиа, как «Путешествие в детство», «Родник», «Рица», «Пора песен», «Рассвет», «Амазонна», «Песня жизни», «Зимняя ночь», «Почему я люблю ручей», «Нукрия», «В самом сердце Москвы я живу», «Моя песня» и особенно «Орнамент на камне», «Невеста» и «Лань» — приобщают нас к радостному сопереживанию, позволяют испытать эстетическое наслаждение. Это — настоящие стихи. Вот послушайте несколько выдержек из них:

К прибрежным скалам припадая,
Летит неведомо куда
Смеющаяся, молодая,
Голубоглазая вода.

(«Родник»)

Ветер в ветвях не спит.
Бор голубой сосновый
Возле воды стоит.

(«Рица»)

Вечер надежды, вечер погожий...
Новое в сердце с весной поднимается,
То, что превьшше любви, но и все же
Именем чистым любви называется.

(«Пора песен»)

Свет в окошке бессонном потух.
Проболтался об утре петух,
Горы жили в утреннем гуле,
Все прозрачнее даль, все ясней,
Кони белые черных коней
Грудью в пропасть с обрыва столкнули.

(«Рассвет»)

Спустился мрак, густая постепенно.
Ночь предвешает долгий снегопад.
Очаг развесил отблески по стенам,
Сказания веда на древний лад.
Смежаются глаза от тех видений,

К ресницам липнет свет, пьянит глаза
Расшитая подушка в отдаленье
Вся бисером сияет.
Спать пора!

(«Зимняя ночь»)

В дальней горестной дали,
В годы плена и печали,
Слезы предков камень жгли
И орнамент высекали.

(«Орнамент на камне»)

Все выразительнее бисер,
Все больше оживает ткань,
И вышитая нитью мысли
Стрелюю раненная лань.

(«Невеста»)

Где-то магием вспыхнула молния,
Где-то гром раскатился и замер.
Лань взметнула глаза свои,
Полные
Человеческими слезами.

(«Лань»)

Так трудно остановиться, приводя удачные строки из стихотворений поэта, но еще труднее удержаться от искушения процитировать их целиком, так как по приведенным выше отрывкам нельзя судить о заложенной в стихах мысли, об их тональности. Здесь же — лишь блестящие поэтические образы, обрывки настроений. Но, может быть, и они сумеют заронить интерес в душу читателя, и он захочет прочитать стихи поэта целиком.

Ну, а рядом с такими стихами, которые хочется читать и перечитывать, есть в сборнике, как уже упоминалось выше, и другие... Слово они приведены для контраста. «Песня Нового года», «Руставский лозунг» и подобные им... Зачем они в книге? Не будем ханжами и признаемся, что это не лучшее, что создано поэтом. А если это так, то почему нужно было их включать в книжку? Только из-за темы? И даже не темы, а отдельных аксессуаров современной темы. Но уже давно ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что наличие современной темы вне учета ее конкретной разработки еще не означает, что произведение хорошее и его поэту надо включать в книгу. И тут я хочу снова поднять вопрос о том, что в тех случаях, когда того или иного писателя, того или иного поэта представляют на другом языке, надо знакомить читателя с его лучшими произведениями, которые являются основными в его творчестве, характерными для его творческой индивидуальности. К сожалению, в данном случае такого тщательного отбора нет. И потому творческий облик поэта становится для русского читателя несколько расплывчатым, менее определенным, чем мог бы быть. Поэтому на-

сколько радуется преимущественно первая половина книги, в которую вошли циклы стихов А. Шенгелиа «Родник», «Твое имя», «Гимн человеку», настолько разочаровывает вторая...

Думается, не вполне соответствует духу сборника и невыразительная супер-обложка с ее серо-желто-зелеными квадратами, как будто смотришь на землю с самолета. А как я уже отмечала, поэт очень крепко стоит на земле, он всеми своими помыслами и чувствами слит с ней воедино. Он поет горы, ручьи, сады и море, а не абстрактные безжизненные квадраты, он ласкает каждую травинку, видит слезы в глазах лани... Значит, он смотрит пристально, «вприглядку», что ли, на все, что его окружает, а не созерцает с высоты птичьего полета.

Как уже говорилось выше, книга доносит до русского читателя дух поэзии Алеко Шенгелиа, мы узнаем ее основную направленность, слышим только ему присущий голос. Более того, отдельные его стихотворения звучат для нас как одни из лучших образцов русской поэзии, и это означает, что они вошли в нее органично и естественно, сохранив, однако, все своеобразие национальной поэзии, детищем которой являются (таковы, например, «Пора песен», «Зимняя ночь», «Орнамент на камне», «Нукрия», «Невеста», «Лань», «В Тимонино за чашкой чая» и другие). И это, несомненно, заслуга тех русских поэтов, которые переводили стихи Алеко Шенгелиа. Вот их имена — Е. Винокуров, В. Державин, Е. Евтушенко, В. Звягинцева, Я. Козловский, А. Кронгауз, М. Луконин, М. Львов, А. Межиров, С. Орлов, В. Соколов. Тем досаднее, что в книгу, сделанную с помощью таких искусственных в деле перевода мастеров слова, прокрались досадные небрежности. Я уверена, что в оригинале у поэта не могло быть таких слов и выражений, как «кровинкой горя», «переулки-улучки», «утречком», «девчонка» и т. д. Они чужды стилю поэта. Есть и словно бы звучащие с чужого голоса

строки (например: «Клянусь я тебе Первенца земного»). Вряд ли сказано точно, что озеро «заблещет», как цветок, или «нарезается с хрустом земля», или — «это первые блески любви».

В сборник вошли стихи разных лет — и уже известные, и новые. Они охватывают большой отрезок времени в творчестве поэта. Поэтому, думается, было бы хорошо, если бы под включенными в книжку стихами стояли даты. Пожалуй, это не менее важно, чем деление стихов на циклы и разделы, подчас несколько искусственное, вносящее в книжку излишнюю регламентированность и даже сухость. Но это вопрос спорный, а датирование произведений — это вопрос культуры издания, оно помогает читателю ориентироваться в творчестве того или иного автора.

От тех, кто работал над этой книгой, кто готовил ее к встрече с русским читателем, хотелось бы не только большей требовательности, но и большего проникновения в поэзию А. Шенгелиа, более бережного к ней отношения. Полной самоотдачей делу своей жизни, предельной искренностью творчества, отданного родному народу, поэт заслужил это.

Нет, я не опоздал родиться —
Не для меня такой упрек,
И сердце не забыло биться,
Оно забилось в самый срок,
И нету в этом сердце тени,
С утра поющем, как струна,
Нет, я не опоздал к цветенью,
К рассвету твоему, страна!

Эти строки, как камертон, определяют тональность поэзии Алеко Шенгелиа, поэзии, утверждающей оптимистическое мировосприятие. Недаром он сам признается:

Я люблю ручей. Он с гор
Мчит — горласт и лих.
И ручья того задор
Есть в стихах моих.

Путь к изобилию

Беседа с Председателем Совета Министров
Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили

В мае 1966 года состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, на котором был обсужден вопрос о широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур.

Выполнение этой обширной программы в области развития сельского хозяйства потребует больших усилий от тружеников деревни, от работников многих отраслей промышленности, науки, от всего народа. Редакция «Литературной Грузии» обратилась к Председателю Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили с просьбой ответить на ряд вопросов, связанных с развитием мелиоративных работ в нашей республике.

— Сейчас развернулась поистине всенародная борьба за претворение в жизнь широкой программы мелиорации земель. Каково ее значение для развития сельского хозяйства?

Первый после XXIII съезда КПСС Пленум Центрального Комитета партии был посвящен рассмотрению этого вопроса — это уже во многом объясняет всю серьезность программы широкой мелиорации земель в современных условиях. Проблема устойчивого сельскохозяйственного производства в стране — важнейшее условие в создании материально-технической базы коммунизма.

Обширные мероприятия по мелиорации земель, повышению культуры земледелия, которые обеспечат рост урожайности сельскохозяйственных культур — все это проводится для обеспечения дальнейшего подъема сельского хозяйства. В своей речи на майском Пленуме тов. Л. И. Брежнев отметил, что мелиорация земель в нашей стране — это не текущая кампания, а программа, предусмотренная на длительный срок.

Что такое программа широкой мелиорации земель? Это не только проблемы орошения и осушения земель. Это целый комплекс больших работ, которые необходимо проделать для упорядочения землепользования, улучшения лугов и пастбищ, очистки сельскохозяйственных угодий от мелколесья, кустарника и камней, осушения болот, по борьбе с ветровой и водной эрозией, укреплению песчаных и оврагов, закладке новых защитных лесных полос и многое другое.

Претворение их в жизнь, как намечено программой в течение ближайших 10 лет, несомненно, выведет нашу страну на передовые позиции в мире по производству сельскохозяйственных продуктов, а воздействие природных условий на эту важную отрасль народного хозяйства будет предельно снижено.

О том, какой размах приобретают сейчас мелиоративные работы, красноречивее всего расскажут цифры.

Сейчас у нас в стране 15 миллионов гектаров орошаемых и осушенных земель. Через 10 лет будет 37—39 миллионов гектаров. Таких темпов не знала мировая практика.

— Какова программа мелиоративных работ у нас, в Грузии? Отразилась ли на ней специфика природных условий нашей республики?

— В Советском Союзе, пожалуй, трудно найти такой уголок, где на небольшой территории так богато и разнообразно были бы представлены климатические и природные условия. Грузию недаром называют естественным музеем. Здесь чередуются области вечных снегов и пояс вечнозеленой растительности, суровые степи и плодородные поля. Здесь можно проследить все основные типы климата — от субтропического на побережье Черного моря до сухого континентального в восточных и юго-восточных районах. В Грузии возделываются в промышленных масштабах такие ценные культуры, как чай, цитрусы, другие субтропические и технические культуры, развиваются садоводство и виноградарство, овощеводство. Значительное место в сельскохозяйственном производстве занимают зерновые культуры и животноводство. Правда, природа не только щедра, но и капризна.

Восточные районы республики страдают от недостатка влаги, а некоторые западные районы, наоборот, — от избытка осадков и чрезмерной влажности почв.

Если мы обратимся к цифрам, то легко убедимся, как резко колеблется урожай в наших хозяйствах в зависимости от того, засушливый был год или дождливый.

В засушливые 1961—1962 годы валовой урожай зерна в республике составлял не более 585 тысяч тонн, а в 1963—1964 дождливые годы валовой урожай зерна с той же примерно площади увеличился до 704—732 тысяч тонн.

Это и убеждает нас в том, что интенсивное развитие сельскохозяйственного производства немислимо без осуществления широких мелиоративных мероприятий.

В Грузии сполна могут понять значение орошения. Веками мечтали грузинские крестьяне об орошении иссушенных земель. Издревле строили они поливные системы, некоторые из них сохранились до наших дней и продолжают действовать. Но это, как правило, были примитивные каналы, строились они стихийно и никак не решали проблемы.

Интенсивное освоение поливных земель началось только в годы Советской власти.

Строительство инженерных поливных систем приняло планомерный характер, началось серьезное и обдуманное освоение орошаемых земель. Были построены и вступили в эксплуатацию Нижне-Алазанская, Тирипонская, Салтвиская, Кехвская, Ванатская, Скрийско-Карельская, Тези-Окамская, Мухранская, Ташискарская, Верхне-Самгорская и другие системы.

В послевоенные годы ирригационное строительство приняло особенно широкий размах.

В этот период построена Верхне-Самгорская ирригационная система, которая является одним из крупнейших гидротехнических сооружений в нашей республике.

Оживилась иссушенная земля Самгорской степи, по новым каналам воды Иори понесла жизнь возрожденным полям, с водой в степь пришли урожай винограда, фруктов, пшеницы, овощей.

Сионское и Тбилиское водохранилища, общая емкость которых достигает 600 миллионов кубических метров, улучшили орошение полей в Сагареджском, Силнахском, Цителцаройском районах, преобразовали окрестности столицы Грузии, окруженной теперь пышным зеленым кольцом.

Верхне-Самгорская ирригационная система обводняет 36 тысяч гектаров земель, расположенных в окрестностях Тбилиси и занятых в основном садами, виноградниками и огородными культурами.

Территория Грузии характеризуется гористым рельефом, и перспективы развития сельского хозяйства почти всех входящих в нее районов в значительной мере зависят от того, по какому пути пойдет использование сельскохозяйственных угодий горной зоны. И в этом направлении одной из самых насущных задач является борьба с вредным действием воды. Эрозийные и оползневые процессы наблюдаются почти во всех районах Грузии. Но в отдельных районах они причиняют особенно большой ущерб сельскому хозяйству.

Грузия — республика малоземельная. Здесь в среднем на душу населения приходится 0,18 гектара пахотной земли. Это заставляет принимать все меры к тому, чтобы сельскохозяйственные угодья, прежде всего пахотные земли, не сокращались. Еще нередки случаи, когда отличные пахотные, в том числе поливные земли, отводились под строительство промышленных предприятий, жилых и других объектов.

Эта порочная практика должна быть пресечена, и нам предстоит навести в этом деле строгий порядок.

— Гиви Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, о важнейших объектах мелиоративных работ в нашей республике.

— Естественно, разговор о важнейших объектах мелиоративных работ следует начать с Колхидских земель, с которыми связано столько древних легенд и столько радужных надежд грузинских крестьян.

Колхидская низменность по своим природным условиям представляет единственный уголок Советского Союза, где имеются благоприятные почвенно-климатические условия для развития субтропического хозяйства.

С 1930 года советские люди начали отвоевывать эту древнюю страну золотого руна у потийских болот. Из 220 тысяч гектаров заболоченной низменности сейчас уже осушено около 70 тысяч гектаров болот. Эти земли превратились в плантации, сады, здесь создано много мощных совхозов. Осушенная Колхидская низменность превзойдет по своей ценности несколько миллионов гектаров земель основных полеводческих районов, 220 тысяч гектаров болот будет превращено в волшебный сад, достойный самых прекрасных легенд.

Пляжевая полоса прибрежной части Колхидской низменности не уступает известным международным курортам Болгарии и Румынии, а по количеству теплых, солнечных дней превосходит их.

После осушения и освоения земель Колхиды, наряду с развитием субтропических и ценных технических культур — чая, цитрусовых, лавра благородного, тунга и других, создадутся прекрасные условия для развития первоклассных морских курортов и прикурортного сельского хозяйства, которое обеспечит их свежими овощами, фруктами и молочными продуктами.

Вот почему для Грузии осушение и освоение Колхидской низменности — один из важнейших пунктов плана выполнения всех мелиоративных работ в республике.

Однако освоение осушенных земель Колхиды велось неудовлетворительно. Это обусловлено тем, что здесь параллельно с гидротехническими работами не осуществлялись обязательные мелиоративные мероприятия: корчевания лесов и кустарников, планировка площадей, строительство дорог, мостов и линий электропередачи, подведение питьевой воды и т. д.

В текущей пятилетке будет осуществлена реконструкция имеющихся систем на осушенных землях Колхиды и проведение дополнительных мероприятий, снабжение населенных пунктов питьевой водой и электроэнергией.

Кроме того, в этот период вступят в строй 24 тысячи гектаров вновь осушенных земель.

Одним из важнейших ирригационных объектов является Верхне-Алазанская оросительная система, рассчитанная на орошение 110 тысяч гектаров самых плодородных земель Кахетии. Кахетия — колыбель высококачественного грузинского виноделия. Вина, которые производятся здесь, широко известны в Советском Союзе и далеко за его пределами. Лучшие грузинские вина делаются из отборных сортов винограда, выращенных на грузинской земле, — ркацители, саперави, мцване, цоликаври, оджалеси, чхавери и других.

Преобразованная природа Кахетии удесятит ее богатства, сбудется давняя мечта земледельцев Кахетии. Приход в Ширакскую степь вод Алазани совершит целый переворот в хозяйстве Восточной Грузии. Сейчас работы по строительству первой очереди этого объекта, начатые в 1965 году, успешно продолжаются.

В нынешней пятилетке полностью завершится строительство Нижне-Самгорской оросительной системы, которая даст воду 39 тысячам гектаров.

За пятилетие предстоит построить для орошения земель хозяйств Каспского и Мцхетского районов ряд сооружений, реконструировать Тирипонскую оросительную систему, расширить Хевский оросительный канал и другие.

В результате выполнения этих заданий к 1970 году поливные и осушенные площади по нашей республике достигнут 580 тысяч гектаров, а обводненных пастбищ будет 540 тысяч гектаров. Перспективным планом в 1971—1975 годах предусмотрено ввести в эксплуатацию 100—120 тысяч гектаров новых поливных и 110—120 тысяч гектаров осушенных земель.

Сейчас задача партийных, советских, сельскохозяйственных и водохозяйственных органов состоит в том, чтобы возглавить дело повышения культуры земледелия и увеличения продуктивности сельскохозяйственных угодий, наведение образцового порядка на землях каждого колхоза и совхоза, получение обильных и устойчивых урожаев с каждого гектара.

— Каковы основные условия успешного выполнения планов мелиорации земель в Грузии?

— Мелиорация земель — процесс очень сложный. Он требует от каждого работника сельского и водного хозяйства глубокого знания дела, сочетания до-

стижений науки и практического опыта. Только в этом случае мелиорация сможет принести должный эффект.

Наряду с осуществлением мелиорации необходимо проводить целый комплекс агротехнических мероприятий, рационально применять минеральные удобрения, которые дают максимальный эффект именно на поливных землях.

Сравнительно высокие урожаи, получаемые некоторыми районами и хозяйствами в результате правильного использования поливных земель, свидетельствуют о том, что у наших колхозов и совхозов имеются большие неиспользованные резервы роста урожайности сельскохозяйственных культур.

В республике проделана большая работа по улучшению использования поливных земель, упорядочению оросительной сети и эффективному использованию воды. Это позволило нашим колхозам и совхозам возделывать на таких землях ценные культуры и значительно расширить сельскохозяйственное производство.

В 1965 году среднегектарная урожайность сахарной свеклы на поливных землях достигла 347 центнеров, а в прошлом году в Горийском районе с каждого из 895 гектаров получено в среднем по 466 центнеров, колхоз села Плави этого же района получил с каждого гектара 912 центнеров сладких корней.

Эти высокие показатели возникли потому, что именно здесь в производстве сахарной свеклы внедрена высокая культура земледелия, соблюдается чередование культур, хорошо ведется борьба с сорняками и вредителями свеклы, своевременно и качественно обрабатывается почва, вовремя проводятся поливы с соблюдением правил.

Таких фактов можно привести немало.

В Варкетильском виноградарском совхозе свыше тысячи гектаров садов и виноградников. А ведь этот совхоз родился только в 1957 году на сухой Самгорской земле, где до орошения не могло быть ничего, кроме бедных зимних пастбищ.

На осушенных землях Колхидской низменности создано немало специализированных хозяйств — по производству чая, цитрусовых, лаврового листа и др., которые ежегодно дают много ценной сельскохозяйственной продукции. Многие из хозяйств отличаются высокими показателями и дают государству значительную прибыль.

На типичных почвах Колхидской низменности расположен Техурский совхоз по производству лавра. Необходимые мелиоративные и агротехнические мероприятия помогли совхозу добиться высоких показателей. С 1959 по 1966 годы хозяйство получило более пятисот тысяч рублей прибыли.

Данные научно-исследовательских сельскохозяйственных учреждений нашей республики говорят о том, что в условиях поливного земледелия и сравнительно высокой агротехники урожайность сельскохозяйственных культур может быть гораздо выше.

На экспериментальной базе Грузинского научно-исследовательского института земледелия в Мхета в поливных условиях получен среднегектарный урожай озимой пшеницы 39 — 59 центнеров, а кукурузы 50 — 57 центнеров, на Гардабанской опытной станции урожай помидоров с гектара достигает 600 — 740 центнеров.

Если хозяйства Гардабанского района приблизятся по урожайности к показателям опытной станции, — а у них имеются для этого все условия, — то этот район, располагающий почти 35 тысячами гектаров поливных угодий, может полностью обеспечить потребность населения Тбилиси и Рустави как в овощах, так и в молоке.

По имеющимся данным тысяча человек могут быть обеспечены продуктами с 15 — 30 гектаров орошаемых земель.

У нас много передовых хозяйств, где в результате проведения мелиоративных и прочих агротехнических мер из года в год получают высокие и устойчивые урожаи.

Однако на фоне задач, поставленных на будущее, даже достижения наших передовых хозяйств нельзя считать удовлетворительными.

Достаточно сказать, что в нашей республике площадь ирригационно-неподготовленных поливных земель превышает 7 тысяч гектаров.

Вместе с тем в 1965 году 42 тысячи гектаров поливных земель использовались под сенокосы и пастбища, а 112 тысяч гектаров вовсе не поливались. Все это вызвано в основном плохой ирригационной подготовкой поливных земель — недостаточностью воды для полива, неупорядоченностью внутрихозяйственной поливной сети и сооружений, неудовлетворительным проведением культурно-технических и агромелиоративных мероприятий. Это обстоятельство осложняет подачу воды и равномерное ее распределение по всей площади. Этот вопрос требует более серьезного внимания со стороны заинтересо-

ванных хозяйств и со стороны сельскохозяйственных и водохозяйственных органов.

Сейчас главная задача партийных, советских, сельскохозяйственных органов состоит в том, чтобы навести образцовый порядок на землях каждого колхоза и совхоза для получения обильных устойчивых урожаев.

— Чтобы справиться с этой огромной работой, нужна мощная техника, нужны кадры. Как в нашей республике решается эта проблема?

— Колхозы и совхозы уже ощущают недостаток в кадрах мелиораторов.

Редко можно встретить хозяйства, где есть квалифицированные специалисты-мелиораторы, которые призваны руководить уходом за оросительной сетью и обеспечивать проведение целого комплекса агротехнических мероприятий.

Вопросам подготовки кадров мелиораторов, поливальщиков, оплаты их труда сейчас должно уделяться особое внимание.

Поливное земледелие и мелиорация нуждаются в квалифицированном руководстве.

Более чем в 900 хозяйствах республики, имеющих поливные земли, работают всего 50 гидромелиораторов. В Грузинском сельскохозяйственном институте прежде существовал факультет гидромелиорации. Видимо, необходимо будет восстановить этот факультет.

Что касается водохозяйственного строительства в нашей республике, то оно имеет у нас большие традиции. У нас есть опытные и знающие научные кадры, проектировщики и строители.

Они построили много крупных важных объектов. В строительстве ирригационных сооружений широкое использование получили изготовленные заводским способом предельно напряженные железобетонные желоба и другие элементы. Как проектирование, так и внедрение этих конструкций впервые осуществлено у нас. Научно-исследовательские учреждения создали новые типы узлов гидротехнических сооружений, аппаратуру для искусственного дождевания и др.

В последние годы в республике многое сделано по внедрению искусственного дождевания — одного из наиболее совершенных методов полива.

Но этого недостаточно.

Надо смелее вносить все технические новшества, применять новую совершенную аппаратуру, созданную научно-исследовательскими институтами.

В целях улучшения эксплуатации ирригационных систем следует широко внедрять автоматизацию и телемеханизацию управления этими системами. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Установки для автоматизации и телемеханизации ирригационных систем внедрены на Гардабанской оросительной системе. Достижения этого опытного участка должны быть положены в основу внедрения новой техники и на других ирригационных системах.

Для успешного осуществления новой широкой программы мелиоративных работ необходимо улучшить деятельность проектных и строительных организаций. Надо создать соответствующую материально-техническую базу, построить заводы по производству железобетонных элементов, базу механизации, ремонтные мастерские и др.

— Множество больших дел предстоит осуществить в ближайшие годы. Эти дела потребуют активного участия и пристального внимания партийных и советских работников, труженников сельского хозяйства, ученых, специалистов самого различного профиля.

В чем, по Вашему мнению, может выразиться помощь и участие в этих грандиозных делах работников литературы, работников печати?

— Для выполнения задач, стоящих сейчас перед страной, действительно, необходимы объединенные усилия всего нашего народа.

Работники литературы и искусства, журналисты должны создавать такие волнующие произведения, чтобы поддерживать в миллионных массах трудящихся творческий дух, поддерживать и развивать революционную волю в борьбе за победу коммунизма, возвеличивать героические дела советских людей. Учитывая особенности идеологической работы в современных условиях, они должны воспитывать в советских людях глубокую идейную убежденность в правоте нашего дела. Это дело чести советских литераторов и журналистов, дело их жизни.

Активная и целеустремленная пропаганда, разъяснение решений XXIII съезда партии, постановка серьезных вопросов, связанных с выполнением задач в области хозяйственного, экономического и культурного строительства — главная задача всей советской печати.

Дублицистика

Тина ДОНЖАШВИЛИ

Мой город — Тбилиси

Почему-то у нас узаконилось — до того, как сказать несколько слов о недостатках, необходимо сперва обстоятельно перечислить все достижения и лишь под самый конец, после всеобязательной фразы: «...несмотря на успехи...», приступить к изложению сути. Мне думается, что это не закон, а просто привычка.

Все то доброе и хорошее, что делается на любом участке нашего стремительно развивающегося строительства, своевременно находит широкий отклик, единоедушное признание, вызывает восторг, порой даже чрезмерный, и по-моему, нет никакой необходимости в каждом отдельном случае снова и снова перечислять все успехи и достижения.

Мне хочется поговорить о внешнем облике столицы нашей республики. Для того, чтобы Тбилиси стал еще краше и благоустроеннее, сделано так много, что трудно все перечислить, поэтому я буду говорить лишь о том, что глубоко волнует моих друзей и товарищей, писателей и читателей, знакомых и незнакомых, — и всех тех, кто по-настоящему любит наш город.

В последнее время особое внимание уделяется благоустройству проспекта Рушавели. В результате исключительного внимания к нему на главном и красивейшем проспекте города мы последовательно узрели памятник Илье Чавчавадзе и Акакию Церетели, здание касс Аэрофлота и, наконец, две скульптурные группы перед Домом правительства.

Я не знаю, где и как, когда и в каком творческом коллективе, в каких инстанциях происходит рассмотрение и утверждение того или иного проекта, кто определяет — станет ли осуществленный проект достойным украшением города или ляжет уродливым пятном на

Статья печатается в порядке обсуждения.

его облике. Трудно поверить, чтобы всем, кому своевременно надлежит высказать свое компетентное мнение, кого профессия призывает быть требовательным и бескомпромиссным, кого, наконец, должность и положение обязывают быть на высоте ответственности, — трудно поверить, чтобы всем им нравились упомянутые выше образцы скульптурного искусства. Поверить в это просто невозможно, и поэтому остается с грустью думать о том, сколь велик общественный вред, наносимый ненавистным равнодушием и невмешательством или же превратно понятым чувством дружбы и коллегиальности... Мне ничего другого не остается, кроме как просить прощения у наших глубокоуважаемых общепризнанных скульпторов и архитекторов за откровенность, пусть не сочтут они ни дерзостью, ни наивностью мой вопрос — неужто они сами не знают, что такое хорошо и что такое плохо?

Ведь плохо уже то, что духовная близость двух таких мыслителей и общественных деятелей прошлого века, как просветитель и вождь национально-освободительного движения в Грузии Илья Чавчавадзе и грузинский соловей Акакий Церетели — в работе скульпторов В. Топуридзе и Ш. Микатадзе разрешена чисто формально, механическим сближением двух фигур во весь рост, притом, каждая в отдельности отнюдь не вскрывает характер и глубину данного образа.

От разговора об уродливо-вычурном здании касс Аэрофлота (по проекту Дж. Тутберидзе) освобождает нас то обстоятельство, что построенное всего около пяти лет назад здание это подлежит сносу.

Что же касается монументов, заслывших великолепный фасад Дома правительства, то они не отличаются ни каким-либо интересным замыслом, ни национальным характером, ни оригинальностью, ни новизной художественного решения поставленной задачи. Они

явно дискредитируют вкус нашего изобразительного искусства, и просто уму непостижимо, как им удалось взобраться на столь высокий пьедестал?! И какой неисчерпаемо богатой темой могли бы послужить мужество и благородство скульпторов В. Топуридзе и Ш. Микатадзе, призной они необходимость переселения этих монументов на более подходящее место!..

В мире много городов, и известно, как бы они ни были похожи друг на друга, каждому из них присущи свои отличительные черты, свой облик, свой особый характер. Тбилиси от всех других городов мира отличается своим неповторимым рельефом. На протяжении истории Грузии Тбилиси не раз сжигали и разрушали. Бывало — все, сделанное в нем руками человека, — стиралось с лица земли, все живое выжигалось вокруг него, но сам город каждый раз вставал из пепла юный и прекрасный, своей неуязвимой прелестью притягивающий к себе друзей и недругов. Ни иноземные захватчики, ни грозные исторические бури не смогли нанести ущерб его своеобразной природной красоте. Тем иноземным захватчикам, может, было и невдомек, что это возможно. Ведь даже слуги царского самодержавия, превратившие в казематы старинную защитную крепость на Метехской скале, зарешетившие окна бывшего дворца, устроившие в нем застенки, в которых подвергались пыткам прославленные борцы за свободу, не додумались увечить скалу, на которой стояла крепость. И невыносимо больно, просто невозможно сейчас смотреть на Метехи. Цементный барьер сверху и несоизмеримо высокий мост снизу сделали его похожим на оскопленного старца. Дорого обошлась древней стене «новизна»; вот когда ей грустить об отнятом назначении — придавать городу глубоко впечатляющий облик.

Отнято это назначение и у скалы вдоль подъема имени Бараташвили. Взросший оборот городского транспорта потребовал замены старого узкого моста — новым. Но для сооружения нового моста и расширения прилегающей к нему площади — подняли грунт подъема, усели скалу. А ведь зимой эта скала, как нерукотворная декорация, очаровывала зрителей сказочной тканью ледяного ковра, ослепительно переливающегося всеми цветами радуги. С весны же, источая кристально-фильтрованные капли почвенных вод, она влекла к себе людей своей прохладой. Теперь же человек, идущий из центра города, уже не замечает приземистое, приземленное начало скалы, зато в глаза ему бросается новый мост (кстати сказать, решетками своими очень напоминающий детскую кроватку), мост, подобный которому можно встретить

где угодно, в любой стороне нашей необъятной страны.

Немного рек могли бы похвалиться равномерным заселением обеих своих сторон, немного рек могли бы гордиться таким изумрудно-гранитным одеянием своих берегов, как Мтквари. Многоградальная в прошлом река, теперь — рабочая, неумоимо-деловая, красотой своих набережных воспитывающая в человеке эстетическое чувство, — вправе требовать соответствующих ее характеру поясов, связывающих ее берега. Конечно, речь идет не об «архитектурных излишествах», я имею в виду самобытность, которой все чаще и чаще стали пренебрегать наши строители и зодчие. Ведь для того, чтобы решительно все наши новостройки отличались своим самобытным решением, у нас имеются неисчерпаемые возможности. Умеют же у нас вдохнуть жизнь и национальный дух в самую обыкновенную, дешевую глину...

В наш век фантастически развитой техники трудно людей удивить новым мостом или заасфальтированной площадью. Да, жизнь надо делать удобной, но необходимо это сочетать со всеми другими факторами не меньшего значения. И вот тут-то возникает пугающая меня мысль.

Еще раз прошу прощения у своих современников — зодчих (меня упорно тянет называть всех архитекторов и строителей — зодчими, потому что, мне кажется, это больше обязывает их высоко держать зная и беречь славу грузинского зодчества), я ведь позволю себе говорить только о том, о чем имеет право говорить любой гражданин — об уже осуществленном замысле, об объектах, уже ставших достоянием общества. И присматриваясь к реализованным замыслам, я нередко прихожу к выводу, что внимание их авторов, авторов сооружений общегородской значимости — сосредоточено исключительно на своем объекте, что игнорируя все другие факторы, они часто руководствуются единственным желанием (может, и продиктованным большой любовью к своему городу), чтобы новый памятник или новое здание были построены по их проекту, желанием, которое подчас заслоняет им ответственность перед городом, перед его специфическим обликом, перед соотечественниками, перед потомками.

Не проводя никаких параллелей, отнюдь не взывая к старине, хочется просто вспомнить общезвестную истину. Почему памятники грузинского зодчества далекого прошлого и сегодня вызывают восхищение? Почему они будут вызывать восхищение всегда, пока будут существовать (при нашем отношении к ним, им не так уж долго существовать). Даже когда следуешь по самому глухому бездорожью и вдруг возникает ста-

ринное строение, пусть даже одна обвалившаяся стена архитектурного памятника, то каждый, кто бы он ни был, откуда бы он ни был, невольно ощущает вдохновенный порыв зодчего и пространственное величие окружающей природы. Уберегите эти остатки развалин, и все пространство вокруг вдруг лишается привлекательности и величия. В этом и состоит гениальность известных и неизвестных нам зодчих — глубокая продуманность ансамблевости, кровное сочетание творчества с природными данными, в умении с беспредельным вкусом спаять воедино собственное создание с окружающим пейзажем. Их высокое искусство и мастерство, органически вливаясь в природу, становилось ее радостным, логическим завершением.

Неприятно повторять азбучные истины: не все новое прекрасно. Прекрасное новое не возникает на пустынном месте, не может возникнуть, не имея никакого наследия от предыдущих поколений. Не все новое прекрасно, когда оно поставлено не на место, когда игнорируются полезные традиции, созданные мощным, всегда смотрящим вперед гением народа. И сколько раз мы бываем наказаны за высокомерное отношение к безусловно ценному наследию из-за желания укрепить за собой славу «первооткрывателей»?

Вот ведь не так уж много в мире городов, у порога которых высятся гора, органически вписанная в рисунок города, неотъемлемо сливающаяся с улицами и с жизнью населения этого города, как наша гора Мтацминда. И вот прекрасный павильон на верхнем плато фуникулера, выполненный с изысканным вкусом и на уровне современных требований, павильон, который украсил и обогатил бы любую открытую местность, остался бы достойным памятником времени, — не подчекнул счастливого сочетание горы с городом, не обогатил пейзаж, а крышей лег на Мтацминду, принизил, обеднил ее, превратил ее в ординарный пьедестал для архитектора. Может, из-за отсутствия соответствующего пьедестала выглядит грибом всажённый в землю Дворец спорта.

Есть у нас новый проспект Важа Пшавела. Он мог бы быть во всех отношениях чудесным. Само имя этого проспекта могло стать зримым символом удивительного сочетания немеркнувшей славы гения с настоящим и будущим города — новый проспект в цивилизованном городе, с изумительной перспективой уходящих вдаль и ввысь синих, лиловых, сиреневых гор... Так нет же! Взяли и превратили проспект в тупик, наглухо занавесили железобетонной стеной, в конце проспекта поперек поставили дом-машину, а мы должны радоваться, что скоро будет готово здание Института кибернетики! Как можно было додуматься до такого? Для чего это?

Зачем? Это не вызвано никакой необходимостью, ибо за этой машиной, за железобетонной стеной уже возникли новые корпуса... А что, если ни строители, ни главный архитектор города, ни должностные лица, так хоть кибернетики запротестовали бы против замысла, граничащего с преступным недомыслием?

И разве не говорит о полнейшем игнорировании ансамблевости, общего стиля, облика и характера города, когда вдруг шипом вонзается в глаза направляющегося с левобережной части города на правую — высотное здание гостиницы. Уродливо торчащее, заслоняющее собой вид на поднимающиеся к склонам Мтацминды зеленые террасы улиц, подавляя всю окрестность, выдвигается оно нелепо, как единственный зуб во рту. Говорят, что это временно, что вокруг будут такие же высотные дома, будет ансамбль. Где? Вдоль проспекта Руставели? На хребте, нависающем над набережной? Зачем? Чтобы не было Тбилиси, а был бы «типовой» город, застроенный в XX веке? Почему нельзя высотные здания вынести из центра? Почему такое отсталое «новшество»? Где сейчас, в центре какого культурного города строят высотные здания? А если и строят где-нибудь, разве обязательно копировать их? Может, там «высотки» нужны, чтобы занять плоскости... Какой культурный народ захочет высотными домами замаскировать тысячелетнюю историю, облик, самобытность своей столицы?

Разумеется, не утверждая, а только раздумывая, я ставлю себе вопрос: если по плану реконструкции или видению архитекторов в центре все же должны быть построены высотные здания, может, стоило бы ставить их не на пике, а поднимать снизу, прямо с набережных, к тому же оживляя берега на всем протяжении чайными и кафе.

А сейчас, мне кажется, что именно в связи со строительством этой высотной гостиницы, именно для того, чтобы явственнее потрясти зрителя ее видом, оживились затухшие было разговоры о сносе большого углового дома на площади Руставели. Сейчас эти разговоры связывают с необходимостью реконструкции этой площади. Да, и обширная площадь, и вид на высотное здание, пожалуй, хорошо, но зачем забывать, что население дома, которому угрожает снос, — это целый городок, и невидимые подземные службы этого крепкого, фундаментального дома составляют огромное хозяйство? И кроме того, он более на своем месте и более тбилисский, чем дом напротив него, сооруженный совсем недавно и не очень то украшающий проспект и площадь Руставели.

Разве проблема благоустройства города — это проблема бесконечного урбанизации одного проспекта и площади Руставели? Сколько более неотложных дел в городском хозяйстве ждут своей очереди. Хотя бы реставрация домов на том же проспекте Руставели, выкрашенные фасады которых скрывают их аварийное состояние. Хотя бы расширение улицы Марджанишвили, магистрали, соединяющей правобережную часть города с левобережной. Хотя бы столь запоздавшая очистка от трущоб района площади К. Маркса и по склону спуска Элбакидзе, и вокруг шелкоткацкой фабрики и т. д. и т. п.

Памятником, правда, недалеких времен, но начала славы грузинских вин стоит на улице Меликишвили здание винного завода. С невидимыми специализированными погребками, построенными из марсельского стройматериала, с наземными надстройками и парком с вековыми чинарами, соснами и кипарисами, которым сродни растения знаменитого цинандальского парка Чавчавадзе, он как бы является приятной неожиданностью центра города. Уже в наше время принесший всемирную славу грузинским винам, завод, обладающий тридцатью всемирными и всесоюзными конкурсными медалями, завод, дающий немалый доход государству, решили потеснить. Опуская предшествующие «раскулачивания», непоправимый ущерб территории завода нанесло строительство жилого дома АН Грузинской ССР. Спроектированный заводом ущербно, отнявший часть территории завода, уничтоживший редчайшие деревья, подлежащие охране, дом этот стал вприкурку к заводу, к постоянному неудобству населения жилого дома и работников завода. Но и этого оказалось мало. Возникла необходимость в районе университета открыть чайную. Чайная — очень хорошее и нужное дело. Давно пора иметь в Тбилиси много, очень много чайных и кафе. Подходящих мест для них в городе сколько угодно, разве обязательно строить в ущерб другим немаловажным объектам? И если новая чайная нужна нашей многотысячной студенческой молодежи, так ведь тут же к зданию университета прилегает совсем недавно украсившая город Варазхевши?! И обе ее стороны на всем протяжении с успехом могут быть использованы строителями. Но авторы проекта новой чайной решили, что лучше урезать одно крыло у винного завода. Решили и добились разрешения — урезали одно крыло, несколько не считаясь с тем, что нарушили архитектурно и художественно метко скомпанованное здание.

Нужно ли доказывать, что убоженый и благоустроенный пантеон писателей и общественных деятелей является

показателем культуры народа не в меньшей степени, чем проспект, площадь или павильон. Однако десятилетиями делятся дискуссии о необходимости расширения Дидубийского пантеона. На расширение давным-давно была выделена обширная территория вплоть до берега Мтквари. Годы проходили, а хозяина, который бы взялся за осуществление решения, — не нашлось. Зато нашлись люди, дающие и получающие незаконные разрешения — в недозволенной близости от пантеона возникли жилые дома железнодорожников, и возникли претензии жильцов этих домов на близость пантеона (?). Снова начались дискуссии (как правило, они начинались в момент решения вопроса о погребении умершего деятеля). Родились новые решения, протоколы, межведомственные переговоры. Наконец, большие, авторитетные комиссии с участием главного архитектора города И. Чхенкели (при нем же и построены дома железнодорожников), шагами вымеривали остатки территории, еще годной для расширения пантеона, даже высчитывали, на какое время эта территория сможет обеспечить скорбную потребность. Отложно взялся за дело обещал председатель Литфонда, но не найдя поддержки (?), отступил. И в то же время, опять по незаконному праву, к обремененному участку для пантеона быстро прилегли детский сад, башня неизвестного назначения, парники школы-интерната и пр. Но к великому сожалению, писатели и деятели умирали, им надлежало быть похороненными в пантеоне, и поэтому сейчас в нем не осталось даже трюнок. Подход к могилам затруднен и вязкостью почвы, а скромное требование — выделить две-три машины битого кирпича — годами остается тщетным. Разве делает честь нашему городу, когда тысячи туристов, приезжающие в Тбилиси, желая отдать дань ушедшим от нас выдающимся деятелям, застают пантеон в таком виде? И разве не менее неудобно будет из-за отсутствия должного отношения к этому делу стать вынужденными открывать в городе новый, третий по счету, пантеон?!

Городское хозяйство далеко еще не налажено даже в чуть отдаленных от центра районах. Там то вдруг гаснет электричество, то нет воды, то батареи остаются холодными, не говоря уже об отсутствии телефонной сети. Вызвать «скорую помощь», пожарную команду или позвонить в милицию редко кому удается. «Нет кабеля», — получают стереотипный ответ люди, домогающиеся необходимого телефона как несусветной роскоши.

Я допускаю, что по мнению многих людей, получившему квартиру нечего еще выпрашивать телефон; что одну-две

зимы жить с холодными батареями — не беда; что запастись керосиновой лампой и водой на два-три дня — это показатель хозяйственных способностей; что имея изумительные подземные дворцы первоклассного метро, нечего печалиться по мелочам; что для конечной, общей цели советский человек должен быть стойким и терпеливым.

Я допускаю, что по мнению многих, все что строится и делается, так и должно строиться и делаться, что все идет нормально. И меня безгранично радуют леса новостроек, и новая площадь, и новый мост, и даже малюсенький ларек.

если он украшает город и отвечает своему назначению. Мне кажется, что за последние годы мы полностью отдали дасть «типовому», с завидной точностью делающему некоторые районы Тбилиси похожими на любой другой город Советского Союза. Но я хочу сказать, что Тбилиси — мой город, он принадлежит и мне, и я хочу радоваться и гордиться всем тем, что делается для его благоустройства. Я хочу, чтобы новостройки не затеняли, а подчеркивали все то, что делает Тбилиси своеобразным и неповторимым, что отличает его от всех других городов мира.

Хроника

ПРЕМИИ ИМЕНИ КОМСОМОЛА ГРУЗИИ

Постановлением бюро ЦК ЛКСМ Грузии учреждены четыре премии имени комсомола Грузии в области литературы и искусства. В частности, премии будут присуждаться за лучшие произведения художественной литературы (роман, рассказ, поэму, пьесу, сценарий, сборники стихов, критических статей, новелл, очерков).

Помимо диплома лауреата премии имени комсомола Грузии и нагрудного знака, награжденные получат денежную премию в размере 200 рублей.

Имя лауреата заносится в Книгу почета Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Грузии.

Окончательное решение о присуждении этих премий принимает бюро ЦК ЛКСМ Грузии.

Представлять произведения на соискание премии имени комсомола Грузии могут областные, городские, районные и первичные комсомольские организации совместно с учреждениями культуры, творческими союзами и их отделениями на местах, а также вместе с органами печати.

Присуждаться премии будут раз в два года, в день рождения комсомола Грузии — 31 марта.

— Премии эти учреждены, — говорит секретарь ЦК ЛКСМ Грузии Р. Метревели, — с целью поощрения молодых писателей, композиторов, художников, актеров, режиссеров, операторов.

Произведения, представленные на эту премию, должны быть высокоидейными и высокохудожественными, должны вдохновенно рассказывать о жизни молодого поколения, его авангарде — Ленинском комсомоле, борющемся за построение коммунистического общества.

800 лет
Руставели

Нодар НАТАДЗЕ

Персонажи „Витязя в тигровой шкуре“

«Витязь в тигровой шкуре» — произведение, возникшее на почве традиций героической и любовной эпикки. Однако поэма Руставели отличается от этих жанров литературы позднего средневековья не только тем, что она имеет в виду ценности общего порядка, придавая им большее значение, чем самим событиям, но и характером отношения к персонажам.

Персонаж интересен для Руставели не только как действующее лицо повествования и субъект определенного чувства, но и сам по себе, как реальный человек, со всеми отличающими его от других людей личными качествами, достоинствами и недостатками и своей социальной принадлежностью. Образ Фатман — это полный и, возможно, один из первых в мировой литературе, писанный рукою романиста характер, который индивидуален во всех деталях своей речи, во всех поступках и чувствах, и где каждый штрих, использованный в создании образа, обращен к чувству правды и жизненному опыту читателя, а не только к его фантазии. Физический портрет Фатман создает пластически осязаемое представление умеренной красоты («приятна на вид», «хорошо сложена», «бронетка» и т. д.). Автор с предельной строгостью отбирает психологически наиболее типические черты Фатман, дающие читателю возможность дополнить психологический портрет героини остальными не названными ее качествами («очаровательна», «любительница вина», «весела», «щеголиха» и т. д.). Затем, прибавляя отдельные новые детали, также апеллирующие к чувству правды у читателя, автор ведет рассказ о любовных и прочих похождениях Фатман: эта беззаботная жена купца, которая «не довольствуется» своим безобразным мужем и не стыдится этого, влюбляется в идеального героя и в «жалостном послании» просит его снижения. Эта любовь ни при каких обстоятельствах не победит трезвой практичности Фатман — именно по-

следняя заставляет ее отменить первое же свидание (она ждет своего старого возлюбленного). Поддавшись настойчивому требованию Автандила, она все же на свидание соглашается и вежливо скрывает страх, более сильный, чем любовь; но затем, оказавшись в опасности, Фатман не упускает случая напомнить Автандилу о своей самоотверженности («Я сама себя убила в слепоте любви твоей»). Перевод П. Петренко); беспечность и легкость ее любви, меньшая, в сравнении с другими, более реальными мотивами, сила ее чувства описаны в поэме трезво, вне всякой гиперболизации и романтики: одним словом, Фатман — вполне реальный человек. Образ ее читатель не конструирует из заданных автором черт, а узнает его, видя в Фатман представительницу одной из разновидностей человеческого племени, — узнает даже и сегодня, так как в обрисовке этого образа, наряду с социально-конкретными штрихами, использованы и штрихи собственно психологические, рисующие данный тип мысли и чувств. Впечатление этой жизненной подлинности образа Фатман еще более усиливает точная передача беспричинной смены настроений этой избалованной особы на протяжении ее короткой роли (сначала с купеческими женами: «Я играла и резвилась, меняла прически и косынки», потом — «За вином вдруг я стала не в духе, я осталась одна, мной овладело какое-то уныние», «Я открыла окно и стала смотреть на дорогу, я глядела, стараясь развевать усиливавшуюся во мне печаль»).

Аналогичными приемами нарисован в поэме образ вазира, наделенный, наряду с полной психологической и социальной конкретностью, чертами сатиры, а также мягкого юмора. Этот почтенный, хитрый, добрый и корыстолюбивый старик — также характер в современном понимании этого слова, то есть персонаж вполне реальный, все черты которого не только жизненно-правдоподобны, но и типичны, и позволяют допол-

нить образ остальными штрихами. Подобный же реальный элемент повторяется в бытовой и психологической характеристике царя Индии (507, 516, 573, 575). Указанный способ обрисовки персонажей «Витязя в тигровой шкуре» — для автора метод вполне сознательный, имеющий целью наглядное отображение действительности и создание фигур подлинных героев, похожих на действительных.

Это — реализм, которым Руставели владеет в совершенстве и который он применяет в обрисовке некоторых персонажей. Но указанные персонажи и соответствующие эпизоды — лишь отдельная деталь в художественной структуре «Витязя в тигровой шкуре», не создающая суть поэмы. Более того, ни один из этих героев, нарисованных с такой трезвой пронизательностью и с таким реалистическим мастерством, не является даже предметом серьезного отношения со стороны автора: эпизод с вазиром для Руставели — это лишь случайное вторжение низкой эмпирической действительности в ткань поэмы. Отношение Руставели к вазиру, невзирая на его высокую должность, явно иронично. Торговый город с царем и всеми его жителями (включая и Фатман) — также сравнительно низкий мир, мир низменных, чувственных радостей. Истинным предметом поэтического вдохновения является для Руставели иное — это идеальные герои и их судьбы. В создании образов этих героев не использованы бытовые ситуации, с помощью которых раскрываются характеры Фатман и вазира, но не потому, что автор не нашел их (этих ситуаций), а потому, что они ему не нужны: идеал, как известно, не имеет ни меры, ни слабостей, он не встречается в жизни и возможность рисовать его, пользуясь обычной мерой реальных слабостей и реальных достоинств, жизненно нам знакомых, — в данном случае исключается. Но эта задача и не стоит перед Руставели; образы идеальных героев служат у него не отображению действительности, как она есть, но, в определенном смысле, ее созданию в соответствии с собственными представлениями и понятиями. С этой точки зрения отношение Руставели к персонажу в целом средни относительно к нему героической эпикей, возвеличивающей героя, к каковой относится подавляющее большинство бытовавших в его литературном окружении произведений. Но принципиальная новизна, внесенная поэтом в литературную позицию современной и предшествующей ему эпикей в том, что для него предмет возвеличения не конкретный (легендарный или исторический) герой, но совершенный человек вообще — тот идеал рыцаря, который создали его время и его фантазия, и тот идеал жен-

щины-царицы, который возник в его сознании как отражение достоинств царицы Тамар и в котором великий прототип не мог быть повторен слишком легко различными штрихами.

Совершенство для Руставели — это сложный комплекс человеческих свойств, и рисуя каждое из них, Руставели неизменно сочетает два элемента своей палитры — реалистичность и гиперболизм.

Совершенство как для женщины, так и для мужчины — это прежде всего бесподобная красота. С целью создать впечатление этой красоты Руставели свободно использует наглядные детали, рисуя отдельные черты внешности героя, его одежды, его позу, и даже его манер и движений. Он также применяет и не совсем материальные, тонкие эпитеты, дополняющие наглядный образ женщины психологическими деталями восприятия ее героем («Внушающая благоговение и избранная, бесподобная лицом и станом»). Но превыше всего этого стоит поэтическая гипербола, по преимуществу, — образы, основанные на астральной символике и представлениях «света», вносящие в описание красоты героя черты сверхъестественности, избранности, приобщения к необычному высшим началам. Эти гиперболические образы внезапными ослепительными вспышками вторгаются в реалистически наглядное повествование. Но при этом они не только не противостоят основной реалистической линии создания образа героя и развития сюжета, не только не стоят вне ее, но сливаются с ней, приобретая тем самым убедительность. В описании красоты героев с тропикой «света» органически сливается натуралистическое описание возростного изумления, вызываемого идеальными героями у окружающих (очарованный Автандилом, «садовник бежит радостно выполнять его поручение, пот каплет ему на грудь» и т. п.).

В «Витязе в тигровой шкуре», как в героической эпике вообще, военная доблесть — важнейшее достоинство мужчины-героя и один из составных элементов его совершенства. Поэма насыщена богатыми и многообразными картинами битв, побед, поражений, угроз и мести. Но в поэме описание битв, как правило, в высшей степени реалистично, и нигде конкретность и индивидуальность отдельных его штрихов не принесена в жертву возвеличению физической мощи и мужества героев. Сражение всегда имеет здесь свой индивидуальный план, свою реальную тактику. Даже непобедимый Тарнел, как выясняется в конце боя, в самой героической из своих битв сначала отступал в ожидании подкреплений (451). Описывая сражение, Руставели не забывает ни эмоций его участников (445), ни настроения воинов и

мер, принимаемых с целью воздействовать на него (439, 451, 452, 455), ни общей панорамы боя, воспроизводимой им с физической осязаемостью. На этом реалистическом фоне кажутся убедительными фактически невысказанные подвиги героев поэмы.

В понятие совершенства, как один из его элементов, входит у Руставели высокое социальное положение героя. Обязательность этого признака, играющего существенную роль в создании образов идеальных героев поэмы, отмечена Руставели и в дискурсивной форме в прологе поэмы, где «богатство», «щедрость», «досуг» относятся, наряду с другими достоинствами, к обязательным качествам полноценного или «достойного рыцарской любви» человека. Общественное положение идеальных героев «Витязя в тигровой шкуре» выше, чем этого требуют перечисленные в прологе заповеди. Но опасность абстрактности и трудности восприятия этих персонажей снимается социальным реализмом обрисовки их образов, конкретностью в изображении обусловленных их положением ситуаций и обилием индивидуальных штрихов. Феодальная природа и феодальные интересы идеальных героев нарисованы с предельной конкретностью, дающей возможность изучения известных из истории социальных связей «изнутри» — со стороны человеческих взаимоотношений и нравов. Высокое положение идеальных героев порождает в них чувство социальной гордости и социальной ответственности, что является одной из существенных сторон их личной исключительности и значительно усложняет их характер. Способность и возможность называть и награждать, щедро одаривать и заботиться об установлении счастья и справедливости на земле — все это неотъемлемые и к тому же наиболее пленительные в глазах читателя качества идеальных героев поэмы.

Идеальные герои Руставели наделены мудростью, которая часто упоминается в поэме, красноречием, блестящим в их монологах и диалогах, «несравненной» красотой движений и безмерной щедростью. Но наиболее характерно для них, наряду со всеми этими качествами, чувствительное сердце — способность к сильным эмоциям, к аффекту, которая обращает их скорбь в «кровавые слезы», а радость возносит подобно «столпу света».

Ясно, что все эти качества, в отличие от черт, характеризующих Фатман и вазира, не вмещаются в рамки типического и в рамки бытового реализма. Читатель не может узнать героя по этим чертам, поскольку его жизненный опыт не дает ему соответствующего материала для сравнения. Но все же конструирование этих идеальных образов главных героев Руставели в сознании

читателя происходит не так, как в рисующей идеальных героев героической и любовной эпике, где читатель ограничивается лишь простым синтезом тех идеальных качеств, которые упомянуты автором. Идеальные образы Руставели наделены и другим свойством, которое делает их живыми людьми, а не идеальными схемами, и в не меньшей степени находит резонанс в нашем интуитивном чувстве правды, чем бытовые детали образа Фатман. Это — полная психологическая правдивость и точность, присущие всем перипетиям действий и переживаний героев, которые придают жизненную подлинность динамичным гиперболически выраженным чувствам. И достоинства героев, и сила их чувств, и форма выражения этих чувств преувеличены (гиперболизированы). Но качественная их определенность (то есть, что это за чувство: радость ли, печаль ли и т. д.) не только реальна, но в каждом отдельном случае является тонкой индивидуальной деталью, апеллирующей, как всякая вообще реалистическая деталь в литературе, к нашей интуиции и жизненному опыту.

Именно эту динамику развития чувств и переживаний и узнает читатель в идеальных героях поэмы как близкую ему и общечеловеческую. А поскольку содержание этих правдиво нарисованных чувств и желаний идеальных героев достаточно богато, чтобы создать в глазах читателя полную и самодовлеющую картину духовной жизни персонажа, и сами эти идеальные образы предстают перед нами живыми людьми из плоти и крови.

Таким образом, главные герои «Витязя в тигровой шкуре» одновременно и абсолютно реальны и идеальны. Руставели создал образы идеальных людей, стоящие по своей социальной и психологической подлинности на уровне наиболее реалистических образов наиболее реалистических творений мировой литературы. Это уникальное в мировой литературе достижение, в котором, наряду с личным гением Руставели, отразилось оптимистическое мироощущение грузинского народа (в частности и в особенности, конечно, военно-феодального класса), вступившего на путь кратковременного, но бурного расцвета своей национальной государственности и национальной культуры.

Идеальные персонажи поэмы пленяют читателя, потому что кажутся ему непревзойденным образцом всех доблестей. Но в то же время этот идеал настолько реален, что читатель не видит между ними и собой непреодолимой пропасти. Правда, идеал эпохи Руставели отличен от идеала других эпох (поскольку доля специфически феодальных элементов в идеале Руставели достаточно велика), но в создании этого идеала

Руставели оперирует столь общими категориями, и чувства, на которых построены его образы, лежат на таких глубинах человеческой природы, что образы эти не теряют своих живых красок. Сегодня эта лучезарная красота, величие, гордость, сила, любовь, страдания разлук и радость встречи пленяют нас так же, как и средневекового читателя, и потому именно эти образы, возникшие на почве феодального мировоззрения, обретают способность жить во все или почти во все эпохи истории, то есть обретают бессмертие.

Однако понятие совершенства для Руставели не исчерпывается одними лишь перечисленными выше качествами человека. Неотъемлемый и, возможно, наиболее существенный элемент его — это моральное совершенство.

Строгая и бескомпромиссная мораль является одной из отличительных черт главных идеальных героев поэмы, и на этом основании Вахтанг VI, а также ряд других комментаторов Руставели считают его писателем-моралистом. Ни один из второстепенных героев (за исключением Асмат, образ которой целиком построен на чувстве верности), несмотря на гуманность, доброту и сочувствие к главным героям, не наделен строгой нравственностью последних, а в духовном мире главных героев нет точек соприкосновения с естественными слабостями рядового человека, не вполне совместимыми с этой ригористической моралью, но нарисованными в поэме вполне сознательно и без всяких прикрас.

О женщине вообще или о рядовой женщине в поэме сказано:

Как утök основе, сердце отдаст любви
жена,
Стыд бесстыдной недоступен, совесть
вовсе не нужна;
Если тайное узнает, разболтает все она.

(Перевод П. Петренко)

Аналогична оценка человеческой слабости и в следующей строфе:

Никогда отрады злато златолюбцу не
даст,
Лишь со скрежетом зубным в землю
алчущий сойдет.
Злато входит и уходит, все не сходится
расчет;
Жадность к миру дух привяжет,
отвлекая от высот.

(Перевод П. Петренко)

Так охарактеризовано стремление к богатству, присущее человеку вообще, побуждающее слуг предать интересы царя. «Убей меня, если человеку что-нибудь (имеется в виду благородство, помощь ближнему и т. д.) пригодится

больше, чем жизнь», — открыто заявляет вазир. В таком духе характеризует Руставели природу обычного человека. Но все эти положения, данные в форме общих истин, касаются не главных героев, а лишь персонажей поэмы, которые стоят на уровне бытовой типичности персонажей (см. выше) и создают среду и фон для главных героев. Для Руставели строгая и ригористическая мораль — достояние не эмпирического, типичного человека, а лишь совершенного, идеального человека, созданного в соответствии с собственным идеалом поэта. Мораль, которая, таким образом, есть бремя и долг одних лишь избранных. — это бескомпромиссное чувство ответственности, бескомпромиссная твердость и стойкость чувства и бескомпромиссная справедливость, присущие идеальным героям и героиням поэмы. Выполнение заповедей морали в поэме, как правило, происходит естественно, так как соответствующие поступки героев продиктованы правдиво и живо нарисованной эмоцией (благодарность, любовь к другу, любовь к возлюбленной и т. д.). Однако в необходимых случаях мораль имеет и мировоззренческое обоснование (788 — 805). Поскольку у идеальных героев Руставели нет слабостей и грехов, свойственных эмпирическому человеку, их ригористическая мораль, как и духовный мир в целом, являются не подражанием действительности, а в известном смысле ее преувеличением, идеализацией. Но и в этом отношении, как и в отношении преувеличения других достоинств героев, образы последних не теряют своей убедительности и жизненности благодаря все той же психологической правдивости, с которой обрисовано течение их эмоциональной и этической жизни. Комбинируя лишь идеальные чувства и движущие мотивы (то есть наиболее высокие и этические из известных человеку), автор все же смог убедительно и жизненно нарисовать исчерпывающе полный и драматически напряженный внутренний мир своих персонажей.

Создание образа совершенного человека в «Витязе в тигровой шкуре» — это не только дело эмоции и не только узко художественная задача. Совершенство — это мерило, точка зрения, исходя из которых Руставели дифференцирует людей, и этой положенной в основу обрисовки персонажей идеей поэма пронизана от первой до последней строчки. Не все люди одинаковы («Не равны на свете люди». Перевод Ш. Нунубидзе): есть человек совершенный, физически и духовно сильный и прекрасный, — он источник всех ценностей и цель всего на земле; есть и иной — стоящий на той или иной ступени нисходящей градации совершенства, реальный (вернее,

эмпирический) человек, который для автора интересен и сам по себе, являясь для него предметом своеобразного эстетического любования, но в сравнении с первым он имеет ценность лишь как элемент среды и фона. Это — художественная концепция поэмы и одновременно общее ее настроение, которые создают ее внутреннюю целостность. Любовь и преклонение перед идеальными героями и их чувствами, наслаждение их совершенством, которые создал и воплотил в своем произведении автор, составляют поэтический пафос поэмы. Руставели дал вымышленное, но драматическое и психологически точное изображение идеального человека и определение его места в кругу прочих людей, достигнув при этом силы выразительности, присущей лишь немногим эпикам.

В этом общем настроении поэмы кроется объяснение того непринужденного тона, в котором описано умерщвление Автандилом Чашнагира. Автор «Витязя в тигровой шкуре» порой повергает в ужас убийство (557), и пролитие невинной крови (557, 543—549) представляется ему греховным делом. Но когда это нужно для его идеального друга,

Автандил не колеблясь убивает Чашнагира (1109 — 1118). Это обусловлено тем, что приближенный к царскому двору Чашнагир принадлежит все же к низкому купеческому миру — он житель Гулашаро и, как таковой, исключен автором из числа идеальных людей. Для Руставели возвеличение человека означает возвеличение лишь совершенства, в частности, возможного и представимого лишь для рыцаря-феодала совершенства, и это неизбежно в то время и в тех условиях, когда была создана поэма.

И все же, невзирая на эту аристократическую исключительность героев Руставели, образы их не носят печати холода и отчужденности, при наличии которых они могли бы вызвать лишь восхищение читателя, но не его любовь. Это потому, что беды и переживания идеальных героев — доступные читателю переживания человека вообще, а то физическое, умственное и моральное совершенство, которое сохраняют они в любых условиях, является вдохновляющим примером для всех тех, в чьих глазах воплощенные в этих образах высокие достоинства имеют какую-либо ценность.

Хроника

НОВЫЕ ГРУЗИНСКИЕ СЛОВАРИ

Сейчас готовится к печати одностомник Толкового словаря современного литературного грузинского языка, в который войдет до 55 тысяч слов.

Идет работа также по составлению историко-этимологического словаря.

Уже готовы словари картлийского и хевсурского диалектов. Скоро появятся словари пшавского и чаевского (лазского) диалектов.

„Бог“, „мир“ и „люди“ в поэме Руставели

*Восхвалить дела их может
лишь внимательный читатель.
Шота Руставели.*

Если одним из основных условий исследования литературных памятников должна быть, с одной стороны, неусыльная зоркость литературоведа в отношении изучаемого текста, а с другой, осторожное, непредвзятое толкование этого текста, то анализ такого большого по объему, сложного и виртуозно построенного произведения, как поэма Руставели, требует от изучающего ее еще большей зоркости, еще более пристальной взглядчивости, внимательного вчитывания в словесную ткань «Витязя в тигровой шкуре», умения видеть связь между отдаленными по месту, но прочно спаянными по замыслу строфами, и — в то же время — требует строгого метода: делать выводы только из текста, не привнося в интерпретацию ничего извне, «от себя». Об этом, кстати, предупреждает и сам Руставели:

Но умело надо слушать, не толкуя слов превратно!

Изумительную поэму Руставели я читал множество раз, начиная с 1918 года, когда в мои руки попал вышедший в свет за год до того кокетливо-претенциозный перевод К. Д. Бальмонта «Носящий барсову шкуру», и особенно многократно с 1936 года, когда я работал над статьей «Руставели в русской литературе», а затем — читая курс литературы народов СССР в Ленинградском университете и других учебных заведениях. И всякий раз мое внимание останавливало то обстоятельство, что за причудливым, прихотливым, но всегда поразительно стройным развитием фабулы «Витязя в тигровой шкуре» просвечивает ясная и величественно простая оптимистическая идея: как ни сильно зло, добро всегда, в конце концов, побеждает:

Зло сразив, добро пребудет в этом мире беспредельно.

Именно в этом и заключается философская концепция поэмы, ее основная мысль, ее стержень. Все прочее, о чем справедливо писали исследователи, — «дружба и любовь»², «побратимство, дружба народов, культ женщины и любовь, усердие и верность в выполнении общественного долга, патриотизм»³ — является, говоря словами академика А. Г. Барамидзе, «ведущими идейными мотивами поэмы», а не ее главной мыслью. Из нее, этой основной идеи произведения, вытекают перечисленные и другие идейные мотивы (рыцарская доблесть, человеческая стойкость, истинная мудрость). Если бы в поэме не было основной, оптимистической концепции о конечном торжестве добра, все прочие идейные линии «Витязя в тигровой шкуре» были бы не связаны и не соподчинены. Вера в торжество добра не только порождает обычно отмечаемые исследователями мотивы, но и цементирует их в одно неразрывное, внутренне обусловленное целое.

Однако было бы ошибочно считать, что главная идея поэмы проводится Руставели прямолинейно, в форме голого дидактического тезиса.

¹ Здесь и в дальнейшем текст поэмы цитируется по переводу Ш. И. Нущубидзе. «Витязь в тигровой шкуре». Поэма в стихах. Тбилиси, «Заря Востока», 1949. Если в отдельных случаях приходится обращаться к другим переводам, это специально оговаривается.

² К. С. Кекелидзе. Конспективный курс истории древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1939, стр. 62.

³ А. Барамидзе, Ш. Радиани, В. Жгенти. История грузинской литературы. Краткий очерк. М., 1958.

Руставели писал не философский трактат, в котором можно и должно пользоваться абстрактными понятиями; он создал художественное произведение, где показал длительную и трудную борьбу между добром и злом на горестных и радостных судьбах людей, многообразно и противоречиво связанных друг с другом. И прославлял Руставели конечное торжество добра не в отвлеченных формах, свойственных средневековым западноевропейским мистериям и дидактическим поэмам, где выступают персонализированные «добродетели» и «пороки», а рисуя реальное, конкретное человеческое счастье, достигнутое в сложной, трудной борьбе.

И добро, и зло в поэме Руставели существуют не отдельно от людей, а проявляясь в их намерениях, действиях, поступках.

И, опять-таки, главные герои Руставели не являются носителями какой-либо одной — положительной или отрицательной — черты, а, напротив, выступают в разное время и в разных условиях по-разному — как люди и с большими достоинствами, и с недостатками, иногда, с нашей, современной точки зрения, крупными. Руставели не идеализирует своих героев, — в отличие от многих позднейших его исследователей; поэт понимает, что если бы его положительные герои не совершили, — пусть не по своей вине, — «зло», то в поэме не было бы оснований для борьбы за «добро», не было бы страданий, нравственно очищающих и возрождающих этих героев, не было бы завершающей победы, достигнутой в результате проявления этими героями высших начал «добра», — победы гуманизма, победы любви:

Нас спасла друзей любовь.

Таким образом, главная идея «Витязя в тигровой шкуре», схематически выраженная, может быть сформулирована так: «зло» побеждается «добром», действиями людей.

Великий художник, Руставели был в то же время хотя и выдающимся, но все же человеком своей эпохи и, чтобы быть понятным современниками, свою философскую концепцию он мог и должен был формулировать в терминах, понятных его читателям. Поэтому буквально в первых же стихах поэмы Руставели вводит три главных философских понятия, которые потом, на протяжении поэмы играют основную роль — «бог», «мир», «люди»:

Мир земной нам, людям, [бог] отдал...

В дальнейшем течении поэмы термин «бог» («вседержитель», «всеблагой») варьируется с терминами «небо», «владыка солнца» и др., а термин «мир» заменяется терминами «сатана», «диавол», «рок», «судьба».

Если отвлечься от частных, то в философской терминологии Руставели «добро» обозначается термином «бог», а «зло» — словом «мир».

В интересной книге проф. Ш. И. Нудубидзе «Руставели и восточный Ренессанс» (Тбилиси, 1947) достаточно подробно установлены источники философии автора «Витязя в тигровой шкуре». Может быть, следовало бы больше внимания уделить как возможному, даже несомненному источнику, с которым был знаком и от которого отправлялся Руставели, — Евангелию от Иоанна, где диавол называется «князем мира» (12, 31; 14, 30; 16, 11) и, вообще, «мир» противопоставляется «богу» («Приде ему час, да преидет от мира сего ко Отцу», 13, 1).

В то же время «бог» у Руставели, почти во всех случаях, не церковный — библейский, новозаветный или магометанский — Бог, а бог деистический, лишенный каких-либо религиозных признаков и атрибутов, но бог не абстрактный, а активный, вернее, активный принцип блага, добра, справедливости, светлого начала.

Если же и есть отдельные стихи и даже строфы, содержащие элементы церковного понимания бога, то это почти безусловно позднейшие вставки и переделки. Обнаружить их, в особенности интерполяции стрóf, сравнительно легко: если возникает предположение, что перед нами строфа, не принадлежащая Руставели, а вставленная позднее с целью ослабить его философское свободомыслие и, напротив, придать тексту элемент церковности, то первым доказательством подложности строфы является то, что она нарушает тесную, естественную, логическую связь между двумя соседними строфами, в особенности повествовательного характера. Если при опущении подозреваемой строфы или двух стрóf, почти всегда содержащих религиозно-назидательные размышления, развитие фабулы не нарушается и даже улучшается, это почти наверное означает, что мы имеем дело с интерполяцией¹. Можно думать, что особенно

¹ Ср. строфы 1047 и особенно 1048 — «Человек, не будь нескромен, не хвались, что ты силен», а также 1052—1053, где есть стих «Я лишь прах земли, бедняга! Что б содеял, одинок?», противоречащий строфе 1054.

подверглись «правке» те сказы «Витязя в тигровой шкуре», которые специально имеют философский, идеологический, — как иногда говорят, — «мировоззренческий» характер; например, сказ XXXII. Завещание Автандила царю Руставели¹.

Помещая своих героев в арабо-индийскую обстановку, Руставели постоянно дает понять читателю сюжетную условность избранного «культурного фона». Так, индийский царевич Тариел (допустим, по современной терминологии — пакистанский) рассказывает о том, как его лечили:

Охранять меня явились мукры, разные муллимь,
Надо мной читали книги и коран свой(!) досточтимый,
Колдовство во всем узрели, предрассудком одержимы.

«Араб» Автандил говорит Асмаг: «В храме сердца, как икону, я воздвигнул солнца лик»; в другом месте он просит царя Руставана принять спокойно весть о его, Автандила, смерти, если он умрет вдали от родных,

Не одет рукой питомцев и святым не мазан миром.

Тот же «мусульманин» Автандил дважды упоминает «апостолов» (791, 1—4; 1047, 4 — если в последнем случае не интерполяция). И Тариел, и Автандил перифразируют слова псалма «От юности моя мнози борют мя страсти...» и просят бога: «Дай мне силу над страстями». А кончается основная часть поэмы реминисценцией знаменитого стиха из пророка Исая («И будет в грядущие дни...»):

И паслись в их царствах мирно волк и рядом с ним коза.

Таким образом, ясно, что «бог» в поэме Руставели не имеет ни явно выраженного христианского, ни мусульманского характера, и, очевидно, по той причине, что для поэта важна была идея «бога» — «добра», а не какой-либо церковный «бог» в конкретности.

Прямой противоположностью «богу», как уже было сказано, является у Руставели «мир» с его синонимами «рок», «судьба», «сатана», «диавол». Характерно, что два последних слова встречаются в поэме всего несколько раз («сатана» — 2,2; 876,4; «диавол» — 110,3; 118,2; 787,3; 881,3). Слово же «мир» — со всевозможными отрицательными эпитетами («мгновенный», «лживый», «злой», «коварный», «неверный», «изменчивый», «обманчивый», «достойный лишь проклятья», «разрушающий все» и т. д.) — неоднократно.

И вместе с тем в «Витязе в тигровой шкуре» нет никакой проповеди аскетического мироотношения, монашеского отречения и отречения от радостей жизни. Напротив, наряду с жалобами на вероломный и непостоянный «мир», в поэме встречается и иное к нему отношение: бог «мир земной нам, людям, отдал многообразно цветущим». Об этом «многообразном цветении» мира говорится в другом месте «Витязя в тигровой шкуре»:

Сядем в зелени, любуясь, как красиво мирозданье.

Одно из проявлений любования многообразно цветущим миром представляется в поэме пейзажи, то светлые и радостные (341; 1063; 1127—1128; 1218,1; 1330,1 — 3 и др.), то суровые и величественные (184; 219; 1412 и др.). Поразительным по реалистичности пейзажа является следующий стих, свидетельствующий о том, что поэт был уроженцем горного края: Автандил

Смотрит сверху, как в долину набегают тень и свет.

Но приятие мира обнаруживается в поэме и в иных формах — в радостном восхищении земной жизнью, в веселье, шутках, смехе², наслажденных пирами, охотой, зрелищами, песней и, конечно, земной, полнокровной любовью, беззаветной дружбой и рыцарской доблестью.

Естественно, что у читателя возникает вопрос, как же возможно в одном и том же произведении подобное совмещение мрачной оценки враждебного человеку «мира» с быющей через край жизнерадостностью, ликующим оптимизмом? И что же в конце концов является доминирующим, определяющим, пессимизм или оптимизм? Ответ на эти законные, вопросы дает анализ третьего понятия, входящего в философскую триаду Руставели, — понятия «люди».

¹ Стих «Кто обрел свободу воли, тот к несчастьям равнодушен» (794, 4) дает основание предполагать, что следующая, противоречащая ему строфа представляет интерполяцию.

² «Смех дороже плача» (235,4). «Пойте, смейтесь все...» (1635,4).

В поэме Руставели изображено множество людей — и главные герои (Тариел, Автандил, Нестан-Дареджан, Тинатин, Аснат, Придон), и второстепенные действующие лица (цари Ростеван и Парсадан, тетка-воспитательница царицы Ревны Нестан-Дареджан Кадж-Давар, гуланшарская купчиха Фатман), и совсем эпизодические персонажи (вазир Сограт, другой вазир царя Ростевана, цари Саридан и Рамаз, индийская царица, муж Фатман Усен, ее любовник — Чашнапир, витязь, который женится на Аснат, рабы, кушцы, негры, курды, хорезмийский царевич и проч.). Почти все эти персонажи наделены особыми характерными чертами, настолько индивидуальными, что никак нельзя спутать Тариела с Автандилом, Нестан-Дареджан с Тинатином, Ростевана с Парсаданом, Аснат и Фатман, одного вазира Ростевана с другим.

Больше того, — психологические характеристики главных героев построены так развернуто, так пространственно-объемно и хронологически последовательно, что в каждом из них можно обнаружить определенное решение проблемы «людей», и вместе с тем в своей совокупности они дают целостное решение этой проблемы.

Прежде чем мы обратимся к рассмотрению материалов, подтверждающих наше мнение, отметим, что Ф. Бегиашвили, автор «Истории древнегрузинской литературы V—XII вв.», довольно близко подошел к нашей постановке вопроса, но, рассматривая его вне проблемы «бог» и «мир», отделился от главной дороги. «Руставели, — пишет Ф. Бегиашвили, — создавая гениальную поэму, ставил перед собой весьма важную задачу — дать психологию человека вообще и создать обобщенный тип реального человека». Далее автор снова повторяет, что поэтому была поставлена «трудная задача — дать психологию человека вообще». Между тем очень удачные анализы образов главных действующих лиц поэмы, сделанные Ф. Бегиашвили, говорят как раз об обратном. Руставели ставил своей задачей показать разнообразие, противоположность, противоречивость человеческих характеров, а отнюдь не психологию человека вообще. Ф. Бегиашвили отчасти прав в том отношении, что помимо психологии главных и второстепенных персонажей, Руставели в речах героев и в своих собственных «философских отступлениях» обращается к психологическим характеристикам человека, — говоря словами автора «Истории древнегрузинской литературы», — «человека вообще». Но замечательным художественным достижением Руставели было то, что психологию своих главных героев он показывает не в статическом, застывшем состоянии, не постоянно равной себе самой, а в движении, в изменении, в том, что более чем через шестьсот лет Н. Г. Чернышевский, говоря о ранних произведениях Л. Толстого, назвал диалектикой души. Психология героев Руставели потому так интересна и волнует читателя, что она показана в развитии, обусловлена изменяющимися обстоятельствами и в то же время вовсе не пассивна: человек у Руставели не «человек вообще», а человек в борьбе, в преодолении препятствий, в отстаивании права личности на счастье. И так как поэма в ее повествовательной части начинается с незаметно для читателя выдвинутого тезиса: «Мир источник всех несчастий», люди у Руставели выводятся в борьбе с «миром» и в конечном счете достигают победы. Таким образом, поэт рисует не психологию человека вообще, а психологию людей-борцов, людей-победителей.

Но Руставели был настолько гениальным художником-психологом, что не позволял себе примитивного схематизма, а, как мы уже сказали, видел и изображал противоречия психологии героев, рисовал диалектику души:

Лепестки зимой спадают, увядая, блекнут розы,
Летом жжет их близость солнца, угрожают розам грозы,
Соловьё поет над ними про свою любовь и грезы,
Но тоска томит их дважды — как в жару, так и в морозы.
Так и душу человека привести в порядок трудно:
Средь веселья, как и в горе, все ему, безумцу, чудно,
В мире цельности не видя, он вздыхает поминутно...³

Поэтому в поэме Руставели даже такой волевой и рационалистический человек, как Автандил, называющий себя «советов мудрых другом», — и тот по

¹ Федор Бегиашвили, История древнегрузинской литературы V—XII вв. Тбилиси, 1949, стр. 174; ср. стр. 168: «Руставели создает идеал «человека вообще...»

² Там же, стр. 203.

³ Стих 4, строфу 1350: «Тот, кто враг себе, решится миру следовать попутно» я считаю противоречащим контексту и, по-видимому, представляющим позднейшую переделку.

временам, разлучившись с Тинатин и отправившись на поиски Тариела, впадает в мрачное настроение, начинает жаловаться на «мир неверный», «мир враждебный», — и если здесь не вставка «исправителей» Руставели, — говорит, что для него «все благо мира — перезревший огурец». Но и во время жалоб на «мир коварный» Автандил гордо заявляет:

В жизни я рабом не буду, не страшусь своих врагов...
Жалок тот, кто в дни невзгоды не сумел воспрянуть вновь.

Однако в речах главного героя поэмы, Тариела, количество жалоб на «мир» во много раз больше, чем у Автандила и всех остальных персонажей Руставели. Почти все приведенные выше пейоративные эпитеты, придающие такой трагический колорит «Витязю в тигровой шкуре», заимствованы из lamentаций Тариела. При более внимательном чтении поэмы можно заметить, что в основном его жалобы на «мир» сосредоточены в первой части произведения, в повествовании Тариела Автандилу, затем в сказе о том, как Автандил находит обезумевшего Тариела. В дальнейшем же, когда Автандил установил местонахождение Нестан-Дареджан и привез Тариелу письмо от возлюбленной, жалобы на «мир» в устах героя почти полностью исчезают. Внимательное чтение приводит нас еще к одному важному выводу: жалобы Тариела на «мир» совпадают с тем периодом его жизни, когда, по словам сопровождающей его Асमत, —

...безумец он и рока дожидается расправы.

В другом месте Автандил замечает «в глазах [Тариела] безумья след». Руставели заставляет и самого Тариела признать, что он не владеет «мысли силой», что «смертью он объят, безумец». А кажущийся непонятным и лишним, задерживающим развитие сюжета эпизод встречи Тариела со львом и тигрицей был введен Руставели сознательно, — чтобы показать вершину душевной болезни героя, так как только безумцу может прийти в голову то, что рассказывает Тариел Автандилу:

Бросив меч, схватил тигрицу и привлек в свои объятия,
В память той желал лобзанья, от кого огнем объят я.
Но тигрица прорычала мне звериные проклятья,
Я убил ее нещадно, и безумцем стал опять я.

Прочитав письмо Нестан-Дареджан, привезенное Автандилом, Тариел преисполняется радости и вместе с Автандилом едет к Асमत:

Распевали оба сладко, как певучий соловей.
Видя их, Асमत к ним мчитя, хоть рубаха лишь на ней.
Ведь она не раз видала Тариела в горьком плаче,
Удивилась, что он весел, что он выглядит иначе...
Видят витязи и кличут, красит смех зубов краса:
«...Без тоски грядет, без горя жизни новой полоса».

И в «жизни новой полосе» мы уже не встречаем жалоб героя на вероломство, коварство и зло «мира».

Хотя Тариел бесспорно является главным героем «Витязя в тигровой шкуре», несомненно в то же время, что движущую пружину сюжета образуют действия Автандила. Как уже неоднократно отмечали грузинские исследователи, — и с их наблюдениями вполне совпадают впечатления читателя, — в образе Автандила Руставели воплотил действительную силу человека. Поэтому, несмотря на жалобы на «мир», которые находятся в размышлениях и речах расставшегося с Тинатин Автандила и которые делают его живым человеком, а не схематическим идеальным витязем, не знаящим душевных горестей и моментов слабости, — в психологии этого героя преобладает вера в силы человеческой личности, в человеческий разум и волю. Вот несколько, как мне кажется, существеннейших суждений, характеризующих позицию Автандила:

Коль ты мудр, — обращается он к Тариелу, — то знать ты должен, в чем же мудрость-то сама!..
Тверже скал держаться надо, хоть страданий будет тьма.

Сам Автандил высоко ценит человеческий разум, но враждебно относится к «умствованиям», к ложному, не проверенному жизненной практикой «уму» человека:

Долг разумных в том, чтоб сладить дело трудное самим,
Мысли смутной, суетливой оберечься надо им.

Все несчастье человека — это горе от ума.

Подлинный же разум требует от человека борьбы с «миром», а не монашеского ухода в сторону:

Ты мудрец, — говорит Автандил, — но не научен мудрецов
понять сужденья.
...Отвернувшись от вселенной, как поймешь свои томленья?
Кто не знал мирских терзаний?..

Автандил, убеждая Тариела, призывает его к активности, к сознательной деятельности:

Одолеешь трудность в деле, лишь сознательно творимом.

Он верит в то, что

Рок не выдаст человека, коль понятлив человек.

И своей действенностью, настойчивостью и логикой Автандил выводит Тариела из губительного душевного срыва. Характерно при этом, что сам в минуты слабости возглашавший жалобы на «мир», Автандил, пытаясь вырвать своего побратима из состояния безумия, внушает ему:

Так зачем упреки миру? Что же в нем бесповоротно?

В другом месте поэмы Автандил повторяет свою основную мысль:

Что есть храбрость, как не сила снесть любое испытанье,
Не упорство перед горем и с судьбою пререканье?

В итоге Автандил приходит к выводу, подтверждаемому ходом развития сюжета:

Кто несчастье превозможет, тот придет на светлый пир¹.

Таким образом, победа «добра» над «злом» совершается не в форме божественного вмешательства, не сверхъестественным образом, а в результате упорной борьбы людей за свое счастье.

Конечно, Руставели не мог в подобных словах выразить идею своего произведения, слишком «антропологична» и даже еретична была эта мысль даже для «золотого века» грузинской литературы. Ему поэтому приходилось вуалировать те выводы, к которым приводит внимательное рассмотрение поэмы и анализ ее фабулы, привычными для его современников терминами. Поэтому почти в самом конце «Витязя в тигровой шкуре», когда развязка близка и движущие причины ее становятся очевидны, Руставели пишет:

Мудрый Дивнос открывает дела скрытого исток:
Лишь добро являет миру, а не зло рождает бог,
Злу отводит он мгновенье, а добру — пространнй срок.

И ту же мысль, но уже не в виде цитаты, а в рассказе о встрече Тариела с царем Ростеваном, Руставели повторяет от своего имени через несколько строф:

Царь верхом навстречу мчитя, с ним вся знать и все войска.
Кто прослышал, все явились, как на зов, издалека.
Прославляется повсюду бога вышнего рука,
Мольба: «Зло недолговечно, а добро живет века»².

В такой же мере, как в первой половине поэмы звучат жалобы на «мир», так в ее заключительной части слышны мотивы ликующей радости.

«Время горя коротко», — восклицает Асмат, Индийская царица, мать Нестан-Дареджан, говорит вернувшейся дочери: (?)

¹ Ср. дальше слова самого поэта: «Кто вначале стерпит, после победит, — таков закон» (1391, 4).

² Ср. «О добре у добрых память сохраняется навек» (432, 1).

Что нам помнить время злое?
Нас веселье ожидает — многократное, земное.

Со своей стороны поэт прибавляет:

Не отведав горя, счастья не вкушает человек.

Сколько горя было прежде, столько радости сейчас.

Как бы синтезируя все эти мотивы,

Слово молвит там царица, от речей ее светло:
«Бог помог, враги разбиты, им и зло не помогло,
Дир устроим и веселью предадимся им назло».
«Траур снять! В литавры бейте! — пронеслись слова приказа. —
Пусть веселья шум и крики раздаются из дарбаза!
Пусть златой обтянет пояс платье ваше из атласа,
Пойте, смейтесь все, и слезы пусть не капают из глаза».

Одним из интереснейших поэтических приемов Руставели является незаметное введение, — обычно где-нибудь в начале поэмы, при этом в репликах героев по поводу конкретного частного случая, — какого-то важного философского тезиса и затем подтверждающее или опровергающее раскрытие его в ходе изложения сюжета. Выше было уже показано это на примере тезиса «Мир — источник всех несчастий», мимоходом высказанного царем Ростеваном и опровергнутого затем всем повествованием о победе героев над враждебными силами, воплощенными в реальных людях, а не в каких-либо фантастических существах. Еще более важное философское положение — о соотношении добра и зла в мире — являющееся, как мы видели, идейным стержнем поэмы, также введено Руставели в самом начале поэмы и также неприметным образом. Выслушав рассказ Ростевана о встрече с загадочным витязем в тигровой шкуре, мудрая Тинатин говорит отцу:

...Смело я скажу тебе, родитель,
Недостойн бог упрека, всей судьбы распорядитель,
Непричастен к жизни горькой тварей щедрый покровитель.
Зло творить зачем тот будет, кто добра творец-зидитель?

Повествование о бедствиях Нестан-Дареджан и Тариела и радостное завершение поэмы является художественным воплощением философской идеи, высказанной арабской царевной по частному поводу в форме вопроса.

Отправившийся в первое путешествие и огорченный разлукой с Тинатин, Автандил предаётся размышлениям и задает себе скептический вопрос:

Зло добром сменить кто может, вновь пройдя всей жизни круг?

В конце поэмы Руставели цитирует, как мы видели, мудрого Дивноса, который отвечает на вопросы Тинатин и Автандила:

Лишь добро являет миру, а не зло рождает бог,
Злу отводит он мгновенье, а добру — пространньи срок.

Приведем еще один пример, подтверждающий наше наблюдение о введении автором «Витязя в тигровой шкуре» философских мотивов в начале поэмы и повторением-ответом на них в заключительной ее части.

Получив от Тинатин приказ отправиться на поиски неведомого витязя, Автандил плачет от сознания, что «разлука будет сердцу тяжелой раной», и тут же прибавляет:

Жизнь свою отдать за друга — я не знаю чести равной.

В заключительной части поэмы уже цитированные нами слова Тариела: «Нас спасла друзей любовь» завершают разработку этого философского мотива — мотива дружбы.

Таким образом, идейно-художественный замысел «Витязя в тигровой шкуре» состоит в том, что и «зло», и «добро», и «мир», и «бог», и «горе», и «радость», и «вражда», и «дружба» и т. д. — все это только разные формы проявления деятельности «людей», вся же поэма Руставели в целом есть апофеоз мощи и величия борющегося и побеждающего человеческого коллектива, — и не «человека вообще», а именно «людей»-борцов.

СТРАНИЦА ПРОШЛОГО

Широко отмечено в нашей стране 30-летие антифашистской войны в Испании. Перелистывая страницы прошлого, отражающие солидарность советских людей с героическими защитниками республики — верными сынами Испании, хочется напомнить один эпизод. 4 марта 1937 года в Москве состоялся творческий вечер грузинского поэта Тициана Табидзе. Участники вечера горячо встретили появившихся в зале испанских писателей Рафаэля Альберти и Марии Терезы Леон. В те дни в Тбилиси вышел из печати сборник стихов грузинских поэтов, посвященный героической Испании. Эту книжку Тициан Табидзе передал на своем творческом вечере испанским друзьям и при этом сказал: «Пусть товарищи, которые приехали к нам из самой глубины революционной Испании, знают, что и грузинские поэты исполнили свой долг и чувствовали содрогание, когда писали эти стихи. Хочу передать вам их приветствия. Да здравствует революционная Испания! Да здравствует ее народ!».

Принимая подарок грузинских поэтов, Рафаэль Альберти, знаменитый испанский поэт, сражавшийся в первых рядах борцов за республику, ответил: «С чувством глубокой признательности я принимаю эту книгу грузинских поэтов. Мы ее привезем своим товарищам, защищающим Мадрид».

Вечер вылился в волнующую интернациональную встречу поэтов. Стихи звучали на русском, грузинском, испанском языках. Тициан Табидзе читал свои посвящения Пушкину, испанским патриотам и другие стихи. С переводами его стихов выступили поэты Б. Пастернак, П. Антокольский, В. Державин, Б. Брик и другие. А. Фадеев в своем выступлении сказал, что «Тициан Табидзе представляет одну из действительно поэтических стран с очень большими поэтическими традициями в созвездии наших народов, и поэтому вечер его превратился в вечер братских народов; но он превратился также в вечер интернациональной поэзии, — на этот вечер пришли представители испанского народа и тоже поэты».

Подписано к печати 5 августа 1966 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 70X108/16.

Заказ № 2418

Тираж 2100

УЭ 08816

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

გურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“ (რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина № 14.

15.10.58
302-30301339

01174

ИНДЕКС
76117

Цена 40 к.